

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, ст. науч. сотр.), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пицальникова* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.), *М.М. Раевская* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашико* – канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук (ИЯ РАН, гл. науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи), *И.А. Шаронов* – д-р филол. наук (РГТУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им. Н.Э. Баумана, проф.)

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*
Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2025.04.00

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INION RAN

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2025 – 4

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, senior researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, leading researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, prof.)

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*
Responsible for the issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctoral and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2025.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Костева В.М. Лингвистика и ее история	9
---	---

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Казак Е.А. Лондонский кокни: от стигматизации к вариативности	22
---	----

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Томская М.В. Юмор как проявление креативности в повседневной речи	40
---	----

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Наугольных Е.А. Некоторые особенности игр Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану» и их переводимость	51
Трампетти Л., Хухуни Г.Т. 6-я новелла VI дня «Декамерона» в переводах А.Н. Веселовского и Н.М. Любимова: лингвистические и филологические аспекты	62
Тарасова О.Д. Явление синестезии в художественном произведении и особенности его передачи (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер» и его переводов на русский и английский языки)	78
Захарова М.А. Языковые и прагматические особенности англоязычных книжных сайтов	93
Шпетный К.И. Лингвостилистический потенциал натуралистического дискурса в англоязычном публицистическом нарративе (на английском языке)	111

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Раева С.Р., Степанова Д.В. Феномен бортового журнала в сериале «Звездный путь»	127
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Яковлева Э.Б. Рецензия на монографию: Аспекты фразеологической устойчивости. К 110-летию Ирины Ивановны Чернышевой	139
Опарина Е.О. Рецензия на книгу: Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой	152
Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Карасик В.И. Языковые камертоны смысла: монография	159
Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Карасик В.И. Языковое древо жизни: монография	167

CONTENTS

Kosteva V.M. Linguistics and Its History	9
--	---

SOCIOLINGUISTICS

Kazak E.A. London Cockney: From Stigmatization to Language Variation	22
--	----

COGNITIVE LINGUISTICS

Tomskaya M.V. Humor as a Manifestation of Creativity in Everyday Speech	40
---	----

APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATION AND TRANSLATION THEORY

Naugolnykh E.A. Certain Aspects of Igrams Introduced by James Joyce in “Finnegans Wake” and Their Translatability	51
Trampetti L., Khukhuni G.T. Linguistic and Philological Aspects of A.N. Veselovsky’s and N.M. Lyubimov’s Translations of the Sixth Novella of Day VI of the “Decameron”	62
Tarasova O.D. The Phenomenon of Synesthesia in a Work of Fiction and the Features of Its Transmission (Based on the Novel by P. Suskind “The Perfumer” and Its Translations Into Russian and English)	78
Zakharova M.A. Linguistic and Pragmatic of English Bookstore and Publishing Sites (in English)	93
Shpetny C.I. Linguostylistic Capacity of the Nature Narrative in the English Publicistic Discourse	111

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Raeva S.R., Stepanova D.V. The Star Trek Log Phenomenon	127
---	-----

REVIEWS

Yakovleva E.B. Review of the Monograph: Aspects of Phraseological Stability. Dedicated to the 110 th Anniversary of Irina Ivanovna Chernysheva	139
Oparina E.O. Book Review: Logical Analysis of Language. Language and World. In Memoriam Nina D. Arutyunova on the Occasion of Her 100 th Birthday	152
Rarenko M.B. Book Review: Karasik V.I. Linguistic Tuning Forks of Meaning: A Monograph	159
Rarenko M.B. Book Review: Karasik V.I. The Linguistic Tree of Life: A Monograph	167

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ HISTORY OF LINGUISTICS

УДК 81–119

DOI: 10.31249/ling/2025.04.01

Костева В.М.¹

ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ ИСТОРИЯ

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор представления истории языкознания с середины XX века до начала XXI века. Автор рассматривает этапы становления отечественной и зарубежной лингвистологии, методы изучения, метаязык представления истории научного знания. Большое внимание уделяется основным проблемам описания истории лингвистики, включающим выделение критериев объективности и истинности исследования, а также вопросам оценки достижений лингвистов при написании учебников и учебных пособий.

Ключевые слова: лингвистология; метаязык; объективность; истинность; нарративный метод.

Для цитирования: Костева В.М. Лингвистика и ее история // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 9–21. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.01

Kosteva V.M.*

LINGUISTICS AND ITS HISTORY

Abstract. The article is an analytical review of the presentation of the history of linguistics from the middle of the twentieth century to the

¹ © Костева В.М., 2025

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой германской филологии Российского государственного гуманитарного университета; vmkosteva@gmail.com

* Kosteva Viktoria Michailovna – Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Head of the Department for German Philology, Russian State University for the Humanities; vmkosteva@gmail.com

beginning of the twenty-first century. The author touches upon the stages of formation of domestic and foreign linguohistoriography, methods of study, meta-language of representation of the history of scientific knowledge. Much attention is paid to the main problems of describing the history of linguistics, including the allocation of criteria of objectivity and truthfulness of research, as well as the issues of evaluating the achievements of linguists when writing textbooks and teaching aids.

Keywords: linguo historiography; meta-language; objectivity; truthfulness; narrative method.

For citation: Kosteva V.M. Linguistics and Its History // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 9–21. DOI: 10.31249/ling/2025.04.01

Как любая наука, языковедение имеет свою историю, изучение которой является предметом историографии лингвистики. В современном языковедении эта отрасль также обозначается иными терминами: история лингвистических учений, история лингвистики, лингвистическая историография, лингвоисториография. Отметим, что последний термин и его производные являются наиболее употребительными в работах современных авторов.

Историография лингвистики включает в себя не только сведения, касающиеся возникновения и развития учений о языке в диахроническом аспекте в составе общего гуманитарного знания, но и теоретико-методические разработки представления данных сведений, а также (критический) анализ различных языковедческих теорий и концепций. Такое определение закреплено в Лингвистическом словаре [Бокадорова, 1990, с. 204]. Представляется, что на сегодняшний день не только наука языковедение имеет свою историю, но и сама историография лингвистики становится предметом изучения в диахроническом и в синхроническом аспектах.

Задача данной статьи заключается в аналитическом обзоре представления истории лингвистики в отечественном и зарубежном языковедении, охватывающем период с середины XX века до начала XXI века. К исследованию привлекался аутентичный материал: оригинальные труды, научные статьи, очерки отечественных и зарубежных исследователей.

История лингвистики прошла несколько этапов. Наиболее плодотворный период развития приходится на вторую половину XX века. С начала 1960-х гг. заметно оживляется интерес к данному направлению языкознания в советской, а также в европейской и американской лингвистиках, что порождает создание новых методологических концепций освещения исторического прошлого языкознания и становится поводом для критического пересмотра традиционных взглядов на его историю. Такой рост интереса к истории языкознания объясняется лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Определенный кризис, который переживал структурализм, появление новых направлений лингвистики, например, генеративной лингвистики, заставили многих языковедов обратиться к опыту предшественников. Показательным примером является появление книги Н. Хомского (N. Chomsky) (род. 1928) «Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли» (*Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought*) [Chomsky, 1966; русский перевод: Хомски, 2005], которая оказала большое влияние на развитие лингвистической историографии второй половины XX века в Европе и Америке. Исключительное значение изучению истории лингвистики уделяли отечественные специалисты, создавшие большое количество трудов по данной тематике и осуществившие переводы книг зарубежных авторов на русский язык.

В период 1960–2000 гг. как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической историографии были заложены научно-методические основы представления истории лингвистики, что привело к присвоению ей статуса отдельного направления науки со своими принципами и концепциями исследования. В это же время сложился круг ученых-лингвистических историографов. Для обмена мнениями по актуальным проблемам историографии лингвистики были основаны специальные отраслевые журналы, начали проводиться первые конгрессы и научные конференции.

К числу основных журналов лингвистической историографической направленности, созданных в указанный временной период и издающихся в настоящий момент, относятся следующие: *Лингвистическая историография* (*Historiographia Linguistica International. Journal for the History of the Language Sciences*), *История. Эпистемология. Язык* (*Histoire. Épistémologie. Langage*), *Доклады по истории языкознания* (*Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. Rundbrief Studienkreis Geschichte der Sprachwissenschaft*).

К сожалению, до сих пор отечественные лингвисторнографы не имеют своего научного издания, статьи по данной тематике можно найти лишь в отдельных рубриках разных журналов.

Лингвисторнографы начали активно создавать свои сообщества, среди которых можно отметить Общество истории лингвистических идей Генри Свита (Henry Sweet Society for the History of Linguistic Ideas, HSS), Общество истории и эпистемологии наук о языке (Société d'Histoire et d'Épistémologie des Sciences du Langage, SHESL), Нидерландское Общество истории языкознания (Geshiedenis van de Taalwetenschap), Научный кружок истории языкознания (Studienkreis 'Geschichte der Sprachwissenschaft (SGdS)), Испанское общество историографической лингвистики (Sociedad Española de Historiografía Lingüística (SEHL) и другие.

Благодаря усилиям лингвисторнографов в институтах и университетах СССР, США, Германии, Великобритании, Нидерландов был введен специальный курс по истории языкознания. В СССР он носил название «История лингвистических учений (история языкознания)» и входил в вузовскую систему подготовки языковедов, наряду с такими дисциплинами, как «Введение в языкознание» и «Общее языкознание». Выделение данного курса в СССР сопровождалось научной дискуссией, участие в которой приняли многие выдающиеся языковеды, например В.Н. Ярцева, Н.А. Слюсарева, О.С. Ахманова и др. В специальной редакционной статье журнала «Вопросы языкознания» была отмечена важная роль указанной дисциплины: «Хорошо поставленный курс «История языкознания» даст студентам не только знание истории своей науки, но и привьет им навыки критического анализа различных лингвистических теорий, умение разбираться в чужих взглядах, понимать методологические основы этих взглядов» [От редакции, 1954, с. 102]. В опубликованной в том же номере журнала статье В.Н. Ярцевой «О курсе “история языкознания” на филологических факультетах университетов» были сформулированы основные требования и задачи программы, среди которых также отмечалась необходимость создания «целой серии пособий по “Истории языкознания”, включая “хорошо комментированные хрестоматии по истории языкознания”» [Ярцева, 1954, с. 114].

Результатом проведенной дискуссии о содержании курса стало написание основополагающих учебников и пособий, авторами которых были выдающиеся советские языковеды В.А. Звегинцев, В.В. Виноградов, Ф.М. Березин, Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский, Б.А. Серебрянников, Р.А. Будагов,

Н.А. Кондрашов, В.М. Алпатов и ряд других. Пособия и учебники этих лингвистов были несколько раз переизданы поскольку пользуются заслуженным авторитетом и в наше время.

Несмотря на общность темы, учебники охватывают разные тематические разделы, представляют авторские периодизации истории лингвистики и особые взгляды на роль той или иной концепции в общей истории языкознания. В этой связи отметим, например, учебник Я.В. Лоя [Лоя, 1968], являющийся отражением его взгляда на историю лингвистики, что проявилось в ряде утверждений, например, о том, что «с самого начала следует признать условный характер всякой периодизации», в представлении концепций не самых известных языковедов, например, И.Ю. Крачковского, Н.В. Юшманова, Д.В. Бубриха, а также в членении сравнительно-исторического языкознания на 4 этапа, которые описываются через проблемы и направления. Так, последний этап, относящийся, по классификации автора, к современным, включает например, такие вопросы, как хеттский язык, ларингальная теория, реконструкция, ареальное языкознание. К направлениям относят синхроническое языкознание, глоттохронологию и др.

Большой вклад в написание истории лингвистических учений внесли преподаватели кафедры общего и сравнительного языкознания МГПИИЯ им. М. Горького. К наиболее известным трудам относятся «История языкознания: Пособие для студентов-заочников», авторами которых были Л.И. Базилевич, Р.М. Венцкович, А.Я. Шайкевич, Н.А. Слюсарева, В.С. Страхова, и др. [История языкознания..., 1968–1974], а также специальные научные труды, посвященные проблемам лингвоисториографии, например, сборник научных трудов «Актуальные проблемы истории и историографии лингвистики».

Не менее важным аспектом развития лингвоисториографии представляется ее популяризация среди широких масс населения. В СССР издательство «Просвещение» на протяжении нескольких десятилетий выпускало серию книг для школьников «Люди науки», в которых в доступной для учащихся форме рассказывалось о жизни и деятельности российских филологов, например «Ф.И. Буслаев» [Чурмаева, 1984], «А.А. Потебня» [Франчук, 1986], «А.А. Шахматов» [Макаров, 1981].

Составление историографического описания стало темой диссертационных исследований, например М.Б. Ботвинника о Лаврентии Зизании (1970), Г.Т. Хухуни об основных тенденциях

развития русской лингвистической мысли конца XIX – первой трети XX века (1984).

Среди зарубежных авторов, работавших в этот период, отметим труды Г. Хельбига (G. Helbig) (ГДР), А. Жакоба (A. Jacob) (Франция), Й. Йордана (I. Jordan) (Румыния), Х. Аренса (H. Arens) (ФРГ), Р. Робинса (R. Robins,) (Великобритания), Г. Тальявини (G. Tagliavini) (Италия), Г. Мунена (G. Mounin), (Франция). А. Граур (A. Graur) (Румыния) Э. Кошеру (E. Coseriu) (Румыния) и др.

Концепции учебников вышеназванных исследователей весьма разнообразны. Так, например, «Романское языкознание: историческое развитие, течения, методы» Й. Йордана посвящено не романским языкам, а истории романистики, которая прослеживается в разделах, посвященных романистике до 1900 года, школе К. Фосслера, французской лингвистической школе, лингвистической географии, неолингвистике [Йордан, 1971].

Учебник Х. Аренса представляет собой смесь хрестоматии и взглядов автора на ту или иную лингвистическую концепцию [Arens, 1955].

Книга Г. Хельбига включает в себя подробное описание истории языкознания дососсюрковского периода, концепции Ф. де Соссюра, структурализм, функциональную, содержательную, генеративную грамматику. Отдельные главы посвящены концепциям других ученых, например, К. Фризу. Отметим, что описание данных концепций в учебнике пролеживается на материале разных стран, в том числе ФРГ, ГДР, США, СССР [Helbig, 1975].

В «Краткой истории лингвистики» Р. Робинса представлено описание лингвистики от античности до современного автору времени. Задачей этого пособия он расценивает необходимость «посмотреть на прошлое глазами настоящего» («look at the past through the eyes of the present») [Robins, 1967, p. 9].

Таким образом, представление истории лингвистики было сформулировано по темам, по хронологии и по месту появления концепций и теорий, что кажется нам довольно тривиальным для исторического описания. Однако необходимо отметить попытки изложения научной концепции с использованием отрывков из оригинальных произведений, сопровождаемых краткими авторскими комментариями.

Общие задачи истории языкознания, не утратившие своей актуальности в настоящее время, были определены Т.А. Амировой, Б.А. Ольховиковым, Ю.В. Рождественским в учебнике «Очер-

ки по истории лингвистики» [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975, с. 19]. Однако в дальнейшем при практической реализации общих задач историография лингвистики ставила новые вопросы. Речь шла, например, о создании метаязыка и терминологии направления. Отметим, в связи с этим, работу Н.Ю. Бокадоровой, затронувшей важную проблему интерпретации научных текстов. Автор считает необходимым иметь для адекватного прочтения текстов прошлого словарь и грамматику соответствующей эпохи. Под «словарем» Н.Ю. Бокадорова понимает «набор понятий и терминов, применявшихся в эпоху создания текста», «грамматика» же представляется автору системой «связей между элементами научного знания, стоящая за данным текстом, или структура знания» [Бокадорова, 1986, с. 69]. Важным для историографии лингвистики как самостоятельной науки является положение о том, что специальный «язык», удобный для решения задач этой области науки может быть разработан «только в результате профессиональных занятий историей языкознания» [там же, с. 71].

Немецкий теоретик лингвоисториографии Е.Ф.К. Кернер (E.F.K. Koerner) (род. 1939) представил свое видение данного метаязыка, в основе которого лежат три принципа:

1) принцип контекстуализации (principle of contextualization). Он связан с необходимостью учета сложившейся общественно-политической ситуации, накладывающей определенный отпечаток на лингвистику той или иной эпохи;

2) принцип имманентности (principle of immanence) предполагает детальный анализ исследуемого текста с филологической, исторической и критической точек зрения;

3) принцип адекватности (principle of adequation) заключается в возможности использования в научном тексте современной терминологии для его адаптации пониманию современного читателя [Koerner, 1995, p. 41–42].

Обобщая существующие материалы по историографии лингвистики указанного периода, можно говорить о нескольких типах представления истории лингвистических учений:

1) общие теоретические и методологические очерки по историографии лингвистики;

2) работы, посвященные отдельным идеям о языке и развитию частных лингвистических концепций;

3) биографические рассказы о трудах отдельных исследователей, оказавших влияние на развитие науки в определенный исторический период [Koerner, 1978, p. XII–XIII].

Советский лингвисториограф Н.А. Слюсарева (1918–2000) подразделяла историографические труды на несколько жанров:

1) статьи, посвященные обзору какой-либо научной деятельности или отдельным проблемам в трактовке какого-либо специалиста [Слюсарева, 1979, с. 7]. Как правило, такие статьи размещаются в предисловии или в послесловии к отдельным учебникам и пособиям, а также составляют юбилейные сборники;

2) учебные пособия по истории языкознания [там же, с. 14];

3) монографические труды, посвященные исследованию научных концепций [там же, с. 37].

Э.Ф.К. Кернер в ряде работ выделяет четыре группы описаний, связанных с определенными мотивами лингвистов-историографов. К первому типу, который автор называет «итоговые истории лингвистики» (*summing-up histories of linguistics*) [Koerner 1999, p. 2], относится написание истории в определенный период, когда какое-либо поколение (или индивидуум), обладающее в значительной степени знаниями об идеях, верованиях, обязательствах, приходят к выводу о том, что поставленная цель достигнута и последующая работа заключается, лишь в уточнениях и дополнениях. Второй тип (*celebratory or propagandistic histories of linguistics*) [Ibid., p. 28] проявляется у индивидуума или социальной группы, настроенной оппозиционно по отношению к преобладающим идеям и доктринам и представляющей свои концепции. Третий тип – это хронология проблемы в истории языкознания (*detached histories of linguistics*) (*Problemgeschichte*) [Ibid., p. 30]. И, наконец, четвертый тип описания связан с представлением истории лингвистики как ее неотъемлемой части и одновременно как деятельности, основанной на принципах хорошо продуманного исследования. [Koerner, 1978, p. 55–58]. Написание истории лингвистических учений в этом контексте Кернер назвал лингвисториографией.

Основной акцент лингвисториографического исследования традиционно ставился на последовательное историческое описание, что изначально подразумевало использование классического инструментария историографии – репрезентации научных направлений развития лингвистики, фиксированных определенными хронологическими рамками. Лингвисториографическая статья строилась по схеме: краткое биографическое описание, описание научных концепций, их оценка в аспекте актуального политического контекста. Такое представление актуально для многих современных изданий лингвисториографического направления (в качестве примера вы-

ступает Хрестоматия [Отечественные лингвисты XX века], а также библиографические статьи в Интернете). Существующие на момент описания официальные идеологические оценки конкретного исторического периода задавали определенное, часто одностороннее восприятие личности ученого и его концепций. Так, в СССР и других социалистических странах подход к описанию истории был тесно связан с марксизмом-ленинизмом, выдвигающим на первый план социальную составляющую исторического процесса, а также с диалектическим материализмом, согласно которому роль и значение лингвистики определяется в общем процессе познавательной деятельности.

Определенное недовольство историческим подходом к представлению истории лингвистики привели западных историографов к дискуссии о методологии изучения истории языкознания, начавшейся в 1970-х гг. Этот диспут породил множество новых концепций, среди которых – теория парадигм Т. Куна, вызвавшая целый ряд дебатов среди отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих возможность применения термина *парадигма* к истории лингвистики. Также обсуждались критерии выделения лингвоисторических парадигм и их количеств, взаимодействие и взаимовлияние парадигм на развитие науки. Теория Куна нашла положительный отклик у отечественных языковедов, которые трактуют историю языкознания как развитие и смену нескольких парадигм, число которых разнится в соответствии с воззрениями ученых. В зарубежной лингвистике реакция на эту концепцию была скорее негативной. Свое несогласие с ней высказывал, например, французский историограф П. Серио (род. 1949) полагавший, что «в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [Серио, 1993, с. 52].

Э.Ф.К. Кернер предложил изучение историографии на основании разработанных им моделей. К таковым он относил, например, модель «основное / побочное направление» (the Mainstream – vs. – Undercurrent Model), которая различает доминирующие и периферийные направления развития языкознания. Придание статуса доминанты какому-либо течению осуществляется по ряду причин: идеологическим, социальным, политическим [Koerner, 1989, p. 51].

Нельзя не отметить такое философское направление, как историческая эпистемология М. Фуко (M. Foucault) (1926–1984). В его концепции любой объект может быть исследован на основе мате-

риалов дискурсивных практик (фр. *pratiques discursives*), входящих в состав эпистемы. Под ними автор понимает совокупность анонимных правил разной природы, «которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 2004, с. 227–228]. Транспонирование дискурсивных практик на историографию лингвистики позволяет посмотреть на нее с иного ракурса и определить мотивы поведения и выбор направления научной деятельности с учетом сложившейся ситуации [Костева, 2018].

В качестве основной проблемы историографического описания лингвоисториографы выдвинули критерий объективности и истинности исследования, а также оценки достижений лингвистов за тот или иной период. Описание лингвистических направлений так или иначе связано с авторской оценкой, которая выражает принятую идеологическую норму или часто является субъективной, базирующейся на научных пристрастиях и интересах конкретного ученого. Так, например, Х. Аренс комментирует развитие истории лингвистики с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, а также неогумбольдтианской школы Й.Л. Вайсгербера. Йордан резко критикует школу Л. Вейсгербера, обвиняя его в том, что его мысли «могут привести ... к расизму» [Йордан, 1971, с. 516].

Тема преодоления субъективизма в лингвоисториографии интересовала многих ученых. Заслуживающую внимание позицию представил Г. Брекле, утверждая, что историограф выполняет накопительную и консервирующую функции, работал по принципу *Nihil linguisticum me alienum puto* (ничто лингвистическое мне не чуждо) [Brekle, 1985, S. 8] и привлекал к своим исследованиям не только лингвистический контекст (идеи предшественников и последователей), но и экстралингвистический, в том числе биографические, социальные, исторические предпосылки создания текста [Ibid, S. 21]. Вопрос объективности в учебнике Р. Робинса связан с представлениями автора о системном характере лингвоисторического исследования, при котором историограф учитывает все источники, связанные с языковой рефлексией [Robins, 1967, p. 6–7].

В поисках новой объективности исторического описания были разработаны новые критерии хронологической репрезентации развития лингвистики, к одному из которых относится нарратив. Нарративная история интерпретирует событие в процессе реконструирующего рассказа о нем. В конце 1990-х гг. нарративная

лингвисториография стала активно разрабатываться в трудах профессоров О.А. Радченко, О.В. Лукина и их последователей. Результатом нарративной историографии послужило уточнение, а иногда и опровержение некоторых общепринятых положений историографии лингвистики. Так, обращение к лингвисториографии в СССР и социалистических государствах второй половины XX в. можно отнести к проявлению определенного противодействия ученых доминирующим идеологически обусловленным лингвистическим направлениям и общественно-политическим установкам [Костева, 2018].

Краткий обзор, представленный в данной статье, указывает на ряд нерешенных проблем историографии лингвистики, к числу которых относится объективность лингвисториографического описания. Представляется, что нарративный подход на сегодняшний день в большей степени соответствует ее критериям и позволяет как выявить новые научные факты, так и открыть новые имена, сыгравшие значительную роль в общей истории лингвистики.

Список литературы

- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – 559 с.
- Бокадорова Н.Ю.* Проблемы историологии науки о языке // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 68–75.
- Бокадорова Н.Ю.* Историография лингвистики // Лингвистический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 204.
- История языкознания: пособие для студентов-заочников /* Базилевич Л.И., Венцкович Р.М., Слюсарева Н.А., Шайкевич А.Я. и др. – Москва, 1968–1974. – Вып. 1–6.
- Йордан Й.* Романское языкознание: Историческое развитие, течения, методы / перевод с румын. С.Г. Бережан, И.Ф. Мокряк. – Москва: Прогресс, 1971. – 619 с.
- Костева В.М.* Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: дис.... д.-ра филол. наук. – Москва, 2018. – 396 с.
- Лоя В.Я.* История лингвистических учений: (материалы к курсу лекций). – Москва: Высшая школа, 1968. – 308 с.
- От редакции.* К обсуждению курса «История языкознания» на филологических факультетах университетов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 4. – С. 101–103.
- Отечественные лингвисты XX века: Хрестоматия /* отв. ред. В.В. Потапов. – Москва: Языки славянской культуры, 2016. – 808 с.

- Серпуо П. В поисках четвертой парадигмы // *Философия языка: в границах и вне границ: международная серия монографий* / ред. Ю.С. Степанов. – Харьков: Око, 1993. – Вып. 1. – С. 37–52.
- Слюсарева Н.А. Проблемы советской историографии науки о языке: Научно-аналитический обзор. – Москва: ИНИОН, 1979. – 57 с.
- Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Ярцева В.Н. О курсе «история языкознания» на филологических факультетах университетов // *Вопросы языкознания*. – 1954. – № 4. – С. 104–115.
- Arens H. Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. – Freiburg; München: Alber, 1955. – 816 S.
- Brekle H.E. Einführung in die Geschichte der Sprachwissenschaft. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. – 211 S.
- Helbig G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1975. – 391 S.
- Koerner E.F.K. Toward a historiography of linguistics: Selected essays Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1978. – 222 p.
- Koerner E.F.K. Practicing linguistic historiography: selected essays. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1989. – 454 p.
- Koerner E.F.K. Professing linguistic historiography. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1995. – 274 p.
- Koerner E.F.K. Linguistic Historiography: Projects & Prospects. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. – 236 p.
- Robins R.H. A Short History of Linguistics. – London: Longman, 1967. – 248 p.

References

- Amirova T.A., Ol'khovikov B.A., Rozhdestvenskij Yu.V. *Istoriya yazykoznanija* [History of Linguistics]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka, 1975. 559 p. (In Russian)
- Bokadorova N.Ju. *Problemy istoriologii nauki o jazyke* [Problems of Historiology of the Science of Language]. In: *Voprosy jazykoznanija*, 1986. N 6. Pp. 68–75. (In Russian)
- Bokadorova N.Ju. *Istoriografija lingvistiki* [Historiography of Linguistics]. In: *Lingvisticheskiy slovar'*. Moscow, 1990. P. 204. (In Russian)
- Istorija yazykoznanija: Posobie dlja studentov-zaochnikov* [History of Linguistics: A Handbook for Correspondent Students] / Bazilevich L.I., Venckovich R.M., Sljusareva N.A., Shajkevich A.Ya. et al. Moscow, 1968–1974. Iss. 1–6. (In Russian)
- Jordan J. *Romanskoe jazykoznanie: Istoricheskoe razvitie, techenija, metody* [Romance linguistics: Historical Development, Currents, Methods] / Per. s rumyn. S.G. Berezhan, I.F. Mokrjak. Moscow: Progress, 1971. 619 p. (In Russian)
- Kosteva V.M. *Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme XX veka* [The Linguistics of Totalitarianism in the Linguophilosophical Paradigm of the Twentieth Century]: dis.... d.-ra filol. Nauk. Moscow, 2018. 396 p. (In Russian)

- Loja V.Ja. *Istorija lingvističkih učenij: (materialy k kursu lekcij)* [History of Linguistic Doctrines: (Materials for the Course of Lectures)]. Moscow: Vysshaja škola, 1968. 308 p. (In Russian)
- Ot redakcii: *(K obsuzhdeniju kursa «Istorija jazykoznanii» na filologičeskikh fakul'tetah universitetov)* [From the Editorial Board: (To the Discussion of the Course «History of Linguistics» at Philological Faculties of Universities)]. In: *Voprosy jazykoznanija*. 1954. N 4. Pp. 101–103. (In Russian)
- Otechestvennye lingvisty XX veka: Hrestomatija* [Domestic Linguists of the 20 th Century: A Reader / ch. Editor V.V. Potapov. Moscow: Yazyki slavianskoj kul'tury, 2016. 808 p.
- Serio P. *V poiskah četvertoj paradigmy* [In search of the fourth paradigm]. In: *Filosofija jazyka: v granicah i vne granic: mezhdunarodnaja serija monografij* / red. Ju.S. Stepanov [The Philosophy of Language: Within Borders and out of Borders: An International Series of Monographs]. Har'kov: Oko, 1993. Vol. 1. Pp. 37–52. (In Russian)
- Sljusareva N.A. *Problemy sovetskoj istoriografii nauki o jazyke: Nauchno-analitičeskij obzor* [Problems of Soviet Historiography of the Science of Language: Scientific and Analytical Review]. Moscow: INION, 1979. 57 p. (In Russian)
- Fuko M. *Arheologija znanija* [Archaeology of Knowledge] / Perevod s fr. M.B. Rakovoj, A.Ju. Serebrjannikovoj. Saint Petersburg: IC «Gumanitarnaja Akademija»: Universitetskaja kniga, 2004. 416 p. (In Russian)
- Jarceva V.N. *O kurse «istorija jazykoznanija» na filologičeskikh fakul'tetah universitetov* [On the Course “History of Linguistics” at the Philological Faculties of Universities]. In: *Voprosy jazykoznanija*. 1954. N 4. Pp. 104–115. (In Russian)
- Arens H. *Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart*. Freiburg; München: Alber, 1955 816 S.
- Brekle H.E. *Einführung in die Geschichte der Sprachwissenschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985 211 S.
- Helbig G. *Geschichte der neueren Sprachwissenschaft*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1975 391 S.
- Koerner E.F.K. *Toward a Historiography of Linguistics: Selected essays* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1978 222 p.
- Koerner E.F.K. *Practicing Linguistic Historiography: selected essays*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1989 454 p.
- Koerner E.F.K. *Professing Linguistic Historiography*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1995 274 p.
- Koerner E.F.K. *Linguistic Historiography: Projects & Prospects*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999 236 p.
- Robins R.H. *A Short History of Linguistics*. London: Longman, 1967. 248 p.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА SOCIOLINGUISTICS

УДК 811.111

DOI: 10.31249/ling/2025.04.02

Казак Е.А.¹

ЛОНДОНСКИЙ КОКНИ: ОТ СТИГМАТИЗАЦИИ К ВАРИАТИВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются статусные характеристики лондонского кокни в рамках исторического и социального контекста. Исследование ведется с учетом истории мегаполиса как коммуникативного пространства прежде всего повседневной жизни городских обитателей. Приводятся примеры из художественной литературы, дневников, церковных книг, на основе которых прослеживается социолингвистическая динамика развития диалекта кокни на протяжении XVI–XX вв. Освещаются социальные и демографические изменения в XX в., приведшие к формированию мультикультурного лондонского английского (MLE), вобравшего в себя элементы кокни.

Ключевые слова: история кокни; языковая вариативность; стандартный английский язык; мегаполис; мультикультурный английский Лондона (MLE); кокни в художественной литературе, личных дневниках и церковных книгах.

Для цитирования: Казак Е.А. Лондонский кокни: от стигматизации к вариативности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 22–39. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.02

¹ Казак Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; ladykazak@gmail.com

Kazak E.A.*

**LONDON COCKNEY:
FROM STIGMATIZATION TO LANGUAGE VARIATION**

Abstract. The article analyzes the status characteristics of London cockney in the historical and social context. The research is carried out taking in account the history of megapolis as the communicative space primarily of everyday life of its citizens. The texts from fiction, diaries, and parish records show the development of cockney throughout XVI-XX centuries. The social and demographic changes in the XX-th century that led to the formation of Multicultural London English (MLE) incorporating some cockney features are highlighted.

Keywords: history of cockney; language variation; standard English; megapolis; Multicultural London English (MLE); cockney in fiction, diaries and parish records.

For citation: Kazak E.A. London Cockney: From Stigmatization to Language Variation // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 22–39. DOI: 10.31249/ling/2025.04.02

Введение

Ни одна языковая общность, ни один социум с точки зрения языка и речевых действий не бывает единым. Сказываются самые разные факторы: пространственные, социальные, культурные и конфессиональные, этнические (в случае, когда в рамках коммуникативной общности существуют носители разных языков), а также профессиональные. Соответственно, складываются диалекты, социолекты, специальные языки и жаргоны, а также арго. Одновременно формируются языковые и речевые формы, перекрывающие эти различия: койне, стандартные (литературные) языки, *lingua franca* и др. Во всей этой сложной динамике обнаруживаются как собственно коммуникативно-языковые, так и социальные компоненты: языковые различия обеспечивают существование отдельных сфер коммуникации, оказываясь в то же время и средством социальной (само) идентификации.

* Kazak Eugenia Anatolievna – Candidate of Philology, Researcher of the Department of Linguistics, INION RAN; ladykazak@gmail.com

Как подчеркивают В.И. Беликов и Л.П. Крысин, «при определении понятия “языковое сообщество” важно сочетание лингвистических и социальных признаков: если мы оставим только лингвистические, то речь буде идти лишь о языке, безотносительно к той среде, в которой он используется; если же только опираться на социальные критерии (включая и политико-экономические, и культурные факторы), то вне поля внимания останутся языки, функционирующие в данной социальной общности» [Беликов, Крысин, 2001, с. 11]. Это значит, что языковое сообщество определяется не только сходством социальной жизни, но и поддержанием регулярной коммуникации в ее процессе. Важно и то, что одно языковое сообщество может включать и другие языковые сообщества [там же, с. 11].

Особенность языковой ситуации в городе (в мегаполисе, в частности) с давних пор состоит в том, что пространственный фактор, изначально игравший в процессах языковой дифференциации важнейшую роль, отходит на второй план, город словно сжимает площадь: языковые контрасты сближаются, порой накладываются один на другой. Хотя пространство города неоднородно, и разные его районы оказываются территориями специфических языковых форм, тем не менее социокультурные, этнические, конфессиональные, профессиональные факторы могут обнаруживать большую устойчивость: группы носителей специфических форм языка могут быть распределены по разным районам города, перемещаться с течением времени из одного района в другой, сохраняя свою идентичность. Некоторые особенности этих процессов отчетливо видны на примере истории такого своеобразного явления как лондонский кокни (cockney).

Язык города уже длительное время привлекает внимание лингвистов. С их точки зрения город является коммуникативным пространством повседневной жизни со своей особенной речевой деятельностью. Изучая речевые практики в разнообразных ситуациях, исследователи могут не только представить языковую характеристику горожан, но и дополнить реальную картину быта разных социальных слоев и групп, населяющих город.

В начале и в середине XX в. проблемой языка города занимался Б.А. Ларин. В своих исследованиях он выделил в качестве главного объекта изучения живую речь разных групп горожан, в том числе и социальных низов [Ларин, 1977]. Он подчеркивал неоднородность языка города, включающего литературную разговорную речь, городское просторечие, социальные и территориаль-

ные диалекты. Далее на ином материале к тем же задачам обратился У. Лабов. Его внимание привлек тот факт, что городской житель, как правило, обладает целым рядом языковых и коммуникативных возможностей: все информанты в рамках его исследований изменяли речевые действия в зависимости от социального контекста и темы [Лабов, 1975, с. 119].

Город всегда отличало многообразие жизненных процессов, что не могло не сказаться на языковой ситуации. Мегаполис последних столетий отличается усиление этой тенденции, как вследствие внутренних социополитических и социокультурных процессов, так и за счет международных контактов и миграционных потоков. Складывается сложная конструкция, постоянно трансформирующаяся как в своей социальной, так и в своей коммуникативно-языковой составляющей. Примером такого сложного устройства является Лондон, развитие которого стало определенной моделью современного мегаполиса. Лондон – своего рода генератор инноваций городской жизни, а это, в свою очередь, сказывается и на языковой истории города. В течение многих лет население, культура и язык отличаются неоднородностью. С одной стороны, Лондон – это административный, религиозный и культурный центр, с другой – сгусток различных видов экономической, исследовательской, образовательной деятельности (когда-то он был и промышленным центром, однако сейчас это уже не так). Соответственно, и население его живет, действует и разговаривает согласно своему положению. Показательным примером, на наш взгляд, может служить традиционно небогатый район Лондона East End.

Район East End всегда отличался бедностью и плотностью населения, которые подпитывались миграцией – сначала внутренней, а в последние десятилетия все более внешней. В результате район характеризуется высокой неоднородностью населения, в том числе языковой: здесь можно встретить носителей различных английских диалектов и представителей этнических групп, для которых английский язык либо не является родным, либо известен в достаточно своеобразном варианте. В такой неоднородной социально-культурной среде образуется некоторый общий языковой фонд, обеспечивающий практическую коммуникацию, – на его основе которого во многом идет коммуникация. Это своеобразное городское просторечие получило наименование “informal English” или “urban English”. Городское просторечие в настоящее время осознается как определенный вариант, занимающий промежуточную позицию между стандартным языком и территориальными

диалектами. Вызванные новой миграцией социокультурные и языковые процессы не просто добавляются к сложившейся ранее коммуникативно-языковой картине мегаполиса. С их появлением меняются также традиционные формы существования английского языка. В частности это касается одного из самых известных видов лондонского просторечия – кокни.

Мегаполис играет значительную роль в трансформации форм существования языка: движения от совокупности территориальных диалектов с элементами наддиалектного характера в системе к системе, в которой языковой стандарт как всеобъемлющая и доминирующая форма выстраивается над другими формами (см. [Мечковская, 2000, с. 29]). В.И. Беликов и Л.П. Крысин полагают, что диалект используется обычно для обозначения территориальных разновидностей языка и чаще применяется к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить словосочетания «социальные диалекты», «городские диалекты», «профессиональные диалекты» и т.п. Однако в Новое время диалект обладал не только пространственной, но и социокультурной привязкой: носители диалекта, как правило – представители низших слоев общества, имевшие ограниченный запас не только материальных благ, но и с общекультурного багажа [Беликов, Крысин, 2001, с. 29–30].

Поэтому, определяя статус кокни, мы можем охарактеризовать его как некий социолект с элементами диалекта. Термин *социолект* используют при описании языковых особенностей, характерных для отдельно взятой социальной группы, например возрастной или профессиональной. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка [Беликов, Крысин, 2001, с. 30].

Кокни XVI–XVII вв.

По-видимому, самое раннее упоминание слова *cockney* в значении «маленькое яйцо неправильной формы, предположительно отложенное петухом» (от среднеанглийского *coken+ey – cock's egg*) было зафиксировано в 1362 г. в произведении Уильяма Ленгленда «Видение Уильяма о Петре Пахаре» (William Langland “William’s vision of Piers Plowman”). В период с 1405 г. по 1783 г.

можно встретить данное слово в значениях «избалованный или изнеженный человек, особенно ребенок»; «привередливый или слабый человек; слабохарактерный человек». В период с 1564 г. до 1904 г. этим словом начали определять людей, живущих в маленьких и больших городах, и в отличие от жителей сельской местности, обычно характеризующихся как избалованные, манерные, бесхарактерные или лишенные каких-либо практических навыков. Очевидно, к концу XVI в. значение слова сузилось, его начали чаще писать с заглавной буквы и теперь оно обозначало уроженца Лондона, особенно представителя рабочего класса из района East End; (традиционно) это человек, родившийся в пределах слышимости Bow Bells – колоколов церкви St. Mary-le-Bow (Святой Марии-ле-Боу), расположенной в районе Cheapside лондонского City. В XVIII веке произошло расширение значения слова: *cockney* стало обозначать диалект, на котором разговаривали жители района East End.

Однако фонетисты обратили внимание на ненормативное произношение жителей Лондона, говорящих на кокни, не ранее, чем в самом конце XVIII века. Джон Уокер в словаре “*Pronouncing Dictionary of the English language*”, опубликованном в 1791 году, указал на вульгарное произношение говорящих на кокни, отметив при этом, что подобное произношение, хотя и наполовину не такое ошибочное, как у жителя Шотландии, Ирландии или любого другого района, для человека с хорошим вкусом является оскорбительным и отвратительным. Уокер также выделил несколько характерных черт, свойственных этому типу произношения: [w] произносится вместо [v]: *weal (veal)*, *winegar (vinegar)*, и наоборот: *vine (wine)*, *vind (wind)*; [h] не произносится, где он должен быть: *art (heart)* и наоборот *harm (arm)* [Walker’s pronouncing dictionary of the English language, 1791]. Проблема изучения происхождения кокни заключается в том, что городское просторечие существовало в основном в устной форме, а письменных текстов, фиксирующих просторечие, сохранилось достаточно мало. Некоторые формы разговорной речи были своего рода секретным кодом торговцев, воров и представителей рабочего класса Лондона. Для того, чтобы понять истоки кокни, следует обратиться к текстам пьес елизаветинской и якобинской эпох, а также к документам того периода, написанным рядовыми жителями Лондона. Пьесы, отражающие речь городских жителей, появились только во времена Шекспира, тогда так как ранее драматурги в большинстве случаев использо-

вали сюжеты, заимствованные у греческих и римских классиков, прибегая к традиционному литературному языку.

В пьесах Шекспира просторечие связано с некоторыми специфическими персонажами. Как правило, это люди из низов общества, такие как няня Джульетты (“Romeo and Juliet”), могильщици в «Гамлете» (“Hamlet”) или простолюдины в «Юлии Цезаре» (“Julius Caesar”). Наиболее колоритный персонаж такого рода – Mistress Quickly владелица таверны Boar’s Head Tavern, в которой собираются Джон Фальстаф и его сомнительные друзья. Mistress Quickly, имеющая прозвище Nell, появляется в четырех пьесах: «Генрих IV» (“Henry IV (Part 1, Part 2)”), «Генрих V» (“Henry V”), «Виндзорские проказницы» (“The Merry Wives of Windsor”). «Во всех пьесах Quickly характеризуется как женщина, имеющая тесные связи с преступным миром, но озабоченная собственной репутацией. Ее речь наполнена малапропизмами, словами с двойным смыслом и непристойным юмором» [Bulman, 2002, p. 169–170] (перевод мой. – Е. Казак).

“I am undone by his going; I warrant you he’s an infinitive thing upon my score. Good Master Fang, hold him sure: good Master Snare, let him not ‘scape. A’ comes continuantly to Pie-corner---saving your manhoods-to buy a saddle; and he is indited to dinner at the Lubber’s-head in Lumbert street, to Master Smooth’s the silkman: I pray ye, since my exion is entered and my case so openly known to the world, let him be brought in to his answer” [...] (Henry IV, Part II, II) [цит. по Matthews, 1972, p. 4].

Следует отметить, что диалоги с элементами городского просторечия можно встретить в пятиактной пьесе Френсиса Бомонта «Рыцарь пламенеющего пестика» (Francis Beaumont “The knight of the burning pestle”), написанной приблизительно в 1607 г. Данное произведение является первым ярким примером жанра театральной пародии, сатиры на литературные вкусы современников. Согласно мнению Дж. Франклина, «эта пьеса в целом воспринимается как бурлеск и как произведение ироикомического стиля, в котором кокни-персонаж находит свою нишу» [Franklyn, 1953, p. 5–6]. «Главные персонажи Джордж и Нил, городской бакалейщик и его жена служат примером кокни-персонажей с помощью своих многогранных интерполированных реплик» [Matthews, 1972, p. 6] (перевод мой. – Е. Казак). К плеяде драматургов-современников Шекспира, уделявших внимание городскому просторечию, можно отнести Томаса Хейвуда (Thomas Heywood) и Томаса Деккера (Thomas Dekker). Томас Хейвуд писал в стиле театра масок и

мифологического цикла. Им было написано около 220 пьес. Томас Деккер написал около 50 пьес и большое количество памфлетов. Одним из его знаменитых произведений является комедия “The shoemaker’s holiday or the gentile craft” («Праздник сапожника или нежное ремесло»), полная забав, сердечных увлечений и замечательных портретов лондонцев.

К наиболее наглядным, также как и чрезвычайно увлекательным примерам сочинений того периода, можно отнести дневники Генри Мачина (Henry Machyn), написанные в период 1550–1563 гг. Он был суконщиком, шьющим и предоставлявшим похоронные атрибуты.

Мачин был жителем Лондона. Он не был хорошо образован и не имел большого количества знаний, о чем явно свидетельствуют его язык и плохой почерк. Мачин не мог обладать глубокими взглядами на религиозную доктрину или политику того времени, но фактические события, которые он описывал, представлены так, будто он либо сам был их свидетелем, либо узнавал о них сразу после того, как они произошли. Взгляды и чувства, которые он выражал, разделялись большим количеством его соотечественников [Preface].

Стоит подчеркнуть, что в те времена, когда Мачин вел свои дневники, общественная жизнь была насыщена различными событиями. Происходили важные изменения в Церкви и в государстве, сопровождаемые необычайными происшествиями: заточения в тюрьмы, судебные разбирательства, казни, назначения новых министров и священников и другие случаи из личной карьеры великих актеров политической драмы, которые, вероятнее всего, могли привлечь внимание знаменитого хроникера.

Вполне очевидным является тот факт, что язык, которым написаны дневники, представляет большой интерес для филологов. Он не похож на язык стандартных письменных текстов того времени: в основном это фиксируемая на письме устная разговорная стихия, речь малограмотных и недостаточно образованных людей, язык лондонских улиц. В дневниковых записях встречается несколько фонетических написаний, отражающих варианты кокни: “*anodur, vetelar, mo “more”, monser, alff*” [Matthews, 1972, с. 14]. Некоторые варианты произношения превалировали в речи Лондона в сравнении с существовавшим общим стандартом. В частности, «речь идет о замене краткого [i] на [e]. Об этом свидетельствует написание в текстах Мачина и церковных старост таких слов

как: *conspiracy, chelderyn, veseturs, wretten, tell (till)*» [Mathews, 1972, p. 19].

С данной точки зрения дневники Мачина считаются самым лучшим источником изучения фонетической стороны речи низших социальных слоев Лондона XVI века. Разумеется, в его записях присутствуют и свойственные городскому просторечию грамматика, лексика и идиоматика.

Среди самых интересных случаев правописания в дневниках Мачина можно выделить названия улиц и зданий в районе City: *Vestmynster (Westminster), Kanwykstreth (Candlewick Street), Wostreth (Wood Street), а также церковных приходов: sant Towlys (St. Olave), sant Pulkers (St. Sepulchre)* [Diary: 1552 (Jan – June)].

Кроме того, дополнительную информацию о произношении и грамматических особенностях городского просторечия можно найти в церковных книгах. Записи церковных служб, сделанные церковными старостами, протоколы ризницы, особенно ценны для исследователей в данном контексте. Сотни людей внесли свой вклад в написание этих многочисленных томов, и так как большинство из них родилось в Лондоне, можно предположить, что все они говорили как лондонцы, принадлежащие к среднему и низшему классам того времени. В результате, в этих документах можно встретить некоторые особенности, типичные для языка XVI–XVII вв. При этом следует отметить, что правописание и произношение было достаточно разнообразным, многие слова произносились говорящими в двух или более вариантах.

Мы видим, что в XVI–XVII вв. появляются материалы, дающие представление о городском просторечии. Некоторые черты этого идиома позволяют говорить о начале формирования того, что получило в последующем наименование кокни. Есть, правда, авторы, которые считают эти данные свидетельством существования ранних форм кокни [Matthew, 1972], при этом иногда термин «кокни» используется для обозначения городского просторечия. Представляется, что этот вопрос еще не может считаться решенным окончательно и требует дальнейшего анализа.

Кокни XVIII – XX вв.

Как уже отмечалось выше, одним из ранних толкований кокни было «деревенский дурак», человек, не знающий традиций и привычек жизни в социуме. В дальнейшем это обозначение было перенесено на горожан (как отличающихся от жителей окружаю-

щих земель), а затем так стали называть уроженцев Лондона никуда не выезжавших из него; как правило, речь шла о представителях мещанских слоев, говорящих с особым лондонским акцентом и обладающих особыми манерами и умонастроением, которые как предполагалось, присущи только лондонцам [Шпет, 2000]. Уже в XIX веке С. Пег определял кокни как «человека избалованного и воспитанного в Лондоне и неосведомленного о манерах и идеях остального мира ... Кокни – это “*vir urbanus, gerum rusticarum prorsus ignarus*”» [Pegge, 1844, p. 19] (перевод мой. – *Е. Казак*). Затем обозначение кокни было перенесено на языковые особенности этих людей. Кокни стали называть речь характерную для таких лондонцев.

Движение к формированию общей нормы началось в Великобритании в XVIII в. Народный язык, повседневную разговорную речь систематически не изучали, поскольку эти явления обладали низким социокультурным статусом. К середине XVIII века, когда установилась некоторая литературная норма языка, грамматисты и лексикографы начали проявлять интерес к нелитературному языку. Городское просторечие и масса простого населения Лондона стали реальностью, которую нельзя было игнорировать. Это было связано с двумя моментами. С одной стороны, изменилась ценностная ориентация по отношению ко всему народному. С другой стороны, наука поставила задачу отойти от нормативного подхода к изучению языка. Если ранее грамматики и словари составляли для обучения языковой норме, они должны были задавать образцы «хорошего языка», то теперь возник интерес к выходу за пределы нормы, к изучению всей массы языковых явлений. Как значительно позже отметил российский лингвист А.М. Пешковский, «народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться лингвистом, а, напротив, они для него составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования» [Пешковский, 1959, с. 51].

Растущее внимание к кокни и его использование для оформления речи ряда персонажей-горожан указывает на то, что именно в течение XIX века этот вариант лондонской речи стал идиомом, который признали своего рода диалектом, достойным внимания [Agha, 2003, p. 234]. Прескриптивные грамматики XVIII века и рост печатных изданий в какой-то степени завершили стадию кодификации письменной литературной нормы языка, а также способствовали дальнейшему изучению проблем литературного языка и языковой нормы. «В XIX веке стали появляться и широко рас-

пространяться словари произношения и книги по ораторскому искусству, которые пытались кодифицировать произносительную норму, а также предоставляли возможность большому количеству амбициозных людей приобщиться к языковому престижу литературного языка – часто в противоположность нелитературному, “простонародному” произношению» [Gerwin, 2023, p. 37] (перевод мой. – Е. Казак). Тем не менее феномен лондонского кокни уже был включен в общественную жизнь и в научную деятельность.

Существенную роль в процессе признания кокни в XIX веке сыграла художественная литература реалистического направления. Чарльз Диккенс был одним из первых значительных писателей, использовавших эту форму английского языка в своих произведениях. Популярность творений Диккенса распространялась на разные слои населения Англии, поэтому его персонажи и их язык стали частью коллективного сознания. В своем первом романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» (“The Posthumous Papers of the Pickwick Club”) (1837 г.) Диккенс представил Сэма Уэллера, остроумного носителя кокни, слугу мистера Пиквика. Речь этого персонажа во многом стала характеристикой предприимчивого жителя Лондона, находящего выход из любой затруднительной ситуации. Принято считать, что «Сэм Уэллер – воплощение лондонского кокни и кокниизма» [Шпет, 2000]. Сюда можно отнести случаи употребления им звука [w] вместо звука [v], например *wery good*; грамматические особенности: *ain't* вместо *isn't*.

Отмечалось, что «речь персонажей Диккенса имеет важное значение в звуковом ландшафте, созданном им. Лондон викторианской эпохи отличался значительным многоголосием и Диккенсу удалось внести свой значительный вклад в речь города» [Picker, 2003, p. 11] (перевод мой. – Е. Казак). В «Очерках Боза» (“Sketches by Boz”) – сборнике коротких эссе, посвященных жителям Лондона и сценам городской жизни, Диккенс создал множество персонажей, принадлежащих к разным сферам жизни – от посыльных до владельцев магазинов, от ярмарочных зазывал до политических деятелей, от дам высшего света до проституток. Таким образом, речь этих персонажей так же значима для сюжета, как и визуальные особенности описания сцен. В «Очерках Боза» Диккенс отразил разнообразие речи Лондона, представив в какой-то степени звуковую карту города.

Диккенс в своих произведениях, полагает А. Тернер, показывает разницу в речи персонажей, чтобы характеризовать людей разных сообществ, существующих в Лондоне. Он делает это для

того, чтобы акцентировать внимание читателя на различиях между социальными группами. Диккенс неоднократно использует кокни в диалогах как средство социальной идентификации. В «Очерках Боза» Диккенс создает панораму лондонской жизни. Переходя от улицы к улице, он прислушивается и к разнообразию городских разговоров [Turner, 2020].

Рассматривая роль кокни в литературе, нельзя обойти вниманием творчество Бернарда Шоу. Самой известной пьесой Шоу является комедия «Пигмалион» (“Pygmalion”, 1912), в которой автор с помощью речевых характеристик персонажей выражает свое отношение к проблемам вариативности английского языка, а через нее – к социальной дифференциации в Англии, и прежде всего, в Лондоне. Социальное неравенство в пьесе представлено преимущественно через язык. Язык использован Шоу двояко: для профессора Хиггинса это возможность продемонстрировать силу современной науки (в данном случае фонетики), способной перенести человека из одного класса в другой путем особой социальной инженерии. В то же время для Элизы это возможность стремительно подняться вверх по социальной лестнице. С языковой точки зрения пьеса Шоу, ее разнообразные комические эффекты объясняются столкновением языка и социального типа кокни с носителями речевой произносительной нормы (RP) высших слоев общества.

Писатель обратился к «лингвистической» постановке вопроса при рассмотрении социальных проблем не случайно. В предисловии к пьесе он называет ученого, в какой-то степени послужившего ему прототипом профессора Генри Хиггинса – Генри Суита (Henry Sweet 1845–1912). Вот что пишет Шоу: «Энергичный энтузиаст-фонетист – вот кто требуется сейчас Англии в качестве реформатора, потому-то я и сделал такового главным действующим лицом моей столь популярной пьесы» [цит. по: Вельмезова, 2014, с. 59]. Сам же Г. Суит исследованию «Новая английская грамматика» в 1892 г. утверждал: «грамматика не имеет другой ценности, кроме установления фактов. Все, что широко употребительно, является на этом основании грамматически правильным. Вульгаризм и соотносимая с ним форма стандартного языка... являются в равной степени грамматически правильными – каждый в своей сфере – если только они находятся в общем употреблении» [цит. по: Германова, 2017, с. 42].

Е. Вельмезова в исследовании «Лингвистика в пьесе Дж.Б. Шоу *Пигмалион*» отмечает, что сам Б. Шоу заинтересовался фонетикой в конце XIX века. Это связано с тем, что интерес к фо-

нетике в Англии в целом значительно возрос на рубеже XIX–XX вв. Об этом свидетельствовало и существенное увеличение количества английских исследователей – членов Международной фонетической ассоциации, официальным языком которой был французский. Согласно одной из точек зрения, «центр тяжести» в фонетике стал перемещаться именно в Англию, чего не мог не заметить Шоу, внимательный к «научному духу» эпохи [Вельмезова, 2014, с. 61].

Пьеса Б. Шоу отражает сложную социолингвистическую динамику – и стоящую за ней социокультурную динамику в целом – британского общества на рубеже XIX и XX вв. Неизбежная демократизация размывает жесткие ценностные и статусные границы. Кокни надо изучать, потому что это часть национального языка в его целостности и отражение факта неоднородности языкового коллектива. Как справедливо отмечает Н.Н. Германова, «хаотичная действительность сопротивляется всему, что могло бы ее упорядочить, поскольку порядок угрожает фундаментальному принципу свободы самовыражения. Это означает невозможность возведения в ранг канона одного типа дискурса или одного языкового идиома: понятие нормы в любых его проявлениях оказывается дискредитированным» [Германова, 2017, с. 42].

Своей популярностью пьеса Шоу во многом обязана тому, что за сатирическими парадоксами и гротескными сюжетными перипетиями публика угадывала актуальную динамику жизни. Профессор Хиггинс с интересом и удовольствием изучает городское просторечие, потому что видит в нем жизненную силу и выразительность, которых часто не хватает нормированной речи (ср. [Германова, 2017, с. 45]). Нестандартная речь может вызывать улыбку – особенно в ситуациях, в которых предполагается использование именно языкового стандарта – однако за ней стоят характер, жизненный опыт и энергия преодоления повседневных проблем. Нелитературная речь перестает быть курьезом, утрачивает слитность с негативными социальными характеристиками. Она больше не участь выходцев из городских низов: как показывает судьба Элизы Дуллитл, способный человек благодаря образованию может выйти в более широкое языковое пространство, одновременно меняя и свой социальный статус.

В течение XX века языковая ситуация Лондона, представленная в «Пигмалионе», претерпела серьезные изменения. Сдвиги в социальной структуре мегаполиса, развитие коммуникации (появляются и стремительно развиваются радио, кино и телевидение),

миграционные процессы сказываются и на языковой ситуации. Ко второй половине XX века Восточный Лондон отличался заметным культурным и языковым разнообразием.

Пересечение многих языков и диалектов английского языка привело к появлению мультикультурного английского (MLE) в молодежной среде [Ethnicity, friendship network, and social practices as the motor of dialect change: Linguistic innovation in London, 2008]. MLE имеет много характерных черт кокни, но прежде всего ему свойственны новые качества, которые не встречаются в каких-либо других формах городской речи.

Городское просторечие является частью пестрой языковой картины Лондона, в котором живет второе и третье поколение мигрантов, представителей различных социальных групп. Понятие «мультикультурный лондонский английский» возникло не очень давно и используется для обозначения особенностей речи жителей многонациональных районов Лондона.

Хотя мультикультурный лондонский английский язык преимущественно встречается во Внутреннем Лондоне (Inner London), он проникает и в его окраинную часть. Ряд исследователей выделяют две категории говорящих – англо- и неанглоговорящие, определяемые, соответственно, как коренное британское население, с одной стороны, и дети иммигрантов, с другой. В Лондоне на мультикультурном английском говорят молодые неанглоговорящие жители, независимо от их этнического происхождения [Contact, the Feature Pool and the Speech Community, 2011]. Таким образом, мы видим, что понятие мультикультурный лондонский английский призвано охватывать ситуацию полиэтнических районов Лондона.

Характеризуя происходящее, Д. Кристал полагает, что мы находимся на точке перехода от одного мира к другому... «“Новый мир” – это мир, где субстандартный региональный узус расширяет сферу своего влияния и добивается уважения к себе со стороны общества» [Crystal, 2006, p. 408] (перевод мой. – Е. Казак).

Заключение

В проведенном исследовании была представлена попытка описать социальные и исторические параметры кокни – одной из примечательных колоритных составляющих языковой и социокультурной характеристики Лондона на протяжении длительного времени. Язык городской бедноты, локализованный в определенном районе города (East-End), изначально сопровождался негатив-

ной коннотацией и воспринимался как проявление неразвитости его носителей. Со временем изменилась и языковая (речевая) ситуация – и отражение ее нестандартных форм в литературе – которая перестала ограничиваться языковым стандартом, и подход языкознания к таким явлениям, поскольку ученые вышли за рамки прескриптивного взгляда и от формирования нормы перешли к изучению реальности.

Расцвет кокни в XIX веке сменяется в XX веке новой языковой конфигурацией, которая отражает преобразующуюся реальность. Меняется состав жителей Лондона, появляется мультикультурный лондонский английский (MLE). Значительно сокращается социальная база классического кокни. Тем не менее традиции кокни не прерываются полностью – им пользуются коренные англоязычные жители Лондона. MLE, со своей стороны, сохраняет некоторые привычные характеристики классического кокни, приобретая при этом новые черты.

Такие феномены, как кокни, не получили единой характеристики в науке. Они не являются ни диалектами в традиционном понимании, ни социолектами в полном смысле слова, поскольку их роль в общественной жизни и речевом пространстве выходит за пределы простого набора конкретных социальных характеристик. Этим во многом объясняется научная ценность таких феноменов, побуждающих продолжать анализ вариативности языка с учетом всех возможных параметров, форм его существования в коммуникативных и жизненных контекстах.

Список литературы

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.
- Вельмезова Е.В. «Энергичный энтузиаст-фонетист»: Генри Суит или Даниел Джоунз? Лингвистика в пьесе Джорджа Бернарда Шоу *Пигмалион* // Вельмезова Е.В. История лингвистики в истории литератур. – Москва: Индрик, 2014. – С. 59–102.
- Германова Н.Н. Языковое варьирование и норма в трудах британских социолингвистов // Норма и вариативность в языке и речи. – Москва, 2017. – С. 40–59.
- Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание: Избр. работы – Москва: Просвещение, 1977. – С. 175–189.
- Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. – Москва: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 96–181.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
- Пешковский А.М. Избранные труды. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 252 с.

- Шнем Г. Комментарий к роману Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». – Москва: Независимая газета, 2000. – 136 с.
- Agha A. The social life of cultural value // *Language & Communication*. – 2003. – 23 (3/4). – P. 231–273.
- Bulman J.C. “Henry IV, Parts 1 and 2” // *The Cambridge companion to Shakespeare’s history plays* / Ed. by M. Hattaway. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 158–177.
- Contact, the feature pool, and the speech community: The emergence of the Multicultural London English / J. Cheshire, P. Kerswill, S. Fox, E. Torgersen // *Journal of Sociolinguistics*, 2011. – 15 (2). – P. 151–196.
- Crystal D. Into the twenty-first century // *The Oxford history of English*. – Oxford, 2006. – P. 394–414
- Diary: 1552 (Jan – June) // *The Diary of Henry Machyn, Citizen and Merchant-Taylor of London, 1550–1563* / ed. J G Nichols (London, 1848) // *British History Online*. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/camden-record-soc/vol42/pp13-21> (дата обращения: 13.03.2025)
- Ethnicity, friendship network, and social practices as the motor of dialect change: Linguistic innovation in London / J. Cheshire, S. Fox, P. Kerswill, E. Torgersen // *Sociolinguistica*. – 2008. – Vol. 22. – P. 1–23.
- Franklyn J. The Cockney: A survey of London life and language. – London: Andre Deutsch Limited, 1953. – 332 p.
- Gerwin J. Between Nottin’ill and Bleckfriars – the enregisterment of Cockney in the 19th century // *Journal of historical sociolinguistics*. – 2023. – Vol. 9. – P. 31–67.
- Matthews W. Cockney past and present: A short history of the dialect of London. – London: Routledge & K. Paul books, 1972. – 245 p.
- Pegge S. A letter to an antiquary // *Anecdotes of the English language: Chiefly regarding the local dialect of London and its environs* / Ed. by H. Christmas. – 3rd ed. – London: J.B. Nichols and Son, 1844. – P. 10–37.
- Picker J.M. Victorian soundscape. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 232 p.
- Preface // *The Diary of Henry Machyn, Citizen and Merchant-Taylor of London, 1550–1563* / Ed. by J G Nichols (London, 1848): *British History Online*. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/camden-record-soc/vol42/v-xiii>. (дата обращения 19.02.2025).
- Turner A. The Only Way is Dickens: Representations of Cockney Speech and Cockney Characters in the Works of Charles Dickens: Thesis. – University of Leicester. 2020. – URL: <https://doi.org/10.25392/leicester.data.12666944.v1>
- Walker J. Walker’s pronouncing dictionary of the English language. – London, 1791. – 453 p.

References

- Belikov V.I., Krysin L.P. *Socioligvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Ros. gos. gu-manit. un-t, 2001. 439 p. (In Russian)
- Vel'mezova E.V. “Jenergichnyj jentuziast-fonetist”: Genri Suit ili Daniel Dzhounz? *Lingvistika v p'ese Dzhordzha Bernarda Shou Pigmalion* [Energetic Enthusiast-phonetician: Henry Sweet or Daniel Jones? Linguistics in the George Bernard Shaw’s Play Pigmalion]. In: Vel'mezova E.V. *Istorija lingvistiki v istorii literatur*

- [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014. Pp. 59–102. (In Russian)
- Guermanova N.N. *Jazykovoe var'irovanie i norma v trudah britanskih sociolingvistov* [Language Variation and Norm in the Works of British Sociolinguists]. In: *Norma i variativnost' v jazyke i rechi* [Norm and variation in the language and speech]. Moscow, 2017. Pp. 40–59. (In Russian)
- Larin B.A. *O lingvisticheskom izuchenii goroda* [About the Linguistic Study of a city]. In: *Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie* [The history of the Russian language and general linguistics]. Moscow: Prosveshhenie, 1977. Pp. 175–189. (In Russian)
- Labov U. *Issledovanie jazyka v ego social'nom kontekste* [Studies of Language in the Social Context]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow: Progress, 1975. Vyp. 7. Pp. 96–181. (In Russian)
- Mechkovskaja N.B. *Social'naja lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 2000. 207 p. (In Russian)
- Peshkovskij A.M. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 252 p. (In Russian)
- Shpet G. *Kommentarii k romanu Charl'za Dikkensa "Posmertnye zapiski Pikvikskogo kluba"* [Comments on Charls Dickens' The Posthumous Papers of Pickwick Club"]. Moscow: Nezavisimaja gazeta, 2000. 136 p. (In Russian)
- Agha A. *The social life of cultural value*. In: *Language & Communication*. 2003. 23 (3/4). Pp. 231–273.
- Bulman J.C. *Henry IV, Parts 1 and 2*. In: *The Cambridge companion to Shakespeare's history plays* / Ed. by Hattaway M. Cambridge, 2002. Pp. 158–177.
- Contact, the feature pool, and the speech community: The emergence of the Multicultural London English* / Cheshire J., Kerswill P., Fox S., Torgersen E. In: *Journal of Sociolinguistics*, 2011. 15 (2). Pp. 151–196.
- Crystal D. *Into the twenty-first century*. In: *The Oxford history of English*. Oxford, 2006. Pp. 394–414.
- Diary: 1552 (Jan – June)*. In: *The Diary of Henry Machyn, Citizen and Merchant-Taylor of London, 1550–1563*, ed. JG Nichols (London, 1848). In: *British History Online*. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/camden-record-soc/vol42/pp.13-21> [accessed 13.03.2025].
- Ethnicity, friendship network, and social practices as the motor of dialect change: Linguistic innovation in London* / J. Cheshire, S. Fox, P. Kerswill, E. Torgersen. In: *Sociolinguistica*. 2008. Vol. 22. Pp. 1–23.
- Franklyn J. *The Cockney: A survey of London life and language*. London: Andre Deutsch Limited, 1953. 332 p.
- Gerwin J. *Between Nottin'ill and Bleckfriars – the enregisterment of Cockney in the 19th century*. In: *Journal of historical sociolinguistics*. 2023. Vol. 9. Pp. 31–67.
- Matthews W. *Cockney past and present: A short history of the dialect of London*. London: Routledge & K. Paul books, 1972. 245 p.
- Pegge S. *A letter to an antiquary*. In: *Anecdotes of the English language: Chiefly regarding the local dialect of London and its environs* / Ed. by H. Christmas. 3rd ed. London: J.B. Nichols and Son, 1844. Pp. 10–37.
- Picker J.M. *Victorian soundscape*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 232 p.

- Preface*. In: *The Diary of Henry Machyn, Citizen and Merchant-Taylor of London, 1550–1563* / Ed. by JG Nichols (London, 1848). In: *British History Online*. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/camden-record-soc/vol42/v-xiii> [accessed 19.02.2025].
- Turner A. *The Only Way is Dickens: Representations of Cockney Speech and Cockney Characters in the Works of Charles Dickens: Thesis*. University of Leicester. 2020. – URL: <https://doi.org/10.25392/leicester.data.12666944.v1>
- Walker J. *Walker's pronouncing dictionary of the English language*. London, 1791. 453 p.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE LINGUISTICS

УДК 81–25; 81'221.22

DOI: 10.31249/ling/2025.04.03

Томская М.В.¹

ЮМОР КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Аннотация: В статье предпринимается попытка выявить взаимосвязь юмора и креативности на примере повседневной речи. В качестве материала исследования послужили видеозаписи устных бесед молодых людей на повседневные темы. Юмор и креативность могут выражаться как в вербальной, так и в невербальной форме, согласованность слов и жестов способствует достижению большего комического эффекта. Делается вывод о том, что юмор может рассматриваться как проявление креативности, данное взаимодействие выстраивается на противоречиях, преодоление которых подразумевает выход за пределы тривиальности и применение не только когнитивных, но и эмоциональных усилий.

Ключевые слова: креативность; юмор; повседневная речь; устное общение; вербально-жестовое поведение.

Для цитирования: Томская М.В. Юмор как проявление креативности в повседневной речи // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 4. – С. 40–50. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.03

Благодарности: Исследование проводится в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государ-

¹ © Томская М.В., 2025

Томская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКОдис; доцент кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; maria.tomskaya@mail.ru

ственного задания Минобрнауки РФ (регистр. номер проекта 125031904195–0, соглашение № 075-03-2025–293).

Tomskaya M.V.*

HUMOR AS A MANIFESTATION OF CREATIVITY IN EVERYDAY SPEECH

Abstract. The article attempts to identify the relationship between humor and creativity using everyday speech as an example. The research material was video recordings of young people's oral conversations on everyday topics. Humor and creativity can be expressed both verbally and nonverbally, the consistency of words and gestures helps to achieve a greater comic effect. The author provides a conclusion that humor can be considered as a manifestation of creativity, this interaction is built on contradictions, the overcoming of which implies the going beyond triviality and the use of cognitive as well as emotional efforts.

Keywords: creativity; humor; everyday speech; oral communication; verbal-gestural behavior.

For citation: Tomskaya M.V. Humor as a Manifestation of Creativity in Everyday Speech // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – P. 40–50. DOI: 10.31249/ling/2025.04.03

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project 125031904195–0, agreement № 075-03-2025–293).

Введение

Интерес к исследованию креативности (лат. *creative* – творческий, лат. *creatio* – созидание) с момента возникновения так называемой теории креативности во второй половине XX века подтверждается большим количеством научных работ (Дж. Гилфорд, С.Л. Рубинштейн, А.М. Матюшкин, Е.П. Торренс, С. Медник,

* Tomskaya Maria Viktorovna – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies; Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; maria.tomskaya@mail.ru

Р. Мэй, А. Маслоу, К. Роджерс, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская, А.В. Морозов, В.Н. Дружинин, С.С. Гольдентрихт, Т.В. Кудрявцев, В. Смит, К. Тейлор, Г. Уоллес и др.), рассматривающих данное явление с разнообразных ракурсов, прежде всего с психологического. При этом понимание креативности характеризуется необычайно широким диапазоном точек зрения – от интеллектуальной способности, которая может проявляться в разработке и внедрении инноваций, в порождении оригинальных идей, особенно в экстремальных условиях, в обнаружении и осмыслении противоречий, в отказе от стереотипных способов мышления и др., до метакогнитивного качества личности [Torrance, 1966; Холодная, 2002; Энциклопедический психологический словарь-справочник, 2021].

Несмотря на неугасающий научный интерес к изучению креативности, эта тема по-прежнему остается не до конца раскрытой, в том числе с языковедческой перспективы. Особенно если обратиться к исследованию корреляции креативности и юмора, то можно обнаружить, что лингвистические работы по тематике совсем немногочисленны, тогда как в психологии собрано множество данных о наличии связи между креативностью и юмором [Мартин, 2009; Коровкин, 2015]. Ученые-психологи, в том числе Е.П. Торренс, С. Медник, уже в середине XX века рассматривали юмор как одну из составляющих творческого мышления и креативности [Mednick, 1962; Koestler, 1964; Torrance, 1966]. Путем экспериментальных исследований выявлено также, что юмор способствует повышению креативности [Treadwell, 1970; Ziv, 1976], это может быть обусловлено тем, что юмор совершенствует навыки нахождения смысла в кажущейся бессмысленности [McGhee, 1999]. Понимание юмора, его порождение и использование связывают в эвристике с продуктивностью творческих задач [Коровкин, 2015]. Однако, по мнению исследователей, сделать однозначный вывод о природе связи креативности и юмора пока не представляется возможным [Иванова, 2011; Коровкин, 2015]. Таким образом, исследование юмора как проявления креативности весьма актуально.

В настоящей работе предпринимается попытка выявить взаимосвязь юмора и креативности на примере повседневной речи. В качестве материала исследования рассматриваются видеозаписи устных бесед молодых людей о событиях, участниками или свидетелями которых они стали. При анализе применялись количест-

венный и качественные методы, в качестве последних использовались методы дискурсивного анализа креативности и юмора.

Исследования креативности и юмора

Многими исследователями чувство юмора человека расценивается как показатель его креативности, однако они же задаются вопросом, все ли креативные люди имеют чувство юмора, и однозначного ответа на данный вопрос все еще нет [Иванова, 2011]. Тезис о креативности остроумных людей базируется на том, что и юмор, и креативность обладают сходными характеристиками – мгновенностью реакции, а значит и понимания; эмоциональностью, обычно позитивной; совпадением вербальной реализации; ассоциативностью и др. [Коровкин, 2015; Мусийчук, Пуэнтес, Мусийчук, 2016].

Рассмотрим некоторые положения теории юмора и креативности, которые релевантны для нашего исследования.

Прежде всего, необходимо дать определение юмору. Мы будем придерживаться наиболее общей дефиниции, гласящей, что «юмор есть любой коммуникативный случай, который воспринимается как смешной» [Martineau, 1972]. Для нас также является принципиальным, что юмор может проявляться как в вербальной, так и в невербальной форме, вызывающей «позитивную когнитивную или эмоциональную реакцию реципиентов» [Stawford, 1994].

Многочисленные исследования юмора подтверждают наличие различных его функций, обусловленных ситуациями общения. Помимо развлекательной, авторы выделяют целый ряд функций – фатическую, социально-ориентирующую, кумулятивную, аксиологическую и др., которые могут быть, по мнению некоторых исследователей, объединены под общим термином «регулятивная функция юмора» [Гусейнова, Косиченко, 2024].

На взгляд психологов, юмор есть, с одной стороны, «форма отражения объективного мира», с другой – «отход от реальности посредством игры в воображаемую ситуацию» [Мусийчук и др., 2016, с. 58]. Оба определения отражают суть юмора, поскольку он предполагает разрешение противоречий посредством интеллектуальной активности, которая является неотъемлемой характеристикой креативности.

Как уже не раз обсуждалось в психологических работах, креативность как общая творческая способность, по Дж. Гилфорду, обладает рядом параметров: «способностью к обнаружению и

постановке проблем; «беглостью мысли» (количеством идей, возникающих в единицу времени); оригинальностью (способностью производить идеи, отличающиеся от общепринятых взглядов, отвечать на раздражители нестандартно); гибкостью (способностью продуцировать разнообразные идеи); способностью усовершенствовать объект, добавляя детали; способностью решать проблемы, т.е. способностью к анализу и синтезу» [цит. по: Ильин, 2009, с. 162–163].

Помимо названных параметров, креативность отличается также способностью к прогнозированию (или интуицией), предполагающей возможный исход ситуации или результат действия, и ассоциативностью мышления, подразумевающей сопоставление несходных друг с другом явлений, нередко с неожиданной стороны [Ильин, 2009].

Именно неожиданность и удивление выдвигаются на первый план при понимании шутки и креативном решении задачи, которые протекают по сходному сценарию. При этом сопровождающие их эмоции могут быть описаны как положительные.

Понятие сценария является также ключевым в общей теории вербального юмора, разработанной В. Раскиным и С. Аттардо, что представляется релевантным и для нашего исследования. По мнению ученых, текст может быть воспринят как смешной при условии, что в нем одновременно реализуются два оппозиционных сценария (реальная–невозможная, ожидаемая–неожиданная или вероятная–невероятная ситуация) [Attardo, Raskin, 1991]. С названными авторами солидарны Р. Уайер и Дж. Коллинз, которые также утверждают, что юмор возникает там, где происходит стимулирующее событие, одновременно активизирующее две противоположные схемы для его понимания. Коллизия при этом базируется на архетипичных антиномиях – правдивое – неправдивое, реальное – нереальное, мертвое – живое, непристойное – пристойное и т.д., восходящих к коллективному сознанию [Wyer, Collins, 1992].

Значимым является также положение теории В. Раскина и С. Аттардо о том, что каждая вербальная шутка обладает определенным набором из шести ресурсов знания: противопоставленным сценарием, логическим механизмом, ситуацией, целью, стратегией повествования и языком [Attardo, Raskin, 1991]. Если сравнивать с логикой креативного решения той или иной задачи, выраженной вербальными средствами, то в этом случае задействуются те же компоненты.

Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, вербальная шутка и вербальная реализация креативного решения связаны с преодолением запретов или нарушением табу.

Результаты анализа

Данные шести видеозаписей устных бесед (общей продолжительностью более 180 минут) послужили материалом для настоящего исследования. Коммуниканты рассказывали друг другу о различных событиях, например, о каком-то месте, где они побывали, или о каком-то (не) приятном событии, которое они пережили, что соответствует повседневной тематике бесед. Поскольку все беседы велись под запись, необходимо было создать более-менее комфортные условия для общения перед камерой, поэтому к участию привлекались молодые люди (большинство из них студенты-гуманитарии в возрасте 18–25 лет), находящиеся в товарищеских отношениях.

В результате ранее проведенного в гендерном аспекте анализа шуток в устных беседах были выявлены 67 случаев высказываний, которые расценивались как смешные и вызывали смех или улыбку. Обнаруженные высказывания были разделены на женские (17) и мужские (50) реплики. Было установлено, что доминирование мужчин в порождении юмора может быть связано с их стремлением произвести впечатление и улучшить свой имидж, особенно в общении с противоположным полом [Томская, 2024].

Рассмотрим взаимодействие креативности и юмора на примерах.

1. Юмористичность может строиться на противопоставлении ожидаемого и неожиданного в той или иной ситуации. Так, в приведенном ниже примере комический эффект возникает в результате взаимодействия ряда вербальных и невербальных средств.

По контексту предполагалось, что в рассказе молодого человека, описывавшего драку, которую он наблюдал, после слов *один просто* должно быть произнесено *удрал / скрылся / сбежал / исчез* (прогнозирование), однако юноша вместо нормативной лексики намеревался употребить инвективу, но вовремя сдержался (об этом свидетельствует возникшая в речи пауза) и далее неожиданно произнес эвфемизм *отправился в пешее эротическое путешествие в один конец*, сопровождая реплику репрезентирующим и одновременно дейктическим жестом: «Приехали менты на этих двух пацанов, один просто || *отправился в пешее эротическое путеше-*

ствие в один конец, а второго попытались загрести». Креативный выход из неловкой ситуации создает комический эффект и вызывает смех, поскольку юмористичность базируется на противоречии «неприличное-пристойное», а также на преодолении запрета на употребление бранной лексики.

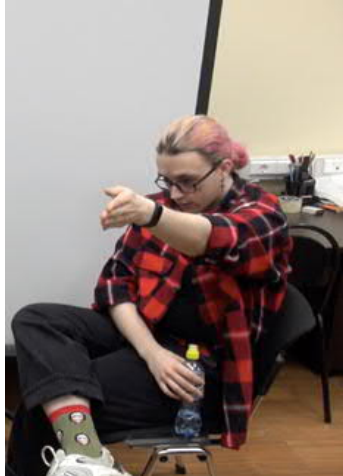

Рис. 1. Репрезентирующий плюс дейктический жест сопровождается реплику: «...отправился *в пеще эротическое путешествие в один конец...*»

2. Шутка может быть построена на противопоставлении «реальное-нереальное», «правдивое-неправдивое». Так, в следующем примере девушка рассказывает, что ей приснился сон о похищении человека:

ж: «Мою бывшую одногруппницу, ее похитил маньяк, вот».

м: «Обычная история».

Юмористичность основывается на совокупности вербальных и невербальных средств, подчеркивающих парадокс, который возникает за счет нереальности повествования (похищение девушки маньяком, причем во сне) и будничности реплики «Обычная история», одновременно с прагматическим жестом, подчеркивающим обыденность ситуации. Креативность и комичность ответа создаются за счет мгновенной вербальной и невербальной реакции молодого человека, интонации, с которой произнесена им реплика, и общего невозможного вида юноши.

Рис. 2. Прагматический жест: *Обычная история.*

Не станем утверждать, что все выявленные шуточные высказывания были однозначно креативными. Однако при детальном рассмотрении можно констатировать, что элемент креативности присутствовал в большинстве эпизодов, в противном случае не был бы достигнут комический эффект.

Анализ показал, что в эпизодах с шутивными репликами, в том числе с жестовым сопровождением, осуществлялась реализация основных компонентов вербальной шутки – оппозиции сценариев, логического механизма, ситуации, стратегии повествования и языка, которые свидетельствуют также о наличии фактора креативности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что и креативность, и юмор предполагают новый взгляд на уже привычные вещи, поскольку в ситуациях, которые можно расценить как смешные, всегда присутствует возможность развития двух сценариев, построенных на различного рода противоречиях.

Юмор как немаловажная часть дружеского общения нередко подразумевает и креативный взгляд на обстоятельства, поскольку он, реализуя регулятивную функцию, служит созданию солидарности в группе и поддержанию товарищеских отношений между коммуникантами.

Анализ вербально-жестового поведения испытуемых, порождающих шутки, свидетельствует о том, что юмористичность и креативность могут выражаться как в вербальной, так и в невербальной форме. Причем взаимодополнение реплик и жестов часто способствует достижению большего комического эффекта.

Таким образом, юмор может рассматриваться как проявление креативности, данное взаимодействие выстраивается на противопоставлениях и противоречиях, преодоление которых предполагает выход за пределы тривиальности и применение не только когнитивных, но и эмоциональных усилий.

Список литературы

- Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. – Казань: Бук, 2024. – 210 с.
- Иванова Е. М. Чувство юмора как маркер одаренности // Психология: Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 144–152.
- Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 448 с.
- Коровкин С.Ю. Фасилитация решения творческих задач: юмор // Психология: Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 172–182.
- Мартин Р. Психология юмора. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 478 с.
- Мусийчук М.В., Пуэнтес Р.В., Мусийчук С.В. Юмористические задачи как средство развития эмоционального интеллекта // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 56–61.
- Томская М.В. Вербально-жестовое поведение в устном нарративе: юмор в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 6 (887). – С. 106–112.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 272 с.
- Энциклопедический психологический словарь-справочник: 1000 понятий, определений, терминов: учебно-методическое пособие для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.Л. Кандыбовича, А.Д. Короля, Т.В. Разиной. – Минск: Харвест, 2021. – 864 с.
- Attardo S., Raskin V. Script theory revis (it)ed: joke similarity and joke representation model // Humor: International Journal of Humor Research. – 1991. – 4 (3/4). – P. 293–347. – DOI:10.1515/humr. 1991.4.3–4.293
- Crawford C.B. Theory and implications regarding the utilization of strategic humor by leaders // The Journal of Leadership Studies. – 1994. – 1 (4). – P. 53–68.
- Koestler A. The act of creation. – New York: Macmillan, 1964. – 751 p.
- Martineau W.H. A model of the social functions of humor // The psychology of humor. ed.by J. Goldstein, P. McGhee. – New York: Academic Press, 1972. – P. 101–125.
- McGhee P.E. Health, healing and the amuse system: Humor as survival training. – Kendall / Hunt Publishing Comp., 1999. – 281 p.

- Mednick S.A. The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. – 1962. – 69 (3). – P. 220–232. – DOI:10.1037/h0048850
- Torrance E.P. *Torrance tests of creative thinking*. – Lexington: Personnel Press, 174. – 162 p.
- Treadwell Y. Humor and creativity // *Psychological Reports*. – 1970. – 26 (1). – P. 55–58. – DOI:10.2466/pr0.1970.26.1.55
- Wyer R.S., Collins J.E. A theory of humor elicitation // *Psychological Review*. – 1992. – 99 (4). – P. 663–688. – DOI:10.1037/0033-295X.99.4.663
- Ziv A. Facilitating effects of humor on creativity // *Journal of Educational Psychology*. – 1976. – 68 (3). – P. 318–322. – DOI:10.1037/0022-0663.68.3.318

References

- Gusejnova I.A., Kosichenko E.F. *Grani smeshnogo i yumor bez granic: semiotika komicheskikh tekstov raznyh zhanrov* [Facets of the funny and humor without borders: semiotics of comic texts of different genres]. Kazan': Buk, 2024. 210 p. (In Russian)
- Ivanova E.M. *Chuvstvo yumora kak marker odarennosti* [Sense of humour as a giftedness indicator]. In: *Psihologiya: Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology: Journal of the Higher School of Economics]. 2011. Vol. 8, N 4. Pp. 144–152. – DOI:10.17323/1813-8918-2012-1-144-152 (In Russian)
- Ilyin E.P. *Psihologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creative, creativity, giftedness]. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 448 p. (In Russian)
- Korovkin S.Yu. *Fasilitaciya resheniya tvorcheskikh zadach: yumor* [Facilitation of Creative Problem Solving: Humor]. In: *Psihologiya: Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology: Journal of Higher School of Economics]. 2015. Vol. 12, N 2. Pp. 172–182. (In Russian)
- Martin R. *Psihologiya yumora* [Psychology of Humor]. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 478 p. (In Russian)
- Musiychuk M.V., Puentes R.V., Musiychuk S.V. *Yumoristicheskie zadachi kak sredstvo razvitiya emocional'nogo intellekta* [Humorous tasks as a means of emotional intelligence]. In: *Nauchnyj rezul'tat: Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Research Result: Pedagogic and psychology of education]. 2016. Vol. 2, N 3. Pp. 56–61. (In Russian)
- Tomskaya M.V. *Verbal'no-zhestovoe povedenie v ustnom narrative: yumor v gender-nom aspekte* [Verbal-gestural behavior in oral narrative: humor from a gender perspective]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State University. Humanities]. 2024. Iss. 6 (887). Pp. 106–112. (In Russian)
- Kholodnaya M.A. *Psihologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence: paradoxes of research]. Saint-Petersburg: Piter, 2002. 272 p. (In Russian)
- Enciklopedicheskij psihologicheskij slovar'-spravochnik: 1000 ponyatij, opredelenij, terminov* [Encyclopedic psychological dictionary-reference book: 1000 concepts, definitions, terms] / pod red. S.L. Kandybovicha, A.D. Korolya, T.V. Razinoj. Minsk: Harvest, 2021. 864 p. (In Russian)

- Attardo S., Raskin V. *Script theory revis (it)ed: joke similarity and joke representation model*. In: *Humor: International Journal of Humor Research*. 1991. 4 (3 / 4). Pp. 293–347. – DOI:10.1515/humr. 1991.4.3–4.293
- Crawford C.B. *Theory and implications regarding the utilization of strategic humor by leaders*. In: *The Journal of Leadership Studies*. 1994. 1 (4). Pp. 53–68.
- Koestler A. *The act of creation*. New York: Macmillan, 1964. 751 p.
- Martineau W.H. *A model of the social functions of humor*. In: *The psychology of humor / eds. J. Goldstein, P. McGhee*. New York: Academic Press, 1972. Pp. 101–125.
- McGhee P.E. *Health, healing and the amuse system: Humor as Survival Training*. Kendall / Hunt Publishing Comp., 1999. 281 p.
- Mednick S.A. *The associative basis of the creative process*. In: *Psychological Review*. 1962. 69 (3). Pp. 220–232. – DOI:10.1037/h0048850
- Torrance E.P. *Torrance tests of creative thinking*. Lexington: Personnel Press, 174. 162 p.
- Treadwell Y. *Humor and creativity*. In: *Psychological Reports*. 1970. 26 (1). Pp. 55–58. – DOI:10.2466/pr0.1970.26.1.55
- Wyer R.S., Collins J.E. *A theory of humor elicitation*. In: *Psychological Review*. 1992. 99 (4). Pp. 663–688. – DOI: 10.1037/0033–295 X. 99.4.663
- Ziv A. *Facilitating effects of humor on creativity*. In: *Journal of Educational Psychology*. 1976. 68 (3). Pp. 318–322. – DOI: 10.1037/0022–0663.68.3.318

**ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА.
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
APPLIED LINGUISTICS.
TRANSLATION AND TRANSLATION THEORY**

УДК 81'255.2

DOI: 10.31249/ling/2025.04.04

Наугольных Е.А.¹

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИГРЕМ ДЖ. ДЖОЙСА
В РОМАНЕ «ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ»
И ИХ ПЕРЕВОДИМОСТЬ**

Аннотация. Статья посвящена игровым приемам Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану». Исследуются особенности игрем писателя, содержащих в составе компонент «язык» или связанные с ним однокоренные слова, синонимы. Среди основных приемов наиболее частыми оказались звукопись, фонетико-акустическое соприкосновение, гибридизация, техника внедрения многоязычной лексики, интертекстуальные вставки. Также проведен сопоставительный анализ переводческих решений, предложенных русским (А. Рене), немецким (Д. Штюдель) и испанским (М. Забалой) переводчиками.

Ключевые слова: игремы; окказиональное слово; творчество Дж. Джойса; переводческая интерпретация.

Для цитирования: Наугольных Е.А. Некоторые особенности игрем Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану» и их переводимость // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литера-

¹ © Наугольных Е.А., 2025

Наугольных Евгения Андреевна – кандидат филологических наук, Пермская государственная фармацевтическая академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, зав. кафедрой иностранных языков и фармацевтической терминологии; pulina_jane@mail.ru

Naugolnykh E.A.*

**CERTAIN ASPECTS OF IGREMS INTRODUCED
BY JAMES JOYCE IN “FINNEGANS WAKE”
AND THEIR TRANSLATABILITY**

Abstract. The article explores the game techniques of J. Joyce in *Finnegans Wake*. Language game units (igremes) containing “language” or related single-root words as their part are investigated. Most of them were focused on sound, phonetic-acoustic similarities, hybridization, multilingual vocabulary, and intertextual inserts. A comparative analysis of the translations into Russian (translator A. Rene), German (translator D. Strundel) and Spanish (translator M. Zabaloy) was carried out.

Keywords: igremes; occasional word; J. Joyce’s literary works; translator’s interpretation.

For citation: Naugolnykh E.A. Certain Aspects of Igrams Introduced by James Joyce in “Finnegans Wake” and Their Translatability // *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 51–61. DOI: 10.31249/ling/2025.04.04

Введение. Материалы исследования

Каждый писатель использует в своих произведениях некоторый свойственный именно ему набор приемов, что делает его индивидуальный стиль отличимым от стилей других авторов. Несомненно, произведения Дж. Джойса настолько неповторимы, что распознать их с легкостью можно даже в случае сокрытия авторства.

Для текстов эпохи модернизма в целом характерна перенасыщенность аллюзиями, фронтальная метафоризованность, а также риторически продуманные нарушения норм использования единиц всех языковых уровней. Соединение несовместимого, деформация и гибридизация – все это, безусловно, актуально для

* Naugolnykh Evgeniya Andreevna – Candidate of Philology, Perm State Pharmaceutical Academy, Head of the Chair of Foreign Languages and Pharmaceutical Terminology; pulina_jane@mail.ru

творчества Дж. Джойса, особенно позднего периода. Писатель пошел по пути интенсификации полисемии, слово Дж. Джойса «сочетает в себе предельную пустоту с удивительной емкостью» [Гениева, 1982, с. 29], а весь текст, таким образом, строится на детали, намеке, подтексте.

В данной статье изучаются игровые приемы Дж. Джойса в его последнем романе «Поминки по Финнегану», позволяющие писателю добиваться многократного приращения смыслов, а также анализируются возможности перевода созданных каламбуров на русский, немецкий и испанский языки.

Материалом для анализа послужил роман «Поминки по Финнегану» и его русскоязычная (переводчик А. Рене), немецкоязычная (переводчик Д. Штюдель) и испаноязычная (переводчик М. Забалоу) версии.

В качестве основных методов исследования использовались описательный, сопоставительный, интертекстуальный и дискурсивный анализы.

Результаты и обсуждение

Игра как элемент лингвокреативного мышления Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану»

«Лингвокреативное мышление основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина, 2008, с. 4]. То, что Дж. Джойс обладал подобного рода мышлением, отмечается многими исследователями его творчества [MacCabe, 1979; Szczerbowski, 2000]. Фундаментами его произведений нередко становятся такие единицы, к которым применима метафора «пучки», поскольку они «обладают структурной спутанностью и расходятся нитями смысла, как запутывая, так и связывая порой несовместимое и поистине непредсказуемое» [Деррида, 2000, с. 379]. К подобным единицам также применим термин «игра», предложенный Т.А. Гридиной. Под ним в данной статье понимается слово (словосочетание, предложение), являющееся объектом и результатом языковых игр писателя [Гридина, Никаноров, 1998, с. 59]. Игра в тексте произведения воздействует на языковую рефлексию читателя, стимулируя порождение новых форм и смыслов.

Несмотря на то, что изначально игра практически всегда ориентирована на комический эффект [Гридина, Никаноров, 1998,

с. 62], языковая игра в последнем романе Дж. Джойса «Поминки по Финнегану» перерастает функцию исключительно комического приема. «Язык для Дж. Джойса онтологичен, его стихия имеет глубокие связи с картиной бытия и истории, комизм переходит в особое языкотворчество» [Фещенко, 2009, с. 318]. Весомое количество каламбуров, обыгрывающих слово «язык», вызвало интерес к анализу игрем, в состав которых входит данная лексема или связанные с ней однокоренные слова и синонимы.

Методом сплошной выборки в романе были выделены 146 случаев игрем, или окказиональных новообразований, содержащих в составе корневые элементы *langue, lingue, speech, tell, say*. Отмечено, что чаще всего Дж. Джойс строит свои каламбуры на фонетико-акустической близости двух и более единиц. Например, лексема *tellafun* (telephone, tell + fun) *book* (p.); *languish of flowers* (language); *langwid* (language).

Фоническое измерение прозы, бывшее второстепенным в классической литературе, в последних романах Дж. Джойса «выходит на авансцену». Языковые конструкции и деконструкции писателя приобретают разные звучания и ассоциации, приближают словесный поток к «полноводной реке, несущей свои воды в океан текста» [Jolas, 1929, p. 13]. Примерами могут служить следующие единицы: *lick-Pa-flai-hai-pa-Pa-li-si-lang-lang, tsay-fong tsei-foun*.

Дж. Джойс часто использует омонимы как стимул для порождения множественных ассоциаций. Так, в окказиональной лексеме *naytellmeknot* языковую игру поддерживают омофоны *not* и *knot*, совмещая в единое целое значения «отрицания» и «узла». Еще один яркий пример – сконструированная Дж. Джойсом фраза: *sayle of clothes – sailer*, в которой намек перерастает в буквальное упоминание двух омофонов.

Необходимо также отметить наличие каламбуров, построенных на основе морфологического соприкосновения (например, использование серийной суффиксации): *foretellers, bestteller*.

Тем не менее, едва ли можно причислить суффиксацию в чистом виде к наиболее распространенному способу. В общем количестве исследованных единиц процент подобных новообразований незначителен: *volapucky, linguish, speekee*.

Анализ показал, что к числу наиболее часто используемых словообразовательных способов можно отнести сращение лексем (*highsaydighsayman, hearasay, tellusit, telluspeep*) и создание новообразований путем контаминации: *langurge* (language + gurge), *landscape* (language + landscape), *slanguage* (slang + language).

Отдельную группу составляют аллюзивные окказиональные антропонимы и топонимы: *Mullinguard*, *Atlangthis*, *Lang Wang Wurm*, *Michelangeloesque*.

При построении лексем также задействуются корни других языковых систем, в результате чего появляются всевозможные интерязыковые окказионализмы: *parlerment* (*parler* (фр.) + *parliament*); *limbaloft* (*limba* (рум.) + *loft*); *lettrechaun* (*letter* + *rech'* (рус.) + *-aun* или *lettre* (фр.) + *Chaun* (Чаун – река в России)); *teangtaggle* (*teangue* (ирланд.) + *taggle*)).

Следует выделить еще одну особенность игровых приемов Дж. Джойса. Инкорпорируя в текст элементы других языков, писатель придерживается принципа дублирования в узком контексте иностранного компонента синонимичными или близкими по значению английскими словами: *lashons* (иврит «речь, язык») of *languages* (p. 29) *the flowing taal* (нидерландский «язык») *that brooks no brooking runs on to say how* (p. 247); and her *steptojazyma's* (русский «язык») *culunder buzztle. She tired lipping the swells at Pont Delisle till she jumped the boom at Brounemouth* (p. 578).

Нельзя не упомянуть интертекстуальные отсылки Дж. Джойса, свойственное ему обыгрывание легендарных текстов. Так, фраза *favour with your tongues* [Joyce, 2012, p. 54] – это прямая отсылка к латинскому высказыванию Горация *favete linguis* (на английском *facilitate your tongues*) в значении *hold your tongue, facilitate the ritual acts by being silent* (благоговейте молча) (в переводе А. Рене – *балаболейте алча* [Джойс, 2020, с. 10]).

Необходимо отметить, что несмотря на кажущуюся спорность некоторых приведенных примеров, описанных вне контекста, при анализе мы все же старались опираться на него, а не на исключительно формальные критерии межязыкового подобия на морфемном уровне, а также на варианты переводов, предложенные признанными переводчиками.

Таким образом, анализ показал, насколько богат арсенал приемов, применяемых Дж. Джойсом в тексте романа. Следует особенно выделить звукопись, гибридизацию и метод внедрения многоязычной лексики – техники, которые, безусловно, приводят к наращению смыслового содержания, вносят элемент игры, гротеска, способствуют появлению новых значений и ассоциаций, безмерно затрудняя задачу переводчиков.

Переводимость игрем Дж. Джойса на другие языки

Рассматривая перевод окказиональных игрем, интересно обратиться к герменевтической концепции Ф. Шлейермахера, который в своих работах выделял грамматическое и психологическое толкования. Внешняя или грамматическая интерпретация отталкивается от формально-семантической структуры единицы оригинала, она устанавливает «буквальный смысл» текста. Психологическая интерпретация отражает видение «творческой природы языка», подразумевает индивидуальное прочтение и понимание переводчиком авторской единицы и ее роли в общем замысле писателя. Таким образом, основной процедурой психологического толкования становится «вживание» переводчика в душевный мир автора [Шлейермахер, 2004].

С учетом вышесказанного становится очевидно, насколько трудна задача, стоящая перед переводчиками романа «Поминки по Финнегану», где языкотворческий элемент проявляется буквально в каждом слове текста, а все произведение построено по джойсовскому принципу «хохотания на языках» [Фещенко, 2009, с. 319]. Более того, языковая игра в романе нередко выходит за рамки одного языка, позиционируя сам текст произведения, по словам Ж. Дерриды, в «межъязыковом пространстве» [Деррида, 2002, с. 18].

Примечательно, что далеко не все переводчики смогли интерпретировать роман в полном объеме, некоторые ограничились отдельными главами. Латинская основа письменности английского языка позволяет Дж. Джойсу на графическом уровне задействовать ресурсы других языковых систем, которые также основаны на латинском алфавите. В этом смысле русский язык (как и другие основанные не на латинице языки) – не самый подходящий инструмент для межъязыковой трансляции текста романа. Для дальнейшего анализа мы выбрали единственную полную русскоязычную версию, созданную переводчиком А. Рене. Для сравнения также использовались немецкий (переводчик Д. Штюдель) и испанский (переводчик М. Забалой) переводы произведения. Выбор трех языков обусловлен также следующим фактом: «сравнение переводов одного и того же произведения на разные языки помогает лучшему пониманию оригинала: как это ни парадоксально, некоторые его возможности раскрываются лишь в переводе» [Бибихин, 2010, с. 132].

Поскольку двойственность смыслов, порождаемая звуковыми «сближениями», является одним из наиболее частых приемов Дж. Джойса, рассмотрим пример каламбура, построенного на базе фонетико-акустической игремы.

Picked by him and Anthony out of a tellafun book, ellegedly with a pedigree pig (unlicensed) and a hyacinth [Joyce 2012, p. 86].

Von ihm gewählt und Antonius aus einem Tellerphanbuch, ahngeblich mit einem Stammbaumschwein (unlizenziert) und einer Hyazinthe [Joyce 1993, s. 86].

Por él y Anthony de un directorio tanafónico, presueltamente con un porcino de pedigrí (sin licencia) y un jacinto [Joyce 2016, p. 86].

Взятым им и Антонием из *фельетонного справочника*, якобыль с породистым хряком (без лицензии) и гиацинтом [Джойс, 2021 б, с. 19].

Окказиональная единица *tellefun book* была образована на базе словосочетания *telephone book* путем сращения двух лексем: *tell* (говорить) и *fun* (веселье; занимательный). Стоит отметить, что телефонная книга для Дж. Джойса – это не стандартный объект, а философский концепт, в основе которого, вероятно, находятся экзистенциальные ростки мировоззрения М. Хайдеггера. «Телефония», «телефонный справочник» являются, с одной стороны, связующим звеном, а с другой стороны, возможностью противопоставить «близкое» и «отдаленное», «я» (автор, герой) и «другой» (адресат, получатель, воспринимающий) [Ronell, 1989, p. 360]. Введение новых смыслов через трансформацию шаблонного словосочетания позволяет Дж. Джойсу усилить гротесковую составляющую всего отрывка.

Что касается перевода, создание окказионализма на переводящих языках, кажется, наиболее верной стратегией. При этом переводчику необходимо переосмыслить (на языке Ф. Шлейермахера – «перетолковать») исходную единицу оригинала с учетом ее звуковых, смысловых и словообразовательных особенностей. Д. Штундель отталкивается прежде всего от звуковой оболочки слова. В его переводной лексеме *Tellerphanbuch* можно вычленить два смысловых компонента *Teller* (тарелка) и *Buch* (книга). В принципе, в немецком искаженном новообразовании возможно восстановить два английских слова *tell* и *fun*, но это только в случае, если читатель задумается над переключением языковых кодов. М. Забалой на базе узуального словосочетания *directorio telefonico* создает окказиональное *directorio tanafónico* (*tañer* (тренькать, звонить) + *fónico* (звуковой)). В ослышке невозможно установить анг-

лийские лексемы *tell* и *fun*. Смысловой компонент оказывается утраченным, отчасти потеряян также пародийно-сатирический аспект прозы Дж. Джойса. Несколько другую стратегию перевода выбирает А. Рене. Однако в его, на первый взгляд, узуальном словосочетании «фельетонного справочника» можно заметить попытку воссоздать языковую игру для русских читателей. Во-первых, прилагательное «фельетонный» созвучно прилагательному «телефонный» за счет идентичной цепочки гласных и общего суффикса. Во-вторых, фельетон – это особый жанр художественно-публицистической литературы, имеющий сатирический или юмористический характер. Тем не менее интерпретация А. Рене достаточно вольная, ведь он скован возможностями кириллического алфавита.

Рассмотрим еще один пример. В словосочетании *in lashons of languages* [Joyce 2012, p. 29] фонетико-акустическая близость английской лексемы *lashing* (море, большое количество) и единицы *lashon* (иврит «речь, язык») позволяют создать окказиональное новообразование широкой семантики. Таким образом, с одной стороны, языковая игра поддерживается шаблоном *lashings of drink, lashings of food*, с другой стороны, в первичной части слова сохраняется иноязычная лексема. Проанализируем, насколько данная особенность была передана русским, немецким и испанским переводчиками:

Schimpfwörtern der Sprache [Joyce 1993, s. 29].

En lashones de lenguas [Joyce 2016, p. 29].

...что подложили ему на *мовоголосных* языках [Джойс, 2021 а, с. 57].

В данном случае Д. Штюдель использует узуальную единицу (*Schimpf* – *позор, ругань, брань*), М. Забалой прибегает к транслитерации (*lashones*), А. Рене создает окказиональную единицу с украинской основой «*мова*» (=множество) с установкой на лексему «*многоголосый*».

Нельзя не отметить, что одна из основных трудностей переводчиков Дж. Джойса – «почувствовать», когда писатель намеренно искажает нормативное словоупотребление, выделить мотивы и, отталкиваясь от формально-семантической структуры исходной единицы, предложить свою творческую интерпретацию, не исказив при этом авторский замысел и мастерский стиль Дж. Джойса. Замечено, что в процессе перевода на немецкий и испанский языки специалисты чаще прибегали к транскрипции/транслитерации или использовали кальки, где это было возможно. Такой стратегии способствовала современная латиница, являющаяся основой пись-

менности большинства романских и германских языков. Переложение неповторимого сочетания из языка оригинала на русский язык требовал радикальной переработки первоисточника. Именно поэтому А. Рене назвал свой труд не переводом, а именно интерпретацией.

Заключение

Таким образом, в статье рассмотрены некоторые особенности игровой техники Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану». Анализу подверглись игры, в состав которых входит компонент «язык» или связанные с ним однокоренные слова, синонимы. Среди основных приемов следует выделить звукопись, фонетико-акустическое соприкосновение, гибридизацию, технику внедрения многоязычной лексики, интертекстуальные вставки. Насколько сложен ментальный процесс декодирования языковых игр в тексте оригинала можно увидеть на примере исследования переводов произведения на русский, немецкий и испанский языки. Индивидуальная интерпретация окказиональных единиц, а также специфика языков перевода приводят к выбору разных стратегий. Несмотря на это, доминирующим методом у всех переводчиков стало создание окказионализмов на родном языке, тогда как опущение наблюдалось в наименьшем количестве случаев. Испанский переводчик чаще других прибегал к замене окказионального слова узуальным. Дальнейшее углубленное изучение переводов романа с привлечением других языков для анализа, является перспективным, ведь каждый новый перевод – это вероятность найти еще не раскрытые смыслы, что позволит приблизиться к «познанию мира через языковую структуру» – цели, которую ставил сам ирландский писатель.

Список литературы

- Бибихин В.В.* Слово и событие: Писатель и литература. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 416 с.
- Гениева Е.Ю.* Джеймс Джойс // Дж. Джойс. Дублинцы. Портрет художника в юности. – Москва : Прогресс, 1982. – С. 7–39.
- Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2008. – 166 с.
- Гридина Т.А., Никаноров С.А.* Принципы языковой игры в художественной литературе для детей (эвристика словообразовательных «игр») // Язык. Систе-

- ма. Личность: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – С. 55–74.
- Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен / пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 111 с.
- Деррида Ж. Различание // Деррида Ж. Письмо и различие. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – С. 377–402.
- Джойс Дж. На помине Финнеганов: Книга 1, глава 1 / перевод с английского А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2021а. – 226 с.
- Джойс Дж. На помине Финнеганов : Книга 1, глава 3 / перевод с английского А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2020. – 192 с.
- Джойс Дж. На помине Финнеганов : Книга 1, глава 4 / перевод с английского А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2021б. – 194 с.
- Фещенко В.В. Лаборатория логоса : языковой эксперимент в авангардном творчестве. – Москва : Язык славянских культур, 2009. – 392 с.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика : перевод с нем. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2004. – 242 с.
- Jolas E. Proclamation : the revolution of the word // Transition. – June 1929. – P. 12–38.
- Joyce J. Finnegans wake: traducido por M. Zabalyo. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires : El cuenco de plata, 2016. – 640 p.
- Joyce J. Finnegans wehlg : übersetzt von Dieter H. Stündel. – Frankfurt : Zweitausendeins, 1993. – 628 s.
- Joyce J. Finnegans Wake. – London : Wordsworth classics, 2012. – 628 p.
- MacCabe C. James Joyce and the revolution of the word. – London : Macmillan, 1979. – 186 p.
- Ronell A. The telephone book : technology, schizophrenia, electric speech. – Lincoln : Univ. of Nebraska Press, 1989. – 465 p.
- Szczerbowski T. Anna Livia Plurabelle po polsku. – Krakow : Wyd-wo naukowe akademii pedagogicznej, 2000. – 105 s.

References

- Bibihin V.V. *Slovo i sobytie: Pisatel' i literature* [Word and event: Writer and literature]. Moscow: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2010. 416 p. (In Russian)
- Genieva E.Ju. *Dzhejms Dzhojs* In: *Dzhojs Dzh. Dublincy. Portret hudozhnika v junosti* [Joyce J. Dubiners. Portrait of an Artist as a Young Man]. Moscow: Progress, 1982. Pp. 7–39. (In Russian)
- Gridina T.A. *Jazykovaja igra v hudozhestvennom tekste* [Language game in literary text]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008. 166 p.
- Gridina T.A., Nikanorov S.A. *Principy jazykovoj igry v hudozhestvennoj literature dlja detej (jevristika slovoobrazovatel'nyh «igrem»)* [Principles of language game in children's fiction (heuristics of word-formation «igrem»)]. In: *Jazyk. Sistema. Lichnost': materialy dokl. i soobshhenij mezhdunar. nauch. konf.* [Language, System. Personality: Materials of theses and messages of International Scientific conference]. Ekaterinburg, 1998. Pp. 55–74. (In Russian)

**Некоторые особенности игрем Дж. Джойса в романе
«Поминки по Финнегану» и их переводимость**

- Derrida Zh. *Vokrug vavilonskih bashen* [Around the towers of Babel] / per. s fr. i koment. V.E. Lapickogo. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2002. 111 p. (in Russian)
- Derrida Zh. *Razlichanie* [Difference]. In: Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2000. Pp. 377–402. (in Russian)
- Dzhojs Dzh. *Na pomine Finneganov: kniga 1, glava 1* [Na pomine Finneganov: vol. 1, chapter 1] / per. s angl. A. Rene. Ekaterinburg: Izdatel'skie reshenija, 2021. 226 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Na pomine Finneganov: kniga 1, glava 1* [Na pomine Finneganov: vol. 1, chapter 3] / per. s angl. A. Rene. Ekaterinburg: Izdatel'skie reshenija, 2020. 192 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Na pomine Finneganov: kniga 1, glava 1* [Na pomine Finneganov: vol. 1, chapter 4] / per. s angl. A. Rene. Ekaterinburg: Izdatel'skie reshenija, 2021. 194 p. (In Russian)
- Feshhenko V.V. *Laboratorija logosa: jazykovoje jeksperiment v avangardnom tvorcestve* [The Laboratory of Logos: The language experiment in avant-garde creativity]. Moscow: Jazyk slavjanskih kul'tur, 2009. 392 p. (In Russian)
- Shlejermaher F. *Germenevtika* [Hermeneutics]: per. s nem. Saint Petersburg: Evropejskij dom, 2004. 242 p. (In Russian)
- Joyce J. *Finnegans Wake*. London: Wordsworth classics, 2012. 628 p.
- Jolas E. Proclamation: the revolution of the word. In: *Transition 16/17*. – June 1929. Pp. 12–38.
- Jolas E. Proclamation: the revolution of the word. In: *Transition 16/17*. June 1929. Pp. 12–38.
- Joyce J. *Finnegans wake* / traducido por M. Zabaloy. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: El cuenco de plata, 2016. 640 p.
- Joyce J. *Finnegans wehg* / übersetzt von Dieter H. Stündel. Frankfurt: Zweitausendeins, 1993. 628 s.
- Joyce J. *Finnegans Wake*. London: Wordsworth classics, 2012. 628 p.
- MacCabe C. *James Joyce and the revolution of the word*. London: Macmillan, 1979. 186 p.
- Ronell A. *The telephone book: technology, schizophrenia, electric speech*. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1989. 465 p.
- Szczerbowski T. *Anna Livia Plurabelle po polsku*. Krakow: Wydawnictwo naukowe akademii pedagogicznej, 2000. 105 s.

Трампетти Л.¹, Хухуни Г.Т.²

**6-я НОВЕЛЛА VI ДНЯ «ДЕКАМЕРОНА» В ПЕРЕВОДАХ
А.Н. ВЕСЕЛОВСКОГО И Н.М. ЛЮБИМОВА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена лингвофилологическому анализу переводов 6-й новеллы VI дня «Декамерона», принадлежащих А.Н. Веселовскому и Н.М. Любимову. Сопоставление текстов переводов и оригинала (в том числе, содержащегося в древних итальянских рукописях) показало, что во всех русских версиях, выполненных до публикации фундаментальных филологических исследований, посвященных оригиналу, существуют расхождения с каноническим текстом, представленным в новейших итальянских изданиях «Декамерона». В заключении статьи отмечается необходимость дальнейших исследований в этой области, посвященных другим частям «Декамерона», и обосновывается целесообразность создания русских переводов, учитывающих указанные моменты.

Ключевые слова: Декамерон; Дж. Боккаччо; новелла; перевод; итальянский; А.Н. Веселовский; Н.М. Любимов; рукопись; манускрипт.

Для цитирования: Трампетти Л., Хухуни Г.Т. 6-я новелла VI дня «Декамерона» в переводах А.Н. Веселовского и Н.М. Любимова: лин-

¹ © Трампетти Л., 2025

Трампетти Лоренцо – аспирант, ассистент кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета (МПГУ); l.trampetti@mpgu.su

² © Хухуни Г.Т., 2025

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения (ГУП); профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета (МПГУ); khukhuni@mail.ru

лингвистические и филологические аспекты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.– 2025. – № 4. – С. 62–77. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.05

Trampetti L. *, Khukhuni G.T.**

**LINGUISTIC AND PHILOLOGICAL ASPECTS
OF A.N. VESELOVSKY’S AND N.M. LYUBIMOV’S
TRANSLATIONS OF THE SIXTH NOVELLA OF DAY
VI OF “DECAMERON”**

Abstract. This article is devoted to linguistic and philological analysis of A.N. Veselovsky’s and N.M. Lyubimov’s translations of the sixth novella of Day VI of G. Boccaccio’s “Decameron”. A comparison of the texts of the translations and the original (including that contained in ancient Italian manuscripts) has shown that in the existing Russian translations, all made before the publication of seminal philological studies on the original, there are philological inconsistencies with the generally accepted re-collated text as presented in the latest Italian editions of “Decameron”. The article concludes by noting the need for further research in this area on other parts of the “Decameron” and justifies the expediency of creating Russian translations that consider these points.

Keywords: Decameron; G. Boccaccio; novella; translation; Italian language; A.N. Veselovsky; N.M. Lyubimov; manuscript.

For citation: Trampetti L., Khukhuni G.T. Linguistic and Philological Aspects of A.N. Veselovsky’s and N.M. Lyubimov’s Translations of the Sixth Novella of Day VI of “Decameron” // *Social’nye I gumanitarnye nauki. Otechestvennaja I zarubezhnaja literature. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series. Linguistics]. – 2025. – N 4. – P. 62–77. DOI: 10.31249/ling/2025.04.05

* Trampetti Lorenzo – PhD, Teacher Assistant at the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (MPGU); l.trampetti@mpgu.su

** Khukhuni Georgy Teymurazovich – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Federal State University of Education; Professor at the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (MPGU); khukhuni@mail.ru

Написав «Декамерон», Джованни Боккаччо (1313–1375) заложил, как принято считать, основу для зарождения современного романа. Многообразие увлекательных мотивов и сюжетов делает это произведение вполне актуальным и сегодня, о чем свидетельствует непрерывный выпуск новых изданий не только оригинала, но и его переводов на разные языки. Среди русских наиболее авторитетными считаются переводы Александра Николаевича Веселовского (1838–1906) и Николая Михайловича Любимова (1912–1992): этим же переводам посвящено значительное количество научных работ. В существующей литературе очень подробно рассмотрены лексические, синтаксические и стилистические аспекты, характеризующие русские переводы «Декамерона», в том числе их нередкие (особенно в отношении перевода Любимова) стилистические несоответствия с текстом оригинала, а филологические моменты, отличающие переводы от подлинника, остаются малоизученными. Однако, на наш взгляд, при анализе переводов какого-либо древнего текста, созданного еще до появления издательского дела, авторского права и серийного выпуска одинаковых копий, необходимо поставить несколько чисто филологических вопросов: каков оригинал текста? дошел ли он до нас? есть ли только один оригинал, или их несколько? с какого из них были сделаны его переводы? – а обращаясь конкретно к вопросу, составляющему предмет данной работы: насколько «русский Декамерон», представленный в различных русских переводах, отличается с филологической точки зрения от оригинала, представленного в современных итальянских изданиях? Анализ, проведенный нами исходя из этих вопросов, показал, что переводы «Декамерона», сделанные Веселовским и Любимовым, отличаются от подлинника не только в стилистическом, но и в филологическом отношении. Изменение некоторых слов, пропуски и сокращения, хотя и не критичные (и не всегда зависящие напрямую от переводчиков), в свою очередь отдаляют эти переводы от оригинала. Для выявления различий мы решили сосредоточиться на 6-й новелле VI дня, где рассказывается о споре между флорентийцем Michele Scalza и некоторыми его знакомыми, которым он намерен доказать благородство флорентийского рода Baronci [Воссассио, 2014, р. 742–744; Воссассио, 2013, р. 1005–1008]. Новелла содержит значимое количество имен и фамилий, относящихся к реально существовавшим во Флоренции XIV в. лицам, а также географических названий. Наличие иной фамилии у одного из героев в переводах Веселовского и Лю-

бимова, чем в современных итальянских изданиях, привело нас к намерению провести более глубокий анализ.

Завершенный Боккаччо между 1349 и 1351 гг. «Декамерон» дошел до нас в нескольких вариантах: как известно, существуют десятки скопированных манускриптов, представляющих разные редакции произведения [Branca, 1991, p. 73–136]. Они начали создаваться и распространяться еще при написании оригинала, показывая разные этапы работы над ним. Это свидетельствует о том, что «Декамерон» сразу же стал очень популярным и востребованным (и сам Боккаччо, пересматривавший его до самой смерти, должен был составить не один манускрипт между ценными и так называемыми *esemplari di lavoro*, т.е. «рабочими» копиями, содержащими исправления и переработки) [Воссассио, 2013, p. 110]. Из множества существующих манускриптов особое значение имеет единственный известный авторский, хранившийся в Staatsbibliothek zu Berlin под названием “Cod. Hamilton 90”, созданный Боккаччо около 1370 г.¹ [Branca, 1991, p. 211–262; Fiorilla, 2010, p. 10]. Хотя подозрения были и раньше, его атрибуция Боккаччо была окончательно доказана итальянскими филологами Vittore Branca и Pier Giorgio Ricci в 1962 г. [Branca, Ricci, 1962]. Авторитетными считаются также неавторский манускрипт, известный по примечанию “Pluteo 42.1”, хранящийся во Флоренции в Biblioteca Laurenziana, переписанный в 1384 г. Francesco Mannelli с поздней редакции «Декамерона»²; и неавторский, хранящийся в Париже в Bibliothèque nationale de France по примечанию “Italien 482”, переписанный между 1360 и 1370 гг. Giovanni d’Agnolo Carponi с ранней редакции «Декамерона»³ [Branca, 1991, p. 76–78; p. 108–110; Fiorilla, 2010, p. 10]. “Pluteo 42.1” и “Italien 482” являются очень надежными свидетелями текста «Декамерона» и принимаются во внимание для его изучения и восстановления [Воссассио, 2013, p. 112]. В 1976 г. вышло издание «Декамерона», содержащее текст, пересоставленный Branca на основе “Hamilton 90”, за исключением нескольких пропавших частей (а именно: пролог и введение; большая часть VII дня; отдельные части IX и X дней); их отсутствие было скомпенсировано с помощью манускриптов “Pluteo 42.1”, “Italien 482”, и других [Воссассио, 1976; Воссассио, 2014, p. LXXVII; Воссассио, 2013, p. 110–112]. Составленный Боккаччо в

¹ URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E0000000>

² URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493080>

³ URL: <https://archivesetmanuscripts.bnf.fr/ark:/12148/cc95572>

преклонном возрасте манускрипт “Hamilton 90”, как известно, представляет собой позднюю и, как можно предполагать, близкую к окончательной редакцию «Декамерона» [Воссассио, 2013, р. 109]. В силу этого именно он и стал основой для подготовки текста итальянских изданий «Декамерона», вышедших после 1976 г., даже являясь результатом не совсем внимательного переписывания пожилым Боккаччо с «рабочего» экземпляра подлинника: неточностей в нем немало [Fiorilla, 2010, р. 117; Воссассио, 2013, р. 110–111]. До атрибуции “Hamilton 90” Боккаччо особо авторитетным считался, среди прочих, “Pluteo 42.1”, не случайно использованный Вранса для восполнения утраченных частей “Hamilton 90”. Однако, хотя первый в некоторых моментах превосходит второй по надежности (и, возможно, скопирован с близкого источника), он все же не является авторским, а также имеет некоторые текстуральные отличия от него, что очевидно при сравнении устаревших итальянских изданий «Декамерона» с современными, основанными в первую очередь на авторском экземпляре [Воссассио, 2013, р. 115]. Исходя из всего этого, мы предположили существование филологических различий между текстами переводов Веселовского и Любимова, выполненных по итальянским изданиям «Декамерона», вышедшим до 1976 г., и текстом оригинала, представленным в современных итальянских изданиях, основывающихся в первую очередь на “Hamilton 90”. Сопоставление текстов оригинала 6-й новеллы VI дня и его переводов на русский подтвердило наше предположение и показало, что переводы «Декамерона», сделанные Веселовским и Любимовым, могут отличаться от подлинника не только на стилистическом, но и на филологическом уровне. Мы считаем, что в основе этих отличий лежат три момента.

1. Появившись с разницей почти в 80 лет, переводы Веселовского и Любимова являются результатом работы, выполненной авторами в совершенно разных исторических и социокультурных контекстах истории России.

2. Веселовский и Любимов опирались (также по очевидным биографическим причинам) на разные итальянские издания оригинала, что привело к появлению двух текстов, показывающих некоторые филологические различия.

3. Итальянские издания «Декамерона», на которые опирались Веселовский и Любимов, хотя и остаются доступными сегодня, вытеснены более современными изданиями, учитывающими новейшие исследования о «Декамероне».

При сопоставлении разных версий оригинала и переводов мы выявили элементы, которые можно отнести к пунктам 1, 2 и 3. При проведении исследования мы опирались:

- на оригинальный текст «Декамерона», представленный в изданиях “Le Monnier” 1857 г. и “Firmin-Didot” 1884 г. под редакцией Pietro Fanfani и Ignazio Moutier соответственно;

- на оригинальный текст «Декамерона», представленный в изданиях “Sadea / Sansoni” 1966 г. с предисловием Vittore Branca и “Einaudi” 2014 г. (I изд.: в 1980 г.) под редакцией Vittore Branca;

- на оригинальный текст «Декамерона», представленный в издании “BUR Rizzoli” 2013 г., подготовленном Amedeo Quondam, Maurizio Fiorilla и Giancarlo Alfano;

- на русский перевод «Декамерона», выполненный Веселовским, представленный в изданиях 1891–1892 г. («Г-во И.Н. Кушнерев и К^о»), дозволено цензурой) и 1896 г. (без сокращений, содержащийся в издании «Ладомир / Наука» 2019 г., подготовленном М.Л. Андреевым и Л.В. Бессмертных) и в переизданиях 1955 г. («Государственное издательство художественной литературы») и 2025 г. («Юрайт»);

- на русский перевод «Декамерона», выполненный Любимовым, представленный в издании «Государственного издательства художественной литературы» 1970 г. под редакцией Н. Томашевского;

- на текст, содержащийся в оригинальных манускриптах “Hamilton 90” (авторском) и “Pluteo 42.1” (неавторском), с просканированными страницами которых можно ознакомиться на сайтах Берлинской государственной библиотеки и Библиотеки Медичи Лауренциана соответственно.

Трехтомный (в 4-х книгах) труд М.Л. Андреева и Л.В. Бессмертных оказал особую помощь. В нем перевод, который, как мы увидим, пережил множество редакционных перипетий, представлен в полном составе и сопровождается подробнейшим филологическим исследованием и документацией из архивов; это позволило нам подтвердить некоторые наши предположения.

Далее рассматриваются три момента уже выделенные, с помощью примеров из 6-й новеллы VI дня.

1. Вышедший до революции в двух томах (I изд.: в 1891–1892 гг.) «Декамерон» в переводе Веселовского подвергся воздействию царского цензурного комитета, поскольку он мог донести до читателя некоторые неприемлемые в то время мотивы оригинала: было разрешено опубликовать без сокращений не больше

100 экземпляров, а в остальных представлялся текст, очищенный от наиболее (согласно нравам того времени) скабрёзных и антиклерикальных моментов, содержащихся в подлиннике [Алексеев, 1939, с. 548; Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 789; с. 803; с. 1072–1074]. И сегодня перевод в основном тиражируется – хоть и невольно – в изданиях, характеризующихся некоторыми сокращениями (см. далее). Перевод же Любимова, завершённый в советское время (I изд.: в 1970 г.), очевидно, не подвергся никакому подобному цензурованию.

Если говорить конкретно о филологических неточностях, присущих переводу 6-й новеллы VI дня Веселовским, то в первую очередь выделяется неоднократное использование слова *природа* взамен прямого – присутствующего в подлиннике – обращения к Господу Богу (курсив наш): «Вы должны знать, что Барончи были сотворены *природою* в то время, когда *она* начала учиться живописи, а другие люди были созданы *ею*, когда *она* уже умела писать. [...] Из чего, как я уже сказал, видно очень ясно, что *природа* устроила их, когда училась живописи [...]» [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 815–816]. Вероятно, замена была включена Веселовским в результате требования царской цензуры, направленного на исключение упоминания, которое могло показаться кощунственным [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 812]. А в бесцензурном тексте перевода ее нет (курсив наш): «Вы должны знать, что Барончи были сотворены *Господом Богом* в то время, когда *Он* начал учиться живописи, а другие люди были созданы, когда *Господь Бог* уже умел писать. [...] Из чего, как я уже сказал, видно очень ясно, что *Господь* устроил их, когда учился живописи [...]» [Боккаччо, 2019, Т. 2, с. 36–37]¹. Однако, она сохраняется в переиздании, выпущенном в 1955 г. «Государственным издательством художественной литературы», и это несмотря на то, что в него были заново вставлены многие ранее исключённые части; а также в современных изданиях, которые воспроизводят его текст [Боккаччо, 1955, с. 377; Боккаччо, 2025, с. 340]. В переводе Любимова никакой замены нет, обращение к Господу Богу (в оригинале: *Domenedio*; см. Воссассио, 2014, р. 743–744; Воссассио, 2013, р. 1007–1008) осуществляется без перифразы и с использованием строчных букв (курсив наш): «Надобно вам знать, что *господь* сотворил Барончи, ко-

¹ В тексте 1892 г. можно прочесть (курсив наш): «Изъ чего, какъ я уже сказалъ, *явствуеть* очень ясно, что Господь устроил ихъ, когда учился живописи [...]» [Боккаччо, 1892, с. 19].

гда *он* только еще начал учиться живописи, меж тем как других людей *господь* сотворил, когда *он* уже научился живописи. [...] Отсюда вывод: как я уже сказал, *господь* сотворил Барончи, когда только еще учился живописи [...]» [Боккаччо, 1970, с. 393–394].

2. Веселовский при переводе опирался на двухтомное итальянское издание “Le Monnier”, вышедшее в 1857 г. под редакцией итальянского филолога Pietro Fanfani [Веселовский, 1893, с. 5; Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 1), с. 296]. Как указал в предисловии Fanfani, при подготовке издания особое внимание уделялось тексту манускрипта “Pluteo 42.1” [Boccaccio, 1857, Т. 1, р. 15; р. 23; р. 31]. Известно, что Веселовский в первоначальном соглашении с издателем Петром Петровичем Кончаловским (старшим, 1839–1904) должен был лишь отредактировать уже готовый перевод «Декамерона», сделанный по итальянскому тексту, представленному во французском издании “Firmin-Didot” 1884 г. [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 734; с. 730; с. 772; Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 1), с. 538]. Издатель этого текста, Ignazio Moutier, в предисловии отметил, что он подготовлен с учетом другого текста, а именно, составленного священником Michele Colombo (1747–1838), опубликованного в 1812 г.; и это издание, как “Le Monnier” 1857 г., по большей части относится к “Pluteo 42.1” [Boccaccio, 1884, Т. 1, р. 7]. В действительности работа для Веселовского оказалась гораздо больше, чем простая редактура: неадекватность полученного им перевода (вероятно, выполненного самим Кончаловским под псевдонимом) заставила его серьезно переработать текст, и это он сделал, обращаясь к тексту Fanfani [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 732; с. 734–735]. В силу этих фактов можно предположить, что первое издание перевода Веселовского во многом восходит к (неавторскому) манускрипту “Pluteo 42.1”. В 1886 г. вышло второе издание. Веселовский составил текст, основываясь на представленном в общедоступных (т.е., с купюрами) копиях 1-го издания, в который он внес около 2000 исправлений; для сверки он воспользовался не только текстом Fanfani, но и (по его словам) «древней берлинской рукописью», т.е., “Hamilton 90” [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 802; с. 806; Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 1), с. 296]. Несмотря на это, в силу некоторых текстуальных особенностей, которые будут показаны далее, нам кажется, что текст второго издания все же следует соотносить в первую очередь с “Pluteo 42.1”. В XX в. перевод Веселовского переиздавался не один раз по нецензурированной версии текста 1896 г., однако с несколькими текстовыми неточностями [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 1085–1086; с. 1088–

1091; с. 1109]. Особо отмечается уже упомянутое издание «ГИХЛ» 1955 г.: его экземпляры сегодня довольно просто найти в библиотеках, а многие современные издания печатаются на основе его текста (очевидно, повторяя уже упомянутые неточности и даже купюры) [Боккаччо, 2019, Т. 3 (кн. 2), с. 1108–1109]. Подводя итог, отметим, что существовало – и существует – немало вариантов текста перевода Веселовского, и все они так или иначе передают текст, повторяющий в разных частях другой манускрипт (“Pluteo 42.1”), чем лежащий на основе новейших итальянских изданий оригинала (“Hamilton 90”).

Говоря о переводе Любимова, следует указать, что филологически он ближе к оригиналу, чем перевод Веселовского. Как отметил Н. Томашевский в примечаниях: «Работа над переводом и примечаниями велась по авторитетным итальянским изданиям Боккаччо. Большим подспорьем явились труды видного итальянского литературоведа Витторе Бранка» [Боккаччо, 1970, с. 664]. Также там читаем, что иллюстрации взяты из издания “Sadea / Sansoni” 1966 г. («Редакция благодарит издательство Сансони за любезно предоставленный экземпляр «Декамерона» для работы над данным изданием»); мы полагаем, что именно это издание было учтено при переводе текста оригинала [Боккаччо, 1970, с. 664]. В нем воспроизводится текст, представленный в издании под редакцией Branca, неоднократно публиковавшемся издательством “Le Monnier” в период 1950–1965 гг., текст которого составлен (наш перевод) «[...] на основе около девяноста манускриптов и инкунабул» [Воссассио, 1966, р. XXII]. Известно, что среди этих манускриптов есть и “Hamilton 90”, хотя, как предположил Fiorilla (2010), поскольку в то время манускрипт еще не был приписан личности Боккаччо, он не оказал специального влияния на подготовку текста [Branca, 1991, р. 327; Fiorilla, 2010, р. 11–12].

Приводим здесь некоторые моменты филологического несоответствия между текстами Веселовского и Любимова в 6-й новелле VI дня, являющиеся результатом использования двумя авторами разных итальянских изданий для перевода. В начале новеллы рассказывается, что Michele Scalza и его друзья собрались на Montughi («Монтуги», из латинского *Mons Ugonis*), холме близ Флоренции, так названном в честь семьи Ughi, которая имела там резиденцию [Воссассио, 2014, р. 743; Воссассио, 2013, р. 1005]. В итальянских изданиях «Декамерона» под редакцией / с предисловием Branca и “BUR Rizzoli” 2013 г. читаем *Montughi* [Воссассио, 1966, р. 538; Воссассио, 2014, р. 742; Воссассио, 2013,

р. 1005]; и в переводе Любимова, сделанном, вероятнее всего, по тексту 1966 г. с предисловием Вранса, есть *Монтуги* [Боккаччо, 1970, с. 393]. А в переводе Веселовского читаем «Монт’Уги» [Боккаччо, 1892, с. 18; Боккаччо, 2019, Т. 2, с. 36] и *Монт Уги* [Боккаччо, 1955, с. 376; Боккаччо, 2025, с. 339]. Это не удивительный факт: в издании “Firmin-Didot” 1884 г. читаем как раз *mont’Ughi* [Boccaccio, 1884, Т. 2, р. 17], а в “Le Monnier” 1857 г. – *Mont’Ughi* [Boccaccio, 1857, Т. 2, р. 97]. Обратившись к рукописям, можно увидеть, что в “Pluteo 42.1” топоним написан отдельными словами (в нижнем регистре): *monte ughi*¹, что можно принять за доказательство того, что именно такая форма была нормальна в XIV в. А в Hamilton 90 написано *montughì*, также в нижнем регистре²; более подробную информацию о системе заглавных букв в рукописи “Hamilton 90” см. в: [Branca, 1991, р. 217–218]. Конечно, в “Hamilton 90” выявляются случаи, когда два слова, которые в современном итальянском языке стоит писать разделенными апострофом (или даже отдельно), написаны слитно; ведь “Montughì” является официальным названием этой местности сегодня, и именно оно встречается в современных итальянских изданиях «Декамерона». Остается фактом, что в текстах переводов Веселовского и Любимова представлены несовпадающие варианты топонима.

Еще одно замечание относительно перевода Веселовского. Michele Scalza пытается убедить своих друзей, что самые благородные и древние люди – это род Барончи, не только во Флоренции, но и во всем мире и *Maremma* (речь идет о южном побережье Тосканы, примерно в 150–200 км от Флоренции: юмористическое сопоставление двух столь разных и оксюморонных измерений – целого мира и названия далекой, довольно недоступной в то время земли – говорит о юмористической природе характера Scalza и призвано развлечь читателя). В оригинале соответствующую формулировку можно читать по-разному (курсив наш): в издании “Le Monnier” 1857 г.: “[...] *i più gentili uomini et i più antichi, non che di Firenze, ma di tutto il mondo o di maremma, sono i Baronci*” [Boccaccio, 1857, Т. 2, р. 97]; в издании “Firmin-Didot” 1884 г.: “*I più gentili uomini e i più antichi, non che di Firenze, ma di tutto ’l mondo o di maremma, sono i Baronci*” [Boccaccio, 1884, Т. 2, р. 17]; в издании “Sadea / Sansoni” 1966 г.: “[...] *i più gentili uomini e i più antichi, non che di Firenze, ma di tutto il mondo o di maremma,*

¹ URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493282>

² URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000155>

sono i Baronci [...]» [Vossaccio, 1966, p. 538]; в издании “Einaudi” 2014 г.: “[...] *i più gentili uomini e i più antichi, non che di Firenze ma di tutto il mondo o di Maremma, sono i Baronci [...]»* [Vossaccio, 2014, p. 742]; в издании “BUR Rizzoli” 2013 г.: “[...] *i più gentili uomini e i più antichi, non che di Firenze ma di tutto il mondo o di Maremma, sono i Baronci [...]»* [Vossaccio, 2013, p. 1006]. И в переводе Любимова читаем формулировку (она не буквальная): «Самый славный и самый древний род – не только на всем свете, но даже на всем *побережье* – то род Барончи» [Боккаччо, 1970, с. 393]. В переводе Веселовского формулировка (тоже не буквальная) присутствует в издании «Ладомир / Наука» 2019 г.: «[...] самые благородные и древние не только во Флоренции, но во всем мире и *Приморье* – Барончи» [Боккаччо, 2019, Т. 2, с. 36], а в переиздании «ГИХЛ» 1955 г. она отсутствует: «[...] самые благородные и древние – Барончи» [Боккаччо, 1955, с. 376]. Как уже говорилось, именно это издание оказывается достаточно популярным сегодня, и отсутствие в нем такой значимой шутливой фразы (в оригинале она повторяется дважды – во вступлении к новелле и в заключительной части, что говорит о ее значимой роли в рамках сюжета), кажется нам существенным упущением. Но, скорее всего, исключение этого предложения – результат ошибки при подготовке издания 1896 г. (см. выше), воспроизведенного изданием 1955 г.

Еще одно замечание: в тексте Любимова имя одного из юношей в компании «Декамерона» передается как «Панфило» [Боккаччо, 1970, с. 392; с. 394]. В современном итальянском языке самой обычной формой является именно “Panfilo”, и не случайно в современных итальянских изданиях «Декамерона» используется эта форма [Vossaccio, 1966, p. 537, p. 540; Vossaccio, 2014, p. 741, p. 744; Vossaccio, 2013, p. 1005, p. 1008]. А форма, напрямую относящаяся к греческим именам «Πάμφιλος» и «Πάμφυλος», т.е. “Pamphylo”, должна была использоваться в XIV в., как видно в манускриптах “Pluteo 42.1”¹ и “Hamilton 90”². В переиздании «ГИХЛ» 1955 г. перевода Веселовского читаем «Памфило» [Боккаччо, 1955, с. 376–377]. Хотя эта форма кажется более уместной (именно греческая форма утверждается в современном русском языке), тем не менее остается фактом, что в двух наиболее распространенных текстах русского «Декамерона» – переводе Любимова и переводе

¹ URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493282>

² URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000155>

Веселовского в издании 1955 г. – использованы несовпадающие формы для передачи имени одного из главных героев «Декамерона».

Современные итальянские издания «Декамерона», учитывающие результаты новейших исследований, направленных на составление наиболее близкого к подлиннику текста, затмили издания, на которые ссылались Любимов и, в первую очередь, Веселовский. Представляем несоответствие с современными итальянскими изданиями «Декамерона», выявленное в русских переводах 6-й новеллы VI дня. В новелле упоминается герой по имени *Neri Vannini*. В результате анализа отсканированных страниц авторского манускрипта “Hamilton 90” и расшифровки почерка Боккаччо можно видеть, что автор «Декамерона» написал *vannini*¹; эта форма повторяется в новейших итальянских изданиях «Декамерона», в том числе в “Einaudi” 2014 г. и “BUR Rizzoli” 2013 г. [Voccaccio, 2014, p. 743; Voccaccio, 2013, p. 1006]. Однако, во всех изданиях перевода Веселовского читаем «Нери Моннини» [Боккаччо, 1892, Т. 2, с. 18; Боккаччо, 2019, Т. 2, с. 36; Боккаччо, 1955, с. 377]; в переводе Любимова – «Нери Маннини» [Боккаччо, 1970, с. 393]. Информация о личности *Neri Vannini* недоступна, но несомненно, что именно фамилия *Vannini* (как в оригинале), связанная с личностью святого Иоанна (*San Giovanni*), действительно существует и широко распространена, особенно в регионе Тоскана, что подтверждается исследованием о распространении итальянских фамилий на сайте “Cognomix” (исследование сообщает, что на момент поиска в Италии около 1945 семей носят эту фамилию, из них 1137 в Тоскане². С фамилией *Mannini* (как в переводе Любимова) дело обстоит иначе, она менее распространена чем *Vannini* (в результате поиска обнаружили около 741 семьи с этой фамилией во всей Италии, из которых – 561 в Тоскане³, а фамилия *Monnini* (как в переводе Веселовского) совсем не распространена: ее носят около 22 семей во всей Италии, из которых 18 в Тоскане⁴. В манускрипте “Pluteo 42.1” G. Capponi написал *mannini*⁵, и это повторяется в старых итальянских изданиях, для подготовки которых много внимания было уделено именно этому манускрипту: в “Firmin-Didot” 1884 г. [Voccaccio, 1884, Т. 2, p. 17], в “Le Monnier” 1857 г.

¹ URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000156>

² URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani/VANNINI>

³ URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani/MANNINI>

⁴ URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani/MONNINI>

⁵ URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493282>

[Vocacciao, 1857, T. 2, p. 98], в “Sadea / Sansoni” 1966 г. [Vocacciao, 1966, p. 539]. Как мы уже видели, эти издания лежат в основе переводов Веселовского и, вероятнее всего, Любимова, поэтому не удивляет, что два автора перевели фамилию как «Моннини» и «Маннини» соответственно (если приписка Веселовского могла быть результатом оплошности, то приписка Любимова является точной транскрипцией “Mannini”). Очевидно, наличие в русских переводах другой фамилии, отсутствующей в авторском манускрипте и современных итальянских изданиях, отдаляет переводы от оригинала.

Сказанное до сих пор является основой для объяснения определенных лексических различий между текстами оригинала «Декамерона» и его русскими переводами. Как видно из результатов нашего анализа, существующие русские переводы, выполненные до выхода современных итальянских изданий «Декамерона», содержат некоторые филологические несоответствия с общепринятым восстановленным текстом оригинала, и между собой. Очевидно, при таком издательском изобилии филологически целостный текст «русского Декамерона», даже в виде различных переводов, еще не полностью доступен. И если для читательской аудитории это, возможно, остается неизвестным фактом, то исследователи перевода «Декамерона» на русский язык должны быть с ним знакомы. Понятно, что две часто публикуемые версии, имеющие существенные отличия как с филологической, так и со стилистической точки зрения, могут создать у читателей разные образы оригинала. На наш взгляд, следует продолжить дальнейшее изучение данного вопроса, особенно в отношении перевода Любимова: нам неизвестны какие-либо конкретные филологические исследования его текста. Изучение других новелл с данной точки зрения будет способствовать выявлению дальнейших расхождений, что послужит стимулом для выпуска новых изданий русских переводов, подготовленных с учетом новейших итальянских изданий «Декамерона», возможно, с наличием примечаний, посвященных указанным моментам.

Список литературы

Алексеев М.П. Комментарий к статье А.Н. Веселовского «Художественные и этические задачи “Декамерона”» // Веселовский А.Н. Избранные статьи / под общ. ред. М.П. Алексеева, В.А. Десницкого, В.М. Жирмунского, А.А. Смир-

6-я новелла VI дня «Декамерона» в переводах А.Н. Веселовского и Н.М. Любимова: лингвистические и филологические аспекты

- нова; вступ. статья В.М. Жирмунского; коммент. М.П. Алексеева. – Ленинград : Художественная литература, 1939. – С. 547–553.
- Боккаччо Дж.* Декамерон / переводчик А.Н. Веселовский. – Москва : Юрайт, 2025. – 593 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/565144> (дата обращения: 31.05.2025).
- Боккаччо Дж.* Декамерон / пер. с итальянского Н.М. Любимова; под ред. Н.Б. Томашевского. – Москва : Художественная литература, 1970. – 703 с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон / пер. с итальянского А.Н. Веселовского. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 655 с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон: в трех томах / изд. подгот. М.Л. Андреев, Л.В. Бесмертных; [пер. с итал. А.Н. Веселовского]. – Москва : Ладомир: Наука, 2019. – Т. 1. – 515, [5] с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон: в трех томах / изд. подгот. М.Л. Андреев, Л.В. Бесмертных; [пер. с итал. А.Н. Веселовского]. – Москва : Ладомир: Наука, 2019. – Т. 2. – 434, [6] с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон: в трех томах / изд. подгот. М.Л. Андреев, Л.В. Бесмертных; [пер. с итал. А.Н. Веселовского]. – Москва : Ладомир : Наука, 2019. – Т. 3, кн. 1. – 584 с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон: в трех томах / изд. подгот. М.Л. Андреев, Л.В. Бесмертных; [пер. с итал. А.Н. Веселовского]. – Москва : Ладомир : Наука, 2019. – Т. 3, кн. 2. – 608 с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон / пер. А.Н. Веселовского. – Москва : Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1891. – Т. 1. – 417 с.
- Боккаччо Дж.* Декамерон / пер. А.Н. Веселовского. – Москва : Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1892. – Т. 2. – 336 с.
- Веселовский А.Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1893. – 545 с.
- Berlin, Staatsbibliothek, Decameron: Ms. Ham. 90, 1370. – URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000000> (дата обращения: 31.05.2025).
- Vossaccio G.* Decameron / A cura di Amedeo Quondam, Maurizio Fiorilla e Giancarlo Alfano. – Milano : BUR Rizzoli, 2013. – 1854 p.
- Vossaccio G.* Decameron / Con introduzione di Vittore Branca. – Firenze: Sadea / Sansoni, 1966. – 976 p.
- Vossaccio G.* Decameron / Edizione critica secondo l'autografo hamiltoniano a cura di Vittore Branca. – Firenze : Accademia della Crusca, 1976. – 760 p.
- Vossaccio G.* Il Decamerone di Giovanni Boccaccio / Con spiegazioni tratte dai migliori commentarj. Volume primo. – Parigi: Firmin-Didot, 1884. – Vol. 1. – 426 p.
- Vossaccio G.* Il Decamerone di Giovanni Boccaccio / Con spiegazioni tratte dai migliori commentarj. – Parigi : Firmin-Didot, 1884. – Vol. 2. – 342 p.
- Vossaccio G.* Decameron / A cura di Vittore Branca. – Torino : Einaudi, 2014. – 1362 p. – (Prima edizione “Nuova Universale Einaudi”, 1980).
- Vossaccio G.* Il Decameron di messer Giovanni Boccacci / riscontrato co' migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. – Firenze : Le Monnier, 1857. – Vol. 1. – 389 p.
- Vossaccio G.* Il Decameron di messer Giovanni Boccacci / riscontrato co' migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. – Firenze : Le Monnier, 1857. – Vol. 2. – 459 p.

- Branca V. Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio / Un secondo elenco di manoscritti e studi sul testo del “Decameron” con due appendici. – Roma : Edizioni di storia e letteratura, 1991. – Vol. 2. – 584 p.
- Branca V., Ricci P.G. Un autografo del Decameron. – Padova : C.E.D.A.M., 1962. – 70 p. – (Opuscoli accademici; N 8) (Codice Hamiltoniano; 90).
- Fiorilla M. Per il testo del “Decameron” // L’Ellisse : studi storici di letteratura italiana. – Roma : L’Erma di Bretschneider, 2010. – N 5. – P. 9–38.
- Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Ioannis Boccacii Decameron et Corbaccius, IT:FI0100_Plutei 42.01. – URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493080> (дата обращения: 31.05.2025).
- Mappe dei Cognomi Italiani. – URL: <https://www.cognomix.it> (дата обращения: 31.05.2025).
- Paris, Bibliothèque nationale de France, italien 482. – URL: <https://archivesetmanuscripts.bnf.fr/ark:/12148/cc95572> (дата обращения: 31.05.2025).

References

- Alekseev M.P. *Kommentarii k state A.N. Veselovskovo “Khudozhestvennyye i eticheskie zadachi ‘Dekamera’”* [Commentary on A.N. Veselovsky’s article “Artistic and Ethical Tasks of the “Decameron”]. In: Veselovskii A.N. *Izbrannyye stati* [Selected articles] / rev. ed. Alekseev M.P., Desnitskii V.A., Zhirmunskii V.M., Smirnov A.A. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1939. Pp. 547–553. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron* / transl. by Veselovskii A.N. Moscow: Urait, 2025. 593 p. [Electronic resource] – URL: <https://urait.ru/bcode/565144> (accessed 31.05.2025). (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron* / rev. ed. Tomashevsky N.B.; transl. by Lyubimov N.M. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970. 703 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron* / transl. by Veselovskij A.N. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury, 1955. 655 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: v 3 tomakh* [Decameron: in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir: Nauka, 2019. Vol 1. 520 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: v 3 tomakh* [Decameron: in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir: Nauka, 2019. Vol 2. 440 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: v 3 tomakh* [Decameron: in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir: Nauka, 2019. Vol. 3, Book 1. 584 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: v 3 tomakh* [Decameron: in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir: Nauka, 2019. Vol. 3, Book 2. 608 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: /* transl. by Veselovskii A.N. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i K°, 1891. Vol. 1 417 p. (In Russian)
- Bokkachcho Dzh. *Dekameron: /* transl. by Veselovskii A.N. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i K°, 1892. Vol. 2 336 p. (In Russian)
- Veselovskii A.N. *Bokkachcho, ego sreda i sverstniki* [Boccaccio, his environment and peers]. – Saint Petersburg: *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk* [The Typography of the Imperial Academy of Sciences], 1893. Vol. 1. 545 p. (In Russian)

**6-я новелла VI дня «Декамерона» в переводах А.Н. Веселовского
и Н.М. Любимова: лингвистические и филологические аспекты**

- Decameron*, Ms. Ham. 90, Staatsbibliothek zu Berlin [Electronic resource]. – URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000000> (accessed 31.05.2025).
- Boccaccio G. *Decameron* / A cura di Amedeo Quondam, Maurizio Fiorilla e Giancarlo Alfano. Milano: BUR Rizzoli, 2013. 1854 p.
- Boccaccio G. *Decameron* / Con introduzione di Vittore Branca. Firenze: Sadea / Sansoni, 1966. 976 p.
- Boccaccio G. *Decameron* / Edizione critica secondo l'autografo hamiltoniano a cura di Vittore Branca. Firenze: Accademia della Crusca, 1976. 760 p.
- Boccaccio G. *Il Decamerone di Giovanni Boccaccio* / Con spiegazioni tratte dai migliori commentarj. Parigi: Firmin-Didot, 1884. Vol. 1. 426 p.
- Boccaccio G. *Il Decamerone di Giovanni Boccaccio* / Con spiegazioni tratte dai migliori commentarj. Parigi: Firmin-Didot, 1884. Vol. 2. 342 p.
- Boccaccio G. *Decameron* / A cura di Vittore Branca. Torino: Einaudi, 2014. 1362 p. (1-st ed.: “Nuova Universale Einaudi”, 1980).
- Boccaccio G. *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci* / riscontrato co' migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. Firenze: Le Monnier, 1857. Vol. 1. 389 p.
- Boccaccio G. *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci* / riscontrato co' migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. Volume secondo. Firenze: Le Monnier, 1857. 459 p.
- Branca V. *Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio* / Un secondo elenco di manoscritti e studi sul testo del “Decameron” con due appendici. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1991. 584 p.
- Branca V., Ricci P.G. *Un autografo del Decameron* (Codice Hamiltoniano 90) [Opuscoli accademici, No. 8]. Padova: C.E.D.A.M., 1962. 70 p.
- Fiorilla M. *Per il testo del “Decameron”*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2010. Pp. 9–38. [L'Ellisse: studi storici di letteratura italiana; N 5].
- Ioannis Boccaccii Decameron et Corbaccius, Biblioteca Medicea Laurenziana* [Electronic resource]. – URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493080> (accessed 31.05.2025).
- Mappe dei Cognomi Italiani* [Electronic resource]. – URL: <https://www.cognomix.it> (accessed 31.05.2025).
- Italien 482, Paris, Bibliothèque nationale de France* [Electronic resource]. – URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc95572> (accessed 31.05.2025).

Тарасова О.Д.¹

**ЯВЛЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕДАЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ
И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)**

Аннотация. В данной статье в центре исследования находится явление синестезии с позиции лингвистики. Автор рассматривает русское выражение «слышать запах» и синестетические метафору и сравнение, базирующиеся на совмещении таких модальностей восприятия, как запах и слух. В качестве материала выступает роман П. Зюскинда «Парфюмер» и его переводы на русский и английский языки, в которых анализируются варианты передачи синестетических языковых явлений с немецкого языка. В результате наиболее частотными моделями передачи признаны эквивалентность и переводческие компенсации.

Ключевые слова: синестезия; перевод; роман «Парфюмер»; запах; слух; музыка; синестетическая метафора; стилистические приемы; сравнение.

Для цитирования: Тарасова О.Д. Явление синестезии в художественном произведении и особенности его передачи (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер» и его переводов на русский и английский языки) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 4 – С. 78–92. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.06

¹ © Тарасова О.Д., 2025

Тарасова Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Государственного Университета Просвещения; tarasovaod@mail.ru

Tarasova O.D.*

**THE PHENOMENON OF SYNESTHESIA IN A WORK
OF FICTION AND THE FEATURES OF ITS TRANSMISSION
(BASED ON THE NOVEL BY P. SUSKIND “THE PERFUMER”
AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN AND ENGLISH)**

Abstract. In this article, the research focuses on the phenomenon of synesthesia from the perspective of linguistics. The author examines the Russian expression “slyshat’ zapah” and synesthetic metaphors and similes based on the combination of sensory modalities such as smell and hearing. The materials used are P. Suskind's novel “The Perfumer” and its translations into Russian and English, in which the transmission options of synesthetic linguistic phenomena from German are analyzed. As a result, equivalences and translation compensations are identified as the most frequent transmission models.

Keywords: synesthesia, translation; novel “The Perfumer”; smell; hearing; music; synesthetic metaphor; stylistic techniques; simile.

For citation: Tarasova O.D. The Phenomenon of Synesthesia in a Work of Fiction and the Features of Its Transmission (Based on the Novel by P. Suskind “The Perfumer” and Its Translations Into Russian and English) // *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – P. 78–92. DOI: 10.31249/ling/2025.04.06

Введение

Синестезия (от греч. σύν «вместе» + αἴσθησις «ощущение») как термин психиатрии обозначает явление, при котором при воздействии раздражителя на определенный орган чувств одновременно происходит воздействие на другой, и человек испытывает добавочное ощущение. Таким образом, мы получаем комбинацию из нескольких ощущений, основанную на их схожести. Сама по себе синестезия является врожденным качеством, присущим человеку, но в то же время индивидуальна по степени выраженности.

По мнению Н.П. Коляденко, она, как сложное синкретическое взаимодействие звуковых, визуальных, кинестетических

* Tarasova Olga Dmitrievna – PhD in philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department of State University of Education; tarasovaod@mail.ru

«граней восприятия» мира, свойственна сознанию многих писателей. «Отсутствие цветного слуха в художнике пера и кисти – изъян» (А. Белый) [цит. по Коляденко, 2021, с. 207]. Писатели, опираясь на собственное синестетическое восприятие действительности, вербализуют его в тексте и, таким образом, апеллируют к чувственно-образному восприятию читателя.

Иными словами, синестезию можно определить как «взаимодействие ощущений, относящихся к разным типам модальности, в котором один из компонентов употребляется в переносном значении» [Нугуманова, 2017, с. 91].

В лингвистике данный термин также широко используется для обозначения метафорического переноса ощущений одного вида на другой. Как известно, метафорический перенос представляет собой один из способов мышления, когда происходит переосмысление уже известных нам явлений через субъективное чувственно-образное сравнение [Пивоненкова, 2020, с. 148]. Некоторые ученые считают, что синестетические метафоры имеют универсальный характер, обнаруживаются во всех языках и схожи между собой. Следует отметить, что явление синестезии различных модальностей восприятия происходит в голове индивида, при этом вербализуясь через метафоры. Синестетическую метафору можно представить, как использование слова, связанного с одним органом чувств, в значении, которое относится к другому органу чувств.

Известно, что образование синестетических метафор происходит по особым законам: традиционно, перенос в большинстве случаев происходит «от более низших органов чувств к более дифференцированным» (от запаха и вкуса к слуху и зрению), при этом осязание чаще всего выступает в роли источника, а звук – в роли реципиента (по С. Ульманну)). Замечено, что слух чаще всего описывается через другие ощущения, в то время как тактильные ощущения используются для характеристики других модальностей восприятия [Коваленко, 2017, с. 56].

По мнению некоторых исследователей, обоняние не обладает высокой частотностью среди синестетических метафор в английском языке, что объясняется ограниченным количеством лексем этого пласта и склонностью к номинации запахов через вкусовые ощущения.

Традиционно, в парфюмерном деле принято обращаться к метафоризации запаха через аудиальное восприятие, а именно происходит перенос терминологического аппарата музыки [Валуйцева, Стариченко, 2015, с. 9]: *ноты, аккорды, гармония, солировать,*

слышать / слушать аромат / запах. Действительно, несложно проследить аналогию с музыкой: в парфюмерии аккорд представляет собой несколько нот, которые, теряя собственную индивидуальность, соединяются в один цельный гармоничный аромат, как в музыке при звучании аккорда мы слышим только единый тон, поскольку все ноты находятся между собой в гармонии и сливаются.

Поскольку запах представляет собой абстрактное понятие, сложное для описания и вербализации, то благодаря различным синестетическим стилистическим приемам у автора художественного текста появляется возможность передать свои ощущения более образно, эмоционально, в свойственной только ему индивидуально-авторской манере. Ключевой стилистической фигурой для передачи синестетических явлений традиционно выступает метафора. Некоторые исследователи считают, что языковая синестезия может быть также реализована через сравнение, поскольку в ее основе лежит аналогия между двумя или более модальностями восприятия реальности [Разлогова, Ярошенко, 2022, с. 73]. Это неудивительно, поскольку метафора и сравнение имеют единую когнитивную основу [Блох, Головнева, 2014, с. 334].

Вопросы перевода синестетических стилистических приемов также остаются актуальными. Так, может быть выделено несколько моделей, которые используются для их передачи: 1) полная эквивалентность между оригиналом и переводом; 2) трансформация в рамках той же модальности; 3) трансформация за счет смены модальности; 4) утрата синестезии.

Согласно исследованию П.В. Ярошенко, большой процент синестезии при переводе теряется, что позволяет говорить о сложностях передачи данного явления между языками [Ярошенко, 2020 с. 139]. Зачастую переводчики компенсируют утраты, вводя синестезийные словосочетания или конструкции, отсутствующие в оригинале.

Произведение П. Зюскинда «Парфюмер» отличает авторская идея о человеке, познающим мир большей частью ольфакторно, что делает его особенным. Переживания, жизненный опыт и путь главного героя сопровождают запахи: он выражает себя через них, и поэтому с лингвистической точки зрения этот роман представляет интерес для исследования. В произведении и его переводах на русский и английский языки (Э.В. Венгеровой и Джоном Вудсом соответственно) были обнаружены примеры синестезии по модели «запах + слух» [Зюскинд, 2000; Süskind, 2008; Süskind, 2020].

Выражение «слышать запах» и его эквиваленты
в русском и английском языках

Интересным с точки зрения скрещивания модальностей восприятия и достаточно популярным по частотности употребления в исследуемом тексте является уже упомянутое выражение «слышать запах». Различные переводные словари указывают на то, что у данного словосочетания нет эквивалента ни в английском, ни в немецком языках. В то же время для русского языка само выражение, как и его вариант с глаголом в совершенном виде «услышать запах», относится к числу часто употребляемых, в основном в художественном стиле (по данным НКРЯ).

В переводе на русский язык романа «Парфюмер» было обнаружено 26 примеров использования этого выражения. Самым частотным исходным эквивалентным выступал глагол “*riechen*” (в значении «нюхать») (далее даны оригинальные примеры и их перевод из русскоязычной книги): “*Blut riechen*” – «**слышать запах** крови», “*roch aber nichts als das Sauerkraut*” – «**но услышал только запах** кислой капусты», “*zum ersten Mal Parfums roch*” – **впервые услышал запах** духов. Заметим, что для английского языка эквивалентом перевода в большинстве случаев выступил глагол “*to smell*”. Это вполне объяснимо, так как как немецкий, так и английский глаголы имеют общие значения: они обозначают как действие, производимое человеком относительно объекта (нюхать), так и свойство самого предмета издавать запах (пахнуть): “*Blut riechen*» – ***to smell blood***, «*roch aber nichts als das Sauerkraut*” – “***but could smell nothing except the choucroute***”, “*zum ersten Mal Parfums roch*” – “***first smelled perfume***”. Обращаясь к методу обратного перевода, когда за основу берется русскоязычный перевод романа и происходит поиск эквивалентов в немецком и английских текстах, приходим к выводу, что для выражения «слышать запах» в английском языке в 89% эпизодов эквивалентом является “*to smell*” и его производные, для немецкого языка им выступает “*riechen*” и его производные в 85% случаев. При этом для английского языка вариантом может выступать *perceive*, *perceptible* (11%), для немецкого – *wahrnehmen*, *Wahrnehmbar* (15%) со схожим значением «осознавать посредством чувств», «воспринимать», «воспринимаемый». [Merriam-Webster dictionary, Netzverb]. Также английский вариант перевода предлагает больше полных эквивалентов для немецкого выражения, что подчеркивает большую схожесть между языками. В следующих примерах можно от-

метить эквивалентность англ *perceive* и нем. *wahrnehmen*, которая встречается примерно в 75% случаев: *когда будут слышны только те тяжелые, темные компоненты – wenn nur noch jene schweren, dunklen Komponenten wahrzunehmen sind – when all that is still perceptible are the heavy, dark components; услышав запах корня во второй раз – als er den Wurzelgeruch abermals wahrgenommen habe – as he had once again perceived the odor of roots.*

Для иллюстрации сходства и различия в данном вопросе в трех языках достаточно обратиться к части оригинального предложения на немецком языке из романа и его переводам: *Es ist vielmehr so, daß ich nicht rieche, daß ich rieche, weil ich mich seit meiner Geburt tagaus tagein gerochen habe – It is, rather, that I cannot smell that I smell, because I have smelled myself day in day out since my birth – Дело, наверное, в том, что я не слышу, как я пахну, потому что с самого рождения изо дня в день нюхал себя.* В оригинальном тексте наблюдается трехкратное использование глагола *riechen*, в английском тексте происходит эквивалентный перевод через глагол *to smell* в трех случаях, а в русской версии наблюдается использование трех разных глаголов: *слышать (запах), пахнуть и нюхать.*

Передача синестетических стилистических приемов произведения «Парфюмер» на русский и английский языки

Теперь обратимся к некоторым примерам перевода синестетических стилистических тропов, найденных в оригинальном тексте, а именно метафоры и сравнения:

нем. *Am ehesten war seine Begabung vielleicht der eines musikalischen Wunderkindes vergleichbar, das den Melodien und Harmonien das Alphabet der einzelnen Töne abgelauscht hatte und nun selbst vollkommen neue Melodien und Harmonien komponierte – mit dem Unterschied freilich, daß das Alphabet der Gerüche ungleich größer und differenzierter war als das der Töne <...>*

рус. Пожалуй, точнее всего было бы сравнить его с музыкальным вундеркиндом, который из мелодий и гармоний извлек азбуку отдельных звуков и вот уже сам сочиняет совершенно новые мелодии и гармонии – правда, с той разницей, что алфавит запахов был несравненно больше и дифференцированней, чем звуковой <...>

анг. *Perhaps the closest analogy to his talent is the musical wunderkind, who has heard his way inside melodies and harmonies to the*

alphabet of individual tones and now composes completely new melodies and harmonies all on his own. With the one difference, however, that the alphabet of odors is incomparably larger and more nuanced than that of tones <...>

В оригинальном предложении на немецком языке автор использует прием сравнения, проводя аналогию между музыкой и парфюмерным делом, указывая на сходство главного героя с музыкальным гением. Интересным отрывком в плане перевода предстает *das den Melodien und Harmonien das Alphabet der einzelnen Töne abgelauscht hatte* (кто подслушал / перенял алфавит отдельных тонов мелодий и гармоний – перевод мой – О. Т.), который в русском тексте звучит как *который из мелодий и гармоний извлек азбуку отдельных звуков*, а в английском – *who has heard his way inside melodies and harmonies to the alphabet of individual tones* (кто услышал свой путь в мелодиях и гармониях, в алфавите отдельных звуков – перевод мой – О. Т.).

Во-первых, здесь мы можем заметить более точный перевод с немецкого на английский в отношении «алфавита отдельных звуков»; в русском варианте переводчик использует лексико-семантическую трансформацию «азбука», что является синонимом исходного слова. Возможно, таким образом русский переводчик избегает повтора: далее в строке встречаем «алфавит запахов». Однако, повтор есть в оригинале (*das Alphabet der Gerüche*), и, на наш взгляд, необходимо придерживаться исходного текста, так как повтор может быть сделан автором намеренно, а задача переводчика, в первую очередь, подобрать вариант перевода с максимально близким «планом содержания – как лексическим, так и прагматическим» [Неровная, 2022, с. 101].

В английском тексте повтор слова «алфавит» сохраняется (*the alphabet of odors*), что говорит о более точном переводе. Также значение слова «алфавит» – это не только порядок букв языка, а также перечень всех предметов по заглавным буквам в порядке, принятом в азбуке [Словари и энциклопедии на Академике]. Выражения «алфавит запахов», «алфавит звуков», «азбука звуков» можно назвать метафоричными, так как автор проводит здесь параллель организации музыкальных или ольфакторных знаний в голове талантливого человека с расположением реальных вещей в азбучном порядке. Более того, здесь можно говорить о синестезии по моделям «зрение + запах», «зрение + слух». И что немаловажно, этот авторский прием, синестетическая метафора, во всем объеме передан переводчиками. В целом, образный компонент содер-

жания передан максимально точно в обоих языках, сравнение таланта парфюмера и музыканта сохраняется, и значит, авторский посыл не потерян.

Случай использования синестетического сравнения встречаем в предложении, где автор сопоставляет мелодию игры оркестра и запах через понятие гармонии.

нем. *So erlesen die Qualität der einzelnen Produkte war – denn Baldini kaufte nur allererste Qualität –, so unerträglich war ihr geruchlicher Zusammenklang, gleich einem tausendköpfigen Orchester, in welchem jeder Musiker eine andre Melodie fortissimo spielt.*

рус. Насколько изысканным было качество отдельных товаров – ибо Бальдини покупал товары высшего качества, – настолько же невыносимым был одновременно исторгаемый ими запах, подобный звучанию оркестра, в котором каждый из тысячи музыкантов играет фортиссимо свою собственную мелодию.

анг. *However exquisite the quality of individual items-for Baldini bought wares of only highest quality-the blend of odors was almost unbearable, as if each musician in a thousand-member orchestra were playing a different melody at fortissimo.*

Здесь интересной представляется передача переводчиками выражения *so unerträglich war ihr geruchlicher Zusammenklang* («настолько невыносимой была их обонятельная гармония») – перевод мой – *О. Т.*). Как известно, «гармония» в русском понимании – это «созвучие» в музыкальном смысле, и в более широком – «согласие», «соразмерность», «согласованность в сочетании» [Словари и энциклопедии на Академике]. Немецкое слово *Zusammenklang* имеет значение «одновременное гармоничное звучание нескольких звуков; гармония, согласие с чем-либо» [Netzverb], т.е. может быть использовано и как музыкальный термин, и как общеупотребительное слово. Значит, само сочетание *geruchlicher Zusammenklang* («обонятельная гармония») вполне может быть названо синестезийным. Более того, понятие гармонии вмещает в себя значение «благозвучности и приятности звуков» [Словари и энциклопедии на Академике], и поэтому не может быть невыносимой по определению. Таким образом, мы имеем дело с авторским оксюморонам в этом примере. Говоря о передаче данного выражения на английский и русские языки, можно отметить утрату синестетической метафоры и оксюморона соответственно за счет лексико-семантических преобразований: в русском языке «настолько же невыносимым был одновременно исторгаемый ими запах», в

английском – *the blend of odors was almost unbearable* («смесь запахов была просто невыносимой» – перевод мой. – О. Т.).

Следующий пример использования синестезии по типу «запах + слух» наблюдается в предложении, где автор сравнивает аромат, исходящий от платка, с мелодией.

нем. *Baldini stand fast ehrfürchtig auf und hielt sich das Taschentuch noch einmal unter die Nase. "Wunderbar, wunderbar... «murmelte er und schnüffelte gierig,» es hat einen heiteren Charakter, es ist lieblich, es ist wie eine Melodie, es macht direkt gute Laune...»*.

рус. Бальдини почти благоговейно встал и еще раз поднес к лицу платок. «Чудесно, чудесно... – бормотал он, жадно принохиваясь. – В нем есть веселость, он прелестен, как мелодия, он прямо-таки поднимает настроение...».

анг. *Baldini stood up almost in reverence and held the handkerchief under his nose once again. "Wonderful, wonderful..." he murmured, sniffing greedily. "It has a cheerful character, it's charming, it's like a melody, puts you in a good mood at once..."*.

Согласно словарю DUDEN, *Charakter* может обозначать: 1) индивидуальные черты, унаследованные человеком; 2) человека с ярко выраженными чертами характера или персонажа произведения/фильма; 3) характерную особенность для группы людей или вещей [Duden: Die deutsche Rechtschreibung]. В данном отрывке скорее всего используется третье значение: запах на платке имеет именно веселое свойство – веселость, как характеристика звука, с которым он его соотносит. Однако, если принять во внимание первые значения слова, которые связывают его с живым существом, с человеком, то здесь речь могла бы идти о такой разновидности метафоры, как олицетворение (у него веселый характер). Возможно, именно поэтому для избегания двусмысленности в русском варианте этого слово опущено и происходит передача с помощью слова с абстрактным значением, указывающем на характеристику: *es hat einen heiteren Charakter* – «В нем есть **веселость**». Английский эквивалент перевода можно назвать полным: *It has a cheerful character*.

Что касается синестетического сравнения, заложенного автором текста: проводится аналогия между запахом и мелодией, их положительным влиянием на человека, способностью приободить. Оно передается и в русском, и в английском языках без потерь, с абсолютной эквивалентностью перевода выражения: *es ist lieblich, es ist wie eine Melodie* («он приятный, как мелодия» – пе-

ревод мой – О. Т.). – «он прелестен, как мелодия» – *it's charming, it's like a melody*. Здесь обращает на себя внимание немецкое слово *lieblich* из оригинального текста, поскольку, помимо основного значения «полный грации, очарования; восхитительный», имеет второе: «производящий приятное сенсорное впечатление» [Duden: Die deutsche Rechtschreibung], что несомненно отличает его от эквивалентов в русском и английском языках, имеющих более широкое использование.

В следующем примере наблюдаем использование общеизвестной музыкальной терминологии в парфюмерии.

нем. *Ein Parfum würde er machen nach allen Regeln der Kunst, und der Duft des Mädchens hinter der Mauer sollte die Herznote sein. Als Adjuvantien freilich, als Basis-, Mittel- und Kopfnote, als Spitzengeruch und als Fixateur waren nicht Moschus und Zibet, nicht Rosenöl oder Neroli geeignet, das stand fest.*

рус. Он изготовит духи по всем правилам искусства, и аромат девушки за каменной стеной будет их сердцем. Разумеется, для аранжировки, для опорной, средней и разрешающей ноты, для заострения и фиксации звучания не подходят ни мускус, ни цибетин, ни розовое масло, ни амбра, это ясно.

анг. *He would make a perfume using all the precepts of the art, and the scent of the girl behind the wall would be the very soul of it. As the adjuvants, as bass, tenor, and soprano, as zenith and as fixative, musk and civet, attar of roses or neroli were inappropriate—that was certain.*

Обратимся сначала в первом предложении к слову *Herznote* (нота сердца (при описании состава аромата)) [Мультитран?]. Традиционно большинство духов состоят из верхних, сердечных и базовых нот. Ноту сердца можно почувствовать через несколько часов после того, как верхняя нота рассеется и проявится настоящий характер аромата (сердце). Ее часто называют средней нотой» [Deutsch Wikipedia]. В переводах на английский и русский языки видим следующие способы передачи: «аромат девушки будет их **сердцем**», *the scent of the girl would be the very soul of it* – «аромат девушки станет их душой» (перевод мой. – О. Т.).

Очевидно, в оригинале данная лексема используется скорее в качестве парфюмерного термина, и она сохраняется при переводе на русский язык.

При этом английский эквивалент *soul* в толковых словарях не имеет значений, связанных с парфюмерным делом, с ароматами. В переводных словарях он может иметь значение «сердце»,

что говорит в пользу его метафорического использования в данном контексте (*soul of the scent* – душа аромата), поскольку сближение в русском сознании понятий «сердце» и «душа» происходит в значении «внутренний мир» [Большой толковый словарь под ред. С.А. Кузнецова, 2000]. В терминологии же мы имеем дело с однозначностью значений. Таким образом, можно говорить о привнесении переводчиком приема олицетворения в текст перевода.

Вопросы добавления стилистических средств переводчиками по-прежнему остаются дискуссионными, поскольку несмотря на важность фигуры переводчика, основным создателем должен остаться автор. Однако нельзя отрицать тот факт, что данное переводческое решение сделало это предложение более эмоциональным и эстетическим. Зачастую переводчики не имеют возможности адекватно перевести все стилистические приемы, задуманные автором, и тогда в счет компенсации потерь они добавляют тропы в те предложения, где изначально их не было. Однако мы полагаем, что злоупотреблять приемами замены в переводе не стоит, так как излишняя метафоризация «может привести к переводческим нарушениям и несоответствию коммуникативной интенции автора» [Неровная, 2018, с. 158].

В следующем предложении из данного отрывка наблюдается использование автором видов нот, в переводах которых наблюдаются следующие трансформации: **нем.** *Basis-, Mittel- und Kopfnote* – «базовая, средняя и верхняя нота» (перевод мой. – О. Т.) – **рус.** «опорная, средняя и разрешающая нота» – **англ.** *bass, tenor, and soprano* – «бас, тенор и сопрано» (перевод мой. – О. Т.). Итак, в исходном тексте используется классическое деление нот в парфюмерии. В русском переводе используются выражения «опорная нота» и «разрешающая нота», которые относятся исключительно к музыкальной терминологии. Данные словосочетания традиционно не используются в парфюмерном деле, что делает перевод в этой части предложения более синестетическим. В англоязычной версии также наблюдается обращение к сфере музыки. Однако сам перевод менее точен, так как используемые лексемы обозначают различные певческие голоса, которые отличаются по высоте, где «бас» – самый низкий мужской голос, «сопрано» – самый высокий женский, «тенор» – высокий мужской голос.

Таким образом, можно сделать вывод о большей метафоричности и привнесении синестезии в оба перевода, что отличает их от оригинального произведения.

Еще одним спорным переводческим решением здесь выступает передача термина *Adjuvantien* – «адьювант»: в фармакологии он означает «вспомогательное средство, добавка к лекарству, усиливающая его действие» [Netzverb]. Полным эквивалентом он передан в английском варианте романа: *adjuvants*, что отличает его от русского текста, где переводчик вновь обращается к музыкальной сфере и использует лексико-семантическую трансформацию «аранжировка». Наконец, обратимся к переводу фразы *als Spitzengeruch und als Fixateur* (нем.) – «в качестве верхнего аромата и фиксатора» (перевод мой. – *О. Т.*) – «для **заострения** и **фиксации звучания**» (рус.) – *as zenith and as fixative* (анг.) – «в качестве высшей точки и фиксатора» (перевод мой. – *О. Т.*). Как можно заметить, переводчики не сохранили понятие верхнего аромата, ноты аромата, и перешли просто к обозначению качества, так как значение *Spitz* (части сложного слова *Spitzengeruch*) – это «вершина, заостренный конец, шпиль». Для второго слова *Fixateur*, которое является химическим термином и имеет значение «закрепитель запаха», английский переводчик находит полный эквивалент *fixative*, в то время как русский добавляет еще слово «звучание», таким образом вновь возвращаясь к музыкальной теме. Итак, резюмируя анализ последнего примера, приходим к выводу, что оригинал содержит достаточно много химических и парфюмерных терминов. Русский и английский переводы, различаясь в нюансах, в целом, стремятся к метафоризации, активно проводя параллель с музыкальной областью, привнося в оригинал синестетический компонент.

Заключение

В заключение можно отметить, что явление синестезии, являясь универсальным для всех культур, имеет этноспецифические особенности, которые нельзя не учитывать при межкультурной передаче. В качестве переводческих решений наиболее частыми выступают эквивалентность и компенсация. Важно понимать, что некоторые синестетические стилистические приемы представляют сложность для перевода и не всегда существует возможность найти соответствующие образные эквиваленты в других языках, и тогда происходит утрата синестезии.

Список литературы

- Блох М.Я., Головнева Ю.В. К вопросу о месте метафор в системе языка : (на материале метафор внутреннего мира) // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 4 (2). – С. 333–343.
- Большой толковый словарь / под ред. С.А. Кузнецова. 2000. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovujj-slovar> (дата обращения: 25.04.2025).
- Валуйцева И.И., Стариченко Н.С. Парфюмерный запах как объект синестетической метафоры в Интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 6–11.
- Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 304 с.
- Коваленко С.С. Сравнительный анализ синестетической ольфакторной метафоры в английском и русском языках // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – Вып. 16. – С. 55–59.
- Коляденко Н.П. Синестетическая картина мира в творчестве Андрея Белого // Синестезия: межсенсорные аспекты познавательной деятельности в науке и искусстве : Материалы 2-й Международной конференции Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки (IASAS), Москва, 17–20 октября 2019 года / отв. редактор А.В. Сидоров-Дорсо. – Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2021. – С. 207–210.
- Мультитран. – URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 25.02.2025).
- Неровная М.А. Особенности репрезентации исламской религиозной лексики в англоязычном художественном тексте и ее перевод на русский язык (на материале романов Халеда Хоссейни) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. – 2018. – № 3. – С. 151–160.
- Неровная М.А. Реалии афганского глоттонического дискурса в переводе на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3–1. – С. 91–103.
- Нугуманова А.А. Сенсорная лексика как источник образования синестетических метафор // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 90–92.
- Пивоненкова Т.Б. Концептуальная глоттоническая метафора в английском языке, выраженная фразовым глаголом // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2020 года. – Москва : Московский государственный областной университет, 2020. – С. 147–153.
- Разлозова Е.Э., Ярошенко П.В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 77. – С. 66–84.
- Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 28.04.2025).
- Ярошенко П.В. Синестезия в художественном тексте и модели ее перевода: (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2020. – № 3. – С. 135–143.

Явление синестезии в художественном произведении и особенности его передачи

- Deutsch Wikipedia. – URL: <https://de-academic.com/contents.nsf/dewiki/> (дата обращения: 28.04.2025).
- Duden: *Die deutsche Rechtschreibung*. – URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 15.04.2025).
- Merriam-Webster dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 20.04.2025).
- Netzverb. – URL: <https://www.woerter.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).
- Süskind P. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. – Zürich : Diogenes, 2008. – 320 p.
- Süskind P. *Perfume. The Story of a Murderer*. – London : Penguin, 2020. – 296 p.
- Zyuskind P. *Parfumer. Istoriya odnogo ubijcy* [Perfumer. The Story of a Murderer]. – Saint Petersburg : Azbuka, 2000. – 304 p. (In Russian)

References

- Bloh M.YA., Golovneva YU.V. *K voprosu o meste metafor v sisteme yazyka: (na materialie metafor vnutrennego mira)* [On the position of metaphors in the system of language: Based on the material of inner metaphors]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century]. 2014. – N 4–2. Pp. 333–343. (In Russian)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' / pod red. S.A. Kuznecova* [Large explanatory dictionary / ed. by S.A. Kuznetsov]. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed 25.04.2025). (In Russian)
- Valujceva I.I., Starichenko N.S. *Parfjumernyj zapah kak objekt sinesteticheskoj metafory v Internet-prostranstve* [Perfume as a subject of synaesthetic metaphor in the internet]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2015. N 1. Pp. 6–11. (In Russian)
- Kovalenko S.S. *Sravnitel'nyj analiz sinesteticheskoj ol'faktornoj metafory v anglijskom i russkom yazykah* [Comparative analysis of synesthetic olfactory metaphor in English and Russian]. In: *Inostrannye yazyki v ekonomicheskikh vuzah Rossii: Vserossijskij nauchno-informacionnyj al'manah. Vypusk 16*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2017. Iss. 16. Pp. 55–59. (In Russian)
- Kolyadenko N.P. *Sinesteticheskaya kartina mira v tvorcestve Andreya Belogo* [Synaesthetic picture of the world in the works of Andrei Bely]. In: *Sinesteziya: mezhsensornye aspekty poznavatel'noj deyatel'nosti v nauke i iskusstve: Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj konferencii Mezhdunarodnoj associacii sinestetov, deyatelej iskusstva i nauki (IASAS), Moscow, 17–20 oktyabrya 2019 goda* / Otv. redaktor A.V. Sidorov-Dorso [Synesthesia: intersensory aspects of cognitive activity in science and arts: Papers of 2nd International Conference of International association of synesthesia in arts and science (IASAS), Moscow, 17–20 October 2019 / chief ed. A.V. Sidorov-Dorso]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj psihologopedagogicheskij universitet, 2021. Pp. 207–210. (In Russian)
- Mul'titran [Multitran] – URL: <https://www.multitran.com> (accessed 25.04.2025). (In Russian)
- Nerovnaya M.A. *Osobennosti reprezentacii islamskoj religioznoj leksiki v angloyazychnom hudozhestvennom tekste i eyo perevod na russkij yazyk: (na materi-*

- ale romanov Haleda Hossejmi*] [Characteristics of islamic religious vocabulary in the English literary text and its Russian translation: (study of KH. Hosseini's novels)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2018. N 3. Pp. 151–160. (In Russian)
- Nerovnaya M.A. *Realii afganskogo glyuttonicheskogo diskursa v perevode na russkij yazyk* [Afghan gluttonic discourse: the specific features of translation into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2022. N 3–1. Pp. 91–103. (In Russian)
- Nugumanova A.A. *Sensornaya leksika kak istochnik obrazovaniya sinesteticheskikh metafor* [Sensory vocabulary as a source of synesthetic metaphors formation]. In: *Uspekhi sovremennoj nauki* [Achievements of contemporary science]. 2017. T. 2, N 2. Pp. 90–92. (In Russian)
- Pivonenkova T.B. *Conceptual'naya glyuttonicheskaya metafora v anglijskom yazyke, vyrazhennaya frazovym glagolom* [Conceptual gluttonic metaphor in the English language expressed by a phrasal verb]. In: *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moscow, 24 aprelya 2020 goda* [Actual aspects variantology, communication and cognitive studies: Papers of Internatinal scientific and practical conference, Moscow, 24 April, 2020]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2020. Pp. 147–153. (In Russian)
- Razlogova E.E., Yaroshenko P.V. *Yazykovaya sinesteziya skvoz' prizmu stilisticheskikh figur* [Linguistic synaesthesia through the prism of stylistic devices]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Vestnik of Tomsk State University]. 2022. N 77. Pp. 66–84. (In Russian)
- Slovari i enciklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academic]. – URL: <https://academic.ru/> (accessed 28.04.2025). (In Russian)
- Süskind P. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes, 2008. 320 p. (In German)
- Süskind P. *Perfume. The Story of a Murderer*. London: Penguin, 2020. 296 p.
- Yaroshenko P.V. *Sinesteziya v hudozhestvennom tekste i modeli ee perevoda: (na primere stihotvoreniya A. Rembo)* [Synaesthesia in literary text and its translation patterns: the case of a poem by A. Rimbaud] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Vestnik of Moscow State University. Ser. 9: Philology]. 2020. N 3. Pp. 135–143. (In Russian)
- Deutsch Wikipedia*. – URL: <https://de-academic.com/contents.nsf/dewiki/> (accessed 28.04.2025). (In German)
- Duden. Die deutsche Rechtschreibung*. – URL: <https://www.duden.de> (accessed 15.04.2025). (In German)
- Merriam-Webster dictionary*. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 20.04.2025).
- Netzverb*. – URL: <https://www.woerter.ru/> (accessed 20.04.2025). (In German)

Захарова М.А.¹

ЯЗЫКОВЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КНИЖНЫХ САЙТОВ

Аннотация. В работе изучаются лингво-прагматические особенности веб-сайтов на примере сайтов английских книжных магазинов. Материалом исследования послужили англоязычные книжные сайты Waterstones, UK Bookshop, WHSmith, Blackwell, Hatchards. В ходе исследования использовались следующие методы: интерпретационный и контекстуальный анализ, систематизация, классификация и типологизация. Целью исследования было проанализировать структуру книжных веб-сайтов, охарактеризовать их языковые свойства, а также используемые на этих сайтах прагматические средства воздействия на адресата. Были выполнены следующие задачи: описать структуру книжных веб-сайтов; выявить типологические свойства книжных веб-сайтов; систематизировать и классифицировать их языковые характеристики; охарактеризовать прагматические свойства книжных веб-сайтов. Книжные веб-сайты представлены как неотъемлемая часть виртуальной коммуникации, обладающая всеми ее характерными чертами и типологическими свойствами. Поскольку данные сайты являются корпоративными и несут определенную функциональную нагрузку, особое внимание уделяется их стандартной структуре, профессиональной специфике языка и контента, а также прагматической составляющей.

¹ © Захарова М.А., 2025

Захарова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области информационных наук. Институт информационных наук. Московский государственный лингвистический университет; anmar70@yandex.ru

Ключевые слова: интернет-коммуникация; веб-сайт; гипертекст; прагматическая установка; цифровой дискурс; цифровой жанр.

Для цитирования: Захарова М.А. Языковые и прагматические особенности англоязычных книжных сайтов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 93–110. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.07

Zakharova M.A.*

LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH BOOKSELLERS' SITES

Abstract. The paper studies linguistic and pragmatic features of websites using the example of English booksellers' sites. The material for the study was the English-language book websites of Waterstones, UK Bookshop, WHSmith, Blackwell, Hatchards. The following methods were used in the study: interpretative and contextual analysis, systematization, classification and typology. The aim of the study was to analyze the structure of book websites, characterize their linguistic properties, as well as the pragmatic means of influencing the addressee used on these sites. The following tasks were completed: to describe the structure of book websites; to identify the typological properties of book websites; to systematize and classify their linguistic characteristics; to characterize the pragmatic properties of book websites. Book websites are presented as an integral part of virtual communication, possessing all its characteristics and typological properties. Since these sites are corporate and carry a certain functional load, great attention is paid to their standard structure, professional specifics of their language and content, as well as their pragmatic constituencies.

Keywords: virtual communication; a website; a hypertext; pragmatic setting; cyber discourse; digital genre.

For citation: Zakharova M.A. Linguistic and Pragmatic Features of English Bookstore and Publishing Sites // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social

* © Zakharova Marina Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication Applied in Information Sciences. Institute of Information Sciences. Moscow State Linguistic University; anmar70@yandex.ru

Введение

Научные изыскания последних лет представляют язык не только как средство коммуникации и передачи информации, но и как мощный инструмент воздействия. Такого рода комплексность формирует новые формы текстовой организации и коммуникативного взаимодействия. Особенно интересной формой виртуального общения являются веб-сайты, свойства которых изучены не в полной мере, что определяет **актуальность данного** исследования. **Целью исследования** было проанализировать структуру книжных веб-сайтов, охарактеризовать их языковые свойства, а также используемые на этих сайтах прагматические средства воздействия на адресата.

Даная цель предполагает решение следующих **задач**:

- описать структуру книжных веб-сайтов;
- выявить типологические свойства книжных веб-сайтов;
- систематизировать и классифицировать их языковые характеристики;
- охарактеризовать прагматические свойства книжных веб-сайтов.

Предметом данного исследования являются лингвистические и прагматические характеристики виртуального дискурса на примере англоязычных книжных веб-сайтов, ранее не рассматривавшихся в качестве **объекта** исследования.

Материалом исследования в рамках данной статьи послужили англоязычные книжные сайты Waterstones, UK Bookshop, WHSmith, Blackwell, Hatchards. В ходе исследования использовались следующие **методы**: интерпретационный и контекстуальный анализ, систематизация, классификация и типологизация.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации характеристик современного интернет-дискурса выявлены и систематизированы посредством книжных веб-сайтов.

Типологические свойства книжных веб-сайтов как средств виртуальной коммуникации

Книжные веб-сайты имеют ряд характерных особенностей, свойственных виртуальному общению в целом. Например, специ-

фика виртуального общения стирает границы между письменной и устной речью. Хотя для общения используется письменная форма, характер интерактивной коммуникации в сети приближен к ее устной разновидности. Иными словами, электронная коммуникация совмещает в себе черты устной и письменной речи, что можно наблюдать на примере цифрового дискурса книжных веб-сайтов.

С одной стороны, графический, а не звуковой тип кодирования и относительная упорядоченность форм организации высказывания роднит ее с письменной формой речи. С другой стороны, спонтанность, отсутствие паралингвистических признаков, эллипсис или перестановка компонентов, нарушение правил грамматики и синтаксиса позволяют отнести ее к устной речи. Таким образом, цифровой дискурс книжных веб-сайтов обладает всеми свойствами устной коммуникации, но функционирует в письменной форме.

Особо следует отметить его гибридные структурные и лексико-стилистические свойства. Ощущение прямого общения в реальном времени насыщает цифровой дискурс книжных сайтов разговорными элементами, вносит в стиль высказываний непосредственность и спонтанность.

Книжные веб-сайты проявляют все типологические черты виртуальной коммуникации, к которым, по мнению исследователей, можно отнести следующее:

- глобальность, т.е. неограниченность во времени и пространстве (асинхронность и отсутствие географических границ);
- свобода выражения, обусловленная относительной анонимностью (выбор ника или псевдонима, отсутствие аффилиации/авторской привязки текста);
- добровольность и желательность коммуникации;
- неформальность, снятие условностей и ограничений;
- демократичность, поскольку виртуальные личности обладают статусным равноправием (не зависят от уровня образования, дохода и занимаемой должности);
- возможность обмена разными видами информации (текст, видео, аудио, анимация, аватары и т.п.);
- коммуникация на нескольких языках одновременно;
- типизированные компенсаторные способы выражения эмоций и чувств (эмодзи, эмодзи);
- неограниченность выбора языковых средств (смесь стилей и жанров);
- использование специальных коммуникативных кодов (компьютерный жаргон) [Горошко, 2012, с. 13–15].

М.В. Белолобская относит к общим требованиям по структуре сайта следующее: 1) оформление сайта должно быть достаточно простым, понятным и читаемым; 2) вся информация должна быть логически структурирована; 3) должны быть представлены окна для обратной связи; 4) версия сайта должна быть адаптивна как для ПК, так и для телефонов; 5) размещение всех материалов должно соответствовать закону о персональных данных [Белолобская, 2021, с. 214].

Ещё одной отличительной чертой текстов цифровой коммуникации на веб-сайтах является креолизованность. В цифровом дискурсе книжных веб-сайтов также переплетены различные виды информации: текстовая, аудио- и визуальная. Данный креолизованный дискурс многокомпонентен и объединяет вербальные (текст, надпись, подпись) и невербальные элементы (фото, аудио, графика, видео, таблицы и т.п.).

Немаловажным является также оформление сайта. Веб-дизайн является одним из важнейших аспектов создания сайта, который влияет на эффективность и удобство его использования. При создании веб-сайта необходимо также учитывать культурные различия и предпочтения пользователей. [Першин, Козлов, 2023, с. 12]. При отсутствии каких-либо творческих элементов основой дизайна служат цветовые схемы. Ключевыми являются монохромная, комплементарная, аналоговая, аналогово-комплементарная, триада, раздельно-комплементарная, тетрада [Леонов, 2024, с. 22].

Следует отметить, что взаимодействие между вербальными и невербальными элементами анализируемого цифрового дискурса разнится от взаимозависимости до полной автономности. Например, графический элемент может быть частью гипертекста, в результате изображение может терять значение без сопроводительного текста. Либо, наоборот, невербальный элемент никак не связан с текстом, а иногда выполняет контрастивную функцию, в том числе для создания комического эффекта.

Иными словами, к лингвистическим особенностям дискурса на веб-сайте относятся смешение буквенных и цифровых знаков, элементов письменной и устной речи, графических символов и интерактивных элементов. Вместе с тем, цифровой дискурс использует различные приемы экстралингвистического воздействия: эмотивные элементы, художественное и цветовое оформление, экспрессивно-эмоционально-оценочная лексика.

К вышеперечисленным свойствам следует добавить тот факт, что интернет-пространство интернационально, а преимуще-

ственным языком общения выступает английский. Англоязычную интернет-коммуникацию отличает, в свою очередь, креативность, краткость и четкость. Вместе с тем, киберязык формировался и кодифицировался согласно общим языковым закономерностям; и лексический состав англоязычной электронной коммуникации образует отдельную подсистему. К специфическим особенностям английской интернет-коммуникации относят:

- обилие неологизмов, фразеологизмов, эмоционально окрашенных слов;
- использование повелительного наклонения (forget about Mac);
- активное словообразование (noun>>verb, например “just google it!”);
- наличие аббревиатур (BTV>>by the way), акронимов (AFAIK>>as far as I know), апокопов с усечением финальной части слов (sync>>synchronise);
- употребление цифр вместо букв (b4>>before);
- опущение гласных (thx>>thanks);
- омофоничность (употребление гласных вместо слов (u>>you)).

Среди других языковых особенностей англоязычной интернет-коммуникации следует отметить нестандартное использование шрифтов, орфографии, знаков препинания, либо их комбинирование. Часто также встречаются неалфавитные символы, так называемое «фонетическое» написание слов (wassup>>what’s up). Нередко лексема заменяется картинкой или смайликом.

Иными словами, язык интернет-общения формируется в условиях новой коммуникативной среды. Особый интерес в этой связи вызывает функционирование веб-сайта как одного из самых распространенных способов компьютерно-опосредованной коммуникации. Необычайная скорость развития электронной коммерции превратила веб-сайт компании в типичную форму виртуального позиционирования на рынке и основной канал общения со своими клиентами.

Языковые особенности книжных веб-сайтов

С лингвистической точки зрения веб-сайты (в том числе книжные) относят к форматам электронной связи, выраженной особой технологической организацией информационного и коммуникативного контента [Усачева, 2009, С. 58–60]. Медиальная

коммуникативная среда, в которой формируется контент книжного веб-сайта, обладает рядом отличительных признаков, среди которых:

- опосредованность коммуникации компьютерными технологиями;
- специфика канала связи (электронный, аудиовизуальный, экранный);
- гипертекстовая структура;
- возможность отложенного во времени контакта;
- замена личностного контакта визуально-текстовым.

Специфика книжного веб-сайта как формата веб-общения заключается в его многоуровневой поликодовой структуре, что позволяет рассматривать его в качестве отдельного дигитального (цифрового) жанра. Веб-сайт обладает всеми свойствами информационного объекта: быстро распространяется, легко копируется и изменяется. Число просмотров веб-страниц практически неограниченно. Веб-страницу можно хранить на любом носителе. Если разработчику понадобилось внести корректировки, это достаточно просто сделать. Непостоянство сайтов, однако, причиняет некоторые неудобства пользователям: посетив сайт один раз, нельзя быть уверенным в сохранности и идентичности информации при следующем обращении к нему [Атабекова, 2003].

Вместе с тем, интерактивный контент книжного веб-сайта весьма разноплановый. Гипертекст как особая, нелинейная форма представления содержания веб-сайта входит в сферу интересов как лингвистов, так и специалистов в области информационных и компьютерных систем. Веб-сайт не является традиционной текстовой формой коммуникации, а лишь структурой для организации содержания, что противопоставляет его любому речевому жанру как устойчивому типу текста, обладающего определенной композицией, стилистическими характеристиками и коммуникативной установкой [Ильина, 2009, с. 10–12]. Гипертекстовая организация формируется в системе прямых гиперссылок, а элементы поликодности задействованы посредством узнаваемых всеми пользователями Интернета пиктограмм (которые для данного языкового сообщества выступают одновременно и как прецедентные феномены, т.е. как сигналы интердискурсивности) [Радбиль, Помазов, 2024, с. 286].

Книжный веб-сайт как формат цифрового дискурса объединяет ситуации использования Интернета в разных жанрах и, следовательно, должен восприниматься и изучаться как комплексная

жанровая структура, объединяющая в себе поисковую систему, веб-страницы (веб-портал), форум, чаты и пр.

В связи с этим при лингвистическом анализе книжного веб-сайта в центре внимания находится гипертекст, под которым понимается мультимедийная форма подачи информации, особо структурированная и включающая разветвленную систему программно поддерживаемых внутри- и межтекстовых переходов (т.е. гиперссылок). Они позволяют пользователям связывать информационные единицы (т.е. гипотексты), а также интерактивно воздействовать на последовательность воспроизведения композиционных единиц.

Типичная гипертекстовая структура книжных веб-сайтов включает три основных элемента, а именно: гипотексты, системы связей и навигацию. Хорошо структурированный гипертекст – главный фактор успешного функционирования любого веб-сайта, он также создает благоприятные условия для комбинирования различных форматов общения. Весьма типичным для веб-сайтов (в том числе книжных) считается инкорпорирование таких элементов, как форум, чат, рекламный ролик, электронная переписка, электронный банкинг и т.д. Удобство переключения с одного формата коммуникации на другой обеспечивается интерактивными ссылками, благодаря чему создается единая гипертекстовая полиформатная среда [Усачева, 2009, с. 56–57].

По характеру представления информации, объему и типу решаемых задач книжные сайты относятся к категории корпоративных веб-сайтов и имеют стандартную для данной группы сайтов структуру, представленную набором информации, объединенной под одним электронным адресом и размещаемой каждым издательским домом или книжным магазином в сети Интернет.

Как любой корпоративный сайт, книжные веб-сайты являются открытыми (open source), свободно доступными любому пользователю сети. Как и все корпоративные сайты, они содержат исчерпывающую информацию о компании: ее миссии, истории создания и владельца, основных характеристиках продуктов и услуг, ценовой политике, формах отчетности, а также связанных с деятельностью компании событиях.

Кроме того, подобно другим корпоративным веб-сайтам они выполняют четко прослеживаемую прагматическую функцию и соответственно, обладают типологическими характеристиками промосайтов: размещают рекламные материалы, сообщают о преимуществах своей продукции перед конкурентами, уведомляют

посетителей о промоакциях и специальных предложениях, необходимых для привлечения инвестиций содержат базы данных о доходности.

В нашей работе книжные сайты рассматриваются как вид цифрового многоформатного комплексного дискурса, в основе которого лежит гипертекстовая структура как особый тип организации информационно-коммуникативного контента. Ключевыми характеристиками такого дискурса являются поликодовость (полифоничность), мультимедийность, интерактивность.

В целом цифровой дискурс включает два вида текстов:

- 1) электронные версии печатных текстов;
- 2) оригинальные электронные тексты, предназначенные для функционирования в цифровой среде и обладающие всеми присутствующими в данной среде функциями (графические элементы, цвет, интерактив).

Последние также распадаются на две категории. Есть тексты, которые создаются в режиме реального времени (например, чат-ботами), либо тексты, сами генерирующие веб-страницы. Они стабильны и выполняют разные прагматические функции (например, контекстная реклама).

Данному типу цифрового дискурса свойственна большая жанровая разноплановость, поскольку книжные веб-сайты включают элементы с разной долей функционально-стилистической принадлежности, начиная с делового (канцелярского) стиля отчетов, прайслистов и баз данных, публицистического (рекламного подстиля) в промоакциях и описаниях событий, научного (научно-популярного подстиля) в библиографических описаниях книжных новинок и заканчивая разговорным стилем, столь характерным для чатов и форумов. Книжный веб-сайт инкорпорирует разные медиaproдукты: рекламу, информационно-новостные блоки, промороллики, видеогалереи и т.п.

Как любой полимодальный дискурс, книжный веб-сайт выполняет не только информативную функцию, а предполагает возможность двустороннего обмена в форматах интерактивного общения посредством электронной почты, интернет-банкинга, чатов, виртуальных сообществ и т.п. На них выводят соответствующие гиперссылки, зачастую осложненные внешними ссылками на другие форматы, необязательно созданные тем же агентом. Наиболее распространены такие разновидности линков, как баннер, логотип, QR-код, адрес электронной почты.

Переход к форматам интерактивного общения или онлайн-сервисам на книжных веб-сайтах может выполняться различными способами, а именно:

1) рубрика композиционного меню; 2) лента в боковой панели главной вебстраницы сайта (home page); 3) единичные ссылки; 4) интерактивное окошко; 5) баннеры; 6) интерактивные кнопки программного интерфейса; 7) электронный адрес; 8) логотип; 9) иконка; 10) QR-код.

Лингвистические особенности корпоративных веб-сайтов, к которым относятся книжные, зависят от множества факторов, а именно:

- вид используемых компьютерных технологий (ноутбук, смартфон, планшет, интранет);
- коммуникативные потребности пользователей (дидактические, образовательные, развлекательные, коммерческие, познавательные). Например, сайты магазинов учебной литературы, для геймеров, букинистические);
- социолингвистических маркеров пользователей / создателей веб-сайтов (гендерная и этническая принадлежность, религиозные и политические убеждения, статус и положение в обществе, характер занятости увлечения). Например, сайты книжных магазинов, предлагающие книжную продукцию для детей или национальных / гендерных меньшинств.

В фокусе настоящего исследования находится интернет-дискурс, осуществляемый посредством книжных веб-сайтов, представленный в разных его ипостасях: текст, контекст, гипертекст, так как любой интернет-дискурс – это продукт, обладающий многоуровневой структурой. На первом уровне мы сталкиваемся с текстом, созданным одним или группой авторов (разработчиков сайта). Он включает множество составляющих: от словосочетаний до сложных сверхфразовых единств. Далее мы переходим на уровень контекста, т.е. ситуации создания текста и его существования. На высшем уровне мы получаем гипертекст с многообразной ветвистой структурой, поскольку при попадании в интернет отдельные тексты (гипотексты) включаются в систему поиска через взаимосвязи, становясь, таким образом, частью сложной структуры (гипертекста), снабжаются гиперссылками, ключевыми словами, терминами, элементами аудио и видео.

Гипертекст книжного сайта интерактивен и создает новые возможности по взаимодействию пользователя с ним. Действия, совершаемые пользователями сайта с текстом, придают ему новые

качества. Например, он становится ключевым текстом главной страницы веб-сайта, либо разъясняющим, дополнительным или второстепенным, открываемым по мере необходимости. Доступ к тексту также становится ограниченным и зависит от системы поиска и навигации, гиперссылок, других характеристик веб-сайта. На книжных сайтах главным текстом будет презентация магазина на домашней странице, дополнительными текстами будут сопроводительные тексты библиографических описаний печатной и иной продукции, сведения об авторах, отзывы и комментарии пользователей.

Веб-страница сайта книжного магазина образуется средствами языка, несущими особую функциональную нагрузку. Так, пользователь сразу попадает на главную страницу сайта, на которой он при помощи системы навигации, карты сайта, боковых панелей, прокрутки и гиперссылок получает необходимую ему информацию и / или выполняет серию действий, ради которых он посетил сайт (ознакомление с содержимым и приобретение книжной продукции, написание отзывов о книгах и рекомендаций для других читателей).

На веб-странице книжного веб-сайта сосуществуют и взаимодействуют все виды текстов с разной коммуникативной и прагматической направленностью. Структура веб-страниц книжных сайтов включает следующие стандартные элементы:

- 1) навигационные / индексные (гиперссылки);
- 2) коммуникативные, обеспечивающие связь текстов с другими на данном сайте или на иных сайтах (заголовки, банеры);
- 3) информативные, сообщающие о магазине и продукции (презентации и описания);
- 4) сопроводительные (отзывы, комментарии, рецензии, обратная связь).

Данные элементы присутствуют в структуре всех без исключения рассмотренных книжных сайтов, отличающихся, безусловно, по оформлению. Вместе с тем, гипертекстовая среда книжного веб-сайта должна соответствовать определенным общим требованиям, предъявляемым к коммерческим сайтам: формировать положительный настрой клиента; давать возможность обратной связи; предоставлять исчерпывающую и разностороннюю информацию о магазине.

Веб-сайт книжного магазина представляет собой своеобразный интернет-продукт из-за особой технологии создания и применения технологических средств. Главной составляющей книжного

сайта является гипертекст с уникальными свойствами функционирования. Подобно всем корпоративным коммерческим сайтам сайт книжного магазина включает базу данных, инструменты для управления информацией и ее размещения на сайте. Объем информации на сайтах книжных магазинов стандартно достигает нескольких десятков взаимосвязанных единиц.

Как уже отмечалось выше, тексты на книжном сайте далеко не единственная составляющая в его структуре. Помимо них в состав книжного сайта входят разнообразные графические объекты, например художественно оформленные книжные обложки, а также символы, заголовки, логотипы страниц, использующие разные техники, шрифты и цвета. В совокупности все эти элементы книжного веб-сайта формируют уникальное гипертекстовое киберпространство, что дает нам возможность говорить об особом формате хранения данных с возможностью их преобразования в другие мультимедийные форматы, снабженные механизмом гиперссылок.

Веб-страницы книжных сайтов обладают гибкой структурой многожанровых гипотекстов, соединенных узлами перехода между собой, что создает удобство обращения к ним, избирательности содержания и непоследовательного чтения. Гипертекст веб-сайта книжного магазина допускает многообразные изменения и различие интерпретаций. Гиперссылки веб-страниц книжного сайта структурируют информацию отдельными фрагментами, имеющими двоякую сущность: они взаимосвязаны, но могут восприниматься и как относительно независимые сверхфразовые единства.

Рассмотрим стандартную композицию книжного сайта. Главная страница представляет собой презентацию с набором ссылок, расположенных по степени значимости, направляющих посетителей на другие страницы данного книжного сайта. Наполнением ссылок будет разнообразная печатная и иная продукция, тексты аннотация, рецензий, реакции посетителей сайта.

Количество и наполнение ссылок может различаться в зависимости от профессиональной направленности магазина, целевой аудитории, креативности создателей сайта и фантазии владельцев книжного магазина. Также на книжном сайте есть ссылки на похожие издания, другие магазины или связанные сервисы (упаковка, доставка, оплата).

По сравнению с другими коммерческими веб-сайтами, страницы книжных веб-сайтов имеют гораздо меньше включенных элементов в виде рекламы, аудио- и видеофайлов, анимации и

графики, поскольку они отвлекают от информативной функции, имеющей преобладающее значение для пользователей.

Гипертекстовое пространство книжного сайта представляет собой информационное поле, где пользователь может выполнять нужные ему действия, управляя и воздействуя как на это пространство, так и на других пользователей. Можно удалять или менять графику и другие интерактивные элементы, изучать отдельные текстовые фрагменты, контактировать, пользоваться сервисами.

Интернет вообще активизирует поведение пользователей. В частности, дает возможность посетителям управлять разнообразием информации, предоставляемой книжным сайтом, и даже привлекать пользователей к созданию контента, поскольку реакция и комментарии, несомненно, будут учтены владельцами при корректировке книжного сайта.

Гипертекстовое пространство книжного сайта содержит несколько взаимосвязанных частей:

1) презентационную (содержит фактологическую информацию, которая вместе с тем носит оценочный характер с целью создать положительный опыт взаимодействия с сайтом);

2) описательно-информативную (рассказывает об особенностях книжного магазина, формирует отношение к предлагаемой печатной и иной продукции, стимулирует желание приобрести товар);

3) информативно-интерактивную (предлагает инструкции по возможностям использования ресурсов сайта).

Презентационная часть книжного веб-сайта включает в себя логотип и название книжного сайта, навигационную панель с гиперссылками на историю магазина, схемой проезда, контактами, способами оплаты. Иногда предлагается фотоколлаж с обзором книжного магазина изнутри. Презентационная часть содержит как вербальные, так и невербальные компоненты (графику), своеобразные цветовые решения. Само название книжного магазина на сайте также может выполнять разные функции: как чисто номинативную, так и прагматическую (призывает посетить магазин).

Описательно-информативная часть книжного сайта предлагает ассортимент печатной и другой продукции, с подробным описанием его свойств и преимуществ, например, для книги это будет аннотация, фото обложки, сведения об авторе, рецензия, отзывы читателей. Эта часть содержит так называемые информационные окна, выделенные графически, со своими заголовками.

Наполнение описательно-информативной части книжного сайта особенно интересно с лексической точки зрения. Например, проявляется основной признак информативных текстов – обилие глагольных сочетаний. Также используются устойчивые словосочетания и метафоры. Особо следует отметить обороты, создающие иллюзию прямого обращения к потенциальному читателю.

Информативно-интерактивная часть книжного сайта содержит кнопки обратной связи, отзывы в социальных сетях, информацию о благотворительной деятельности. Эта часть призвана стимулировать посетителей сайта к определенным действиям, отклику, отзывам.

Прагматические свойства книжных веб-сайтов

Цифровая витрина современного интернет-магазина, подобно своему физическому аналогу, является ключевым фактором в привлечении и удержании клиентов сайта. Взаимодействие пользователя и электронной коммерции напрямую зависит от дизайна. Гармоничное сочетание эстетической составляющей и функциональности позволяет эффективно презентовать товары и формировать у пользователя положительное впечатление о магазине [Иванов, Олейник 2024, с. 159].

С прагматической точки зрения, книжный сайт обеспечивает канал связи между покупателем и магазином, создает благоприятный имидж. Сайт содержит не только информацию о книжной продукции, но и рекомендательные подборки, например, *books for moms, evening books*.

Отдельным блоком идут новости книжной индустрии, реклама книжных новинок. Есть интерактивная кнопка, дающая возможность подписаться на новостную рассылку с указанием адреса электронной почты. На сайтах детских изданий часто предлагается обозначить еще и возраст детей. Все это указывает на попытки разработчиков сайта сделать его клиентоориентированным, персонализировать свои предложения, создав портрет потенциального пользователя.

Для получения эффективной с точки зрения прагматики веб-страницы создатели сайта должны придерживаться определенной коммуникативной стратегии, направленной на подчеркивание достоинств своей печатной продукции. Это достигается, как правило, за счет употребления лексем со значением выгоды и качества, оценочных прилагательных.

Аннотация книги на веб-сайте носит рекомендательный характер, анонсирует и продвигает положительный (а иногда провокационный) имидж того или иного издания. Для достижения этой цели применяются оптимизированные конструкции с включением оценочной лексики, способные сформировать положительное восприятие книги и издательства. Тем же целям служит эстетически привлекательное изображение обложки с титульной страницей.

Под аннотацией указывается цена книги, варианты ее приобретения, например, возможность отложенной покупки. Дополнительный блок информирует о выходных данных, объеме, а также содержит ссылки на книги того же автора или отсылает к серии книг по той же / смежной тематике. Как правило, этот блок распадается на три рубрики: Same collection, Same author, You'll also like. Иными словами, реализуется стратегия создания attractiveness.

Некоторые книжные сайты включают раздел Professional, ориентированный на специалистов в области книжного дела, преподавателей, издателей и книготорговцев, что также отражает прагматическую составляющую книжных сайтов: стремление привлечь как можно больше пользователей на сайт.

Подводя итог, можно сказать, что англоязычные книжные сайты выполняют информативную и прагматическую функции. В их наполнении превалирует информативная функция, но контент имеет направленное воздействие на целевую аудиторию. Для выполнения этих задач при оформлении англоязычных книжных сайтов используются экстралингвистические технологии. Интуитивно понятная навигация способствует формированию положительного опыта, благоприятному восприятию сайта и предлагаемой продукции.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что англоязычные книжные сайты выполняют информативную и прагматическую функции. В их наполнении превалирует информативная функция, но контент имеет направленное воздействие на целевую аудиторию. Для выполнения этих задач при оформлении англоязычных книжных сайтов используются экстралингвистические технологии. Интуитивно понятная навигация способствует формированию положительного опыта, благоприятному восприятию сайта и предлагаемой продукции.

Проведенный анализ позволил выявить следующие **языковые характеристики** англоязычных книжных сайтов:

- совмещение свойств устной и письменной коммуникации;
- гипертекстовая структура сайтов;
- наличие разговорных языковых элементов, эмоционально-окрашенной лексики, формирующих неформальный стиль общения;
- использование невербальных средств воздействия: цвета, графики, сокращений, нестандартной орфографии;
- анонимность текста;
- гибридность стилистических жанров гипотекстов: деловой (отчеты и базы данных), публицистический (реклама), научный (библиографические описания), разговорный (чаты);
- мультимедийность, интерактивность и полифоничность;
- креолизованность: объединяет вербальные (текст, надпись, подпись) и невербальные (фото, аудио, видео, таблицы, графики) элементы;
- использование персуазивных вербальных средств, таких как риторические вопросы, восклицательные конструкции, личные местоимения и комиссивные глаголы.

К **прагматическим свойствам** англоязычных книжных сайтов следует отнести:

- предоставление исчерпывающей информации о продукции и магазине (презентации и описание);
- формирование благоприятного имиджа у покупателей (интуитивная навигация, положительные отзывы и комментарии);
- обеспечение канала связи с покупателем (интерактивные кнопки, ссылки, куаркоды);
- продвижение и реклама продукции, сопутствующих услуг и событий (баннеры, проморолики);
- использование императивных конструкций, формирующих направленность на конкретного адресата;
- реализация коммуникативной стратегии кооперации.

Список литературы

- Атабекова А.А.* Лингвистический дизайн WEB-страниц: (составительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). – Москва: РУДН, 2003. – 202 с.
- Белолобская М.В.* Разработка структуры веб-сайта для сопровождения образовательной деятельности // Научный электронный журнал Меридиан. – 2021. – № 5 (58). – С. 213–215.

- Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – Москва, 2012. – С. 9–52.
- Иванов О.С., Олейник Н.П. Роль и влияние веб-дизайна в проектировании веб-сайта // Современные проблемы геометрического моделирования и информационные технологии. – Мелитополь, 2024. – С. 157–165.
- Ильина И.А. Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Москва, 2009. – 28 с.
- Леонов А.Н. Применение веб-технологий и дизайна при проектировании веб-сайта интернет-магазина // Инженерная и компьютерная графика. – Курск, 2024. – С. 20–23.
- Першин Е.С., Козлов В.В. Межкультурный веб-дизайн: учет культурных особенностей при создании и адаптации веб-сайтов // Достижения науки и образования. – 2023. – № 2 (89). – С. 11–14.
- Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Лингвопрагматические особенности гипертекстовой организации интернет-контента как факторы реализации аттрактивности: (на материале веб-сайтов российских вузов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 6. – С. 283–290.
- Усачёва, О.Ю. К вопросу о жанрах Интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Русская филология» – 2009. – № 3. – С. 55–65.

References

- Atabekova A.A. *Lingvisticheskiy dizajn web-stranits: (sopostavitel'nyy analiz yazykovogo oformleniya anglo- i russkoyazychnich web-stranits* [Linguistic Design of WEB Pages: (comparative analysis of the language design of English and Russian WEB-pages)]. Moscow: RUDN, 2003. 202 p. (In Russian)
- Belolyubskaya M.V. *Razrabotka struktury veb-sayta dlya soprovozhdeniya obrazovatel'noy deyatel'nosti* [Development of a website structure to support educational activities]. In: *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. [Scientific electronic journal Meridian]. 2021. N 5 (58). Pp. 213–215. (In Russian)
- Goroshko E.I. *Sovremennaya internet kommunikatsiya: struktura i osnovniye parametry* [Modern Internet Communication: Structure and Basic Parameters]. In: *Internet kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: Kollektivnaya monografiya / nauch.red. T.N. Kolokoltseva, O.V. Lutovinova* [Internet Communication as a New Speech Formation: Collective Monograph] / scientific ed. T.N. Kolokoltseva, O.V. Lutovinova. Moscow, 2012. Pp. 9–52. (In Russian)
- Ivanov O.S., Oleynik N.P. *Rol' i vliyaniye veb-dizayna v proyektirovaniy veb-sayta*. [The role and influence of web design in website design]. In: *Sovremennyye problemy geometricheskogo modelirovaniya i informatsionnyye tekhnologii* [Modern problems of geometric modeling and information technology]. Melitopol', 2024. Pp. 157–165. (In Russian)
- Ilyina I.A. *Problemy izucheniya i vospriyatiya giperteksta v multimediynoy internet srede* [Problems of studying and perceiving hypertext in the Internet multimedia

- environment]: author's abstract of the diss. ... cand. philological sciences: 10.01.10. Moscow, 2009. 28 p. (In Russian)
- Leonov A.N. *Primeneniye veb-tekhnologiy i dizayna pri proyektirovanii veb-sayta internet-magazina* [Application of web technologies and design in designing an online store website]. In: *Inzhenernaya i komp'yuternaya grafika* [Engineering and computer graphics]. Kursk, 2024. Pp. 20–23. (In Russian)
- Pershin E.S., Kozlov V.V. *Mezhkul'turnyy veb-dizayn: uchet kul'turnykh osobennostey pri sozdanii i adaptatsii veb-saytov* [Intercultural web design: taking into account cultural characteristics when creating and adapting websites]. In: *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* [Achievements of science and education]. 2023. N 2 (89). Pp. 11–14. (In Russian)
- Radbil T.B., Pomazov A.I. *Lingvopragmaticheskie osobennosti gipertekstovoy organizatsii internet-kontenta kak faktory realizatsii attrakivnosti: (na materiale veb-saytov rossiyskikh vuzov)* [Lingvopragmatic features of hypertext organization of Internet content as factors of attractiveness implementation: (based on the materials of websites of Russian universities)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2024. N 6. Pp. 283–290. (In Russian)
- Usacheva O.Yu. *K voprosu o zhanrach internet kommunikatsii* [On the issue of Internet communication genres]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo uiversitetata. Ser. "Russkaja flologija"* [Bulletin of Moscow State Regional university. Ser. "Russian Philology"]. 2009. N 3. Pp. 55–65. (In Russian)

Шпетный К.И.¹

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ**

Аннотация. Статья посвящена выделению и анализу основных типологических особенностей натуралистического дискурса в современных англоязычных средствах массовой информации. Научными основаниями исследования служат исходные положения когнитивной стилистики и базовые постулаты относительно публицистического стиля речи, представленные в трудах признанных ученых-лингвистов. Предлагается определение понятия натуралистического дискурса как внутринаучного и лингвистического феномена. Последовательно подчеркивается нераздельная внутренняя связь и взаимозависимость бытия естественной природы и жизни человеческого сообщества. Выделены и описаны шесть основных характеристик натуралистического дискурса на материале примеров из современных англоязычных дискурсов: связь с научными данными, описательный характер нарратива, выраженная стилистическая окраска текста, философское воззрение автора, характеристика актуального состояния окружающей среды, национально окрашенное представление информации.

Ключевые слова: когнитивная стилистика; написание природы; публицистический стиль речи; натуралистический дискурс; средства массовой информации; характерная особенность; потенциал; окружающая среда.

¹ © Шпетный К.И., 2025

Шпетный Константин Иванович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики английского языка Факультета английского языка, заслуженный профессор МГЛУ; kon5804@yandex.ru

Для цитирования: Шпетный К.И. Лингвостилистический потенциал натуралистического дискурса в англоязычном публицистическом нарративе (на английском языке) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 111–126. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.08

Shpetny C.I.*

LINGUOSTYLISTIC CAPACITY OF THE NATURE DISCOURSE IN THE ENGLISH PUBLICISTIC NARRATIVE

Abstract. The article deals with extraction and analysis of basic inherent features of the nature discourse in updated English publicistic sources. The scientific grounds for the research are fundamentally relied upon the theses of cognitive stylistics and the firm postulates of the publicistic style of speech and as revealed in the famed works of acknowledged linguists. The definition of the nature discourse as an intrascientific and linguistic phenomenon is suggested. The inseparable interconnection and interdependence between the realm of nature and the human world is consistently emphasized. Six basic features of the nature narrative are singled out and exemplified by excerpts from mass media stories. These are facts of science, descriptive language, stylistic accentuation, personal reflection, environmental presentation, and nationally coloured background.

Keywords: cognitive stylistics; nature writing; publicistic narrative; nature discourse; mass media; feature; capacity; environment.

For citation: Shpetny C.I. Linguostylistic Capacity of the Nature Narrative in the English Publicistic Discourse // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 111–126. DOI: 10.31249/ling/2025.04.08

Introduction

The foreseeable target and the content of the Paper are viewed as an attempt to offer a cognitive-stylistic gaze at the essential features of the nature discourse within the publicistic narrative as it is manifest in update English mass media [Шпетный, 2024].

* Shpetny Constantine Ivanovich – Candidate of Philology (PhD), associate Professor, Chair of English Stylistics, Department of the English Language, Professor Emeritus at Moscow State Linguistic University; kon5804@yandex.ru

The purpose of the Article is to detect the specifics of the origin of the nature discourse, the basic features of its functioning in the publicistic discourse, its role and part in the current English media narrative, the linguostylistic mechanisms of its performance and perspectives of its spread and progression.

The relevance of the Paper is predetermined by actual lack of related research of the nature discourse in cognitive language undertaking, the necessity to uncover its major share in English public discourse, the thirst for working out the underlying principles of its formation and practical realization of the writers' conceptual ideas on the background of current shift in treatment of the human-nature relations at the present time.

The research material embraces samples of usage of nature phenomena and artefacts derived from modern mass media sources such as *The New York Times*, *The Washington Post*, *Time*, *The Economist*, *The Times*, *The Guardian*, *The Independent*, *Mail Online*, and some others.

The tasks to be treated and solved within the framework of the research are as follows:

- conducting description and analysis of the nature discourse in the updated English language publicistic narrative;
- identifying specific characteristics of the nature discourse;
- juxtaposing the typological nature-bound features against the peculiarities of the common political and social discourse: lexicosemantic, syntactic, phonologic and stylistic proper;
- exemplifying the above features in the similar nature discourse in other cultures and languages;
- drawing up the corresponding conclusions based on the provisions of the research conducted.

The accepted methods and the mode of the investigation are emanated from the specific material under investigation. They are the methods of surveillance and monitoring, that of linguostylistic description with a consideration of the historic, cognitive, culturological and literary background, as well as a contextual analysis on the linguostylistic foundation.

The scientific novelty of the Research may be confined to the following theses:

- it is the **first** large-scale attempt to single out and to describe the specific cognitive-linguistic features of the English nature discourse;

– it is the **first** endeavor to offer the definition of the linguistic phenomenon of the nature discourse;

– it is the **first** attempt to weigh and equate the linguostylistic capacity of the nature discourse in the publicistic narrative.

The theoretical background of the Research is formed up on the solid basis of theories and the fundamental tenets of the science of linguostylistics as it is postulated in the related theoretical works of historically renown forerunners and researchers in this field and in the adjacent ones.

The foundations of English linguostylistics are knowingly laid down by Russia's scientist I.R. Galperin being fundamentally developed in his works on the subject [Gal'perin, 1968; Гальперин, 1981; Gal'perin, 1981].

Publicistic discourse accentuated

The presumption consistently upheld in the Paper envisages identification of seven functional styles in the modern English language, namely the belles-lettres style, the publicistic style, the newspaper style, the style of scientific prose, the style of technical documents, the style of official documents, and the style of religion language.

The pick-up of the publicistic style as it is functioning in update English to identify the features of nature discourse is by all means targeted. Yet, it is to be bluntly stated that the essential elements of the nature discourse can be identified in all of the English functional styles marked off above.

It is in the update English mass media that we come across the bulkiest potential for nature discourse realization.

“The general aim of publicistic style, which makes it stand out as a separate style, –to quote I.R. Galperin, –is to exert a constant and deep influence on public opinion, to convince the reader or the listener that the interpretation given by the writer or the listener is the only correct one and to cause him to accept the point of view expressed in the speech, essay or article not merely through logical argumentation but through emotional appeal as well. The brain-washing function is most effective in oratory ...” [Gal'perin, 1981, p. 287].

Publicistic style narrative is marked by usage of a wide range of political lexicon, logical consistency, emotional fill-up, proper evaluation, and target persuasion. It is commonly characterized by usage of not only the neutral layer of lexical units, but highly coloured literary lexicon including phraseology, emotionally marked words, use of short

sentences, shortened fiction elements, phrases with no verbal predicates, rhetorical questions, exclamatory constructions, repetitions of kinds and other features. That generates the imposed necessity to include some special words and terms of a popular coloured tint. It necessitates to cover a wide spectra of varied subjects such as politics, economy, education, cosmos (space) studies, health science, criminal affairs, army themes [Austin, 2025].

Publicistic narrative is realized through mass media – newspapers, journals and magazines, updated computer technologies, TV presentation, advertising potential, and varied booklets. Oratory is an indispensable part and parcel of the publicistic discourse to be commonly realized live.

One of the currently relevant subjects in major public demand is climate issues, ecology problems, environment protection, the role of the human in balancing off the man-nature relationship which is the immediate call of the day. It happens to be termed differently in available research ventures of today.

The nature research field may be identified in a current social variability as:

ecological discourse [Голомидова, Гладий, 2024]: There are two basic trends in its progression, namely *ecology of language* as part of the humanities searching for links between nature environment and human speech [Haugen, 1972], and *linguistic ecology* that treats of the language impact upon the surrounding environment [Halliday, 2001]; meanwhile the work of I. Gusejnova is convincing evidence to the effect [Гусейнова, 2011];

environmental issues: humans impact the physical environment in many ways: pollution, burning fossil fuels, deforestation, and more; these changes have triggered climate change, soil erosion, poor air quality, mass extinction, and undrinkable water, among other effects;

pollution problems: it is a broad way for introduction of harmful (often synthetical) materials into the environment, and these harmful materials are called “pollutants” Noise pollution can cause health problems for people and wildlife, both on land and in the sea. From traffic noise to rock concerts, loud or inescapable sounds can cause hearing loss, stress, and high blood pressure.

Nature writing has been in permanent view ever since the Biblical times [The Bible. Genesis. Chapters 1–2, Authorized King James Version, 1998]. Nature fiction has existed in public dominance particularly after H.D. Thoreau (1817–1862), an American naturalist, essayist, poet, and philosopher arrives at the scene with his best known book

“Walden; or, Life in the Woods” (1854) which is a reflection upon human living in natural surroundings. The author “makes precise scientific observations of nature, as well as metaphorical and poetic uses of natural phenomena. He identifies many plants and animals by both their popular and scientific names, records in detail the color and clarity of different bodies of water, precisely dates and describes the freezing and thawing of the pond, and recounts his experiments to measure the depth and shape of the bottom of the supposedly ‘bottomless’ Walden Pond”. [Thoreau, (1854)]

From the linguostylistic view H.D. Thoreau does not hesitate to use varied stylistic means and devices: metaphors, allusions, understatement, hyperbole, personification, irony, satire, metonymy, synecdoche, and oxymorons, and he can shift from a scientific to a transcendental point of view in mid-sentence.

This Paper favours to cover the above mentioned options by applying to the matters and to the concerns of nature care through widespread public interest as it is spotlighted in the language presentation termed “nature discourse”.

Definition

Nature discourse is a verbal narrative, its cognitive subject matter is treatment of the nature status and of the relationship between the realm of nature and the human community underlying the genuine reality of man in the created world. It is a conceptual reminder and a reference to their indissoluble link, close interconnection and universal harmony in the existing Universe.

Basic cognitive linguostylistic features of the nature discourse

The overwhelming majority of mass media sources invariably devote much of their pages and space to the actual naturalist issues, American and British editions alike. The nature stories are normally supplied by a set of related photos or images.

In most cases these are targeted columns and rubric headings in newspapers. Thus, every issue of *The New York Times* shares a special column to this end entitled *Climate and Environment*. Here are some examples:

I’m a train expert – these are Europe’s best interrail trips for any age.

Want to see lots of countries but only have limited time for your big adventure?

(1886 words)

In a First, the E.P.A. Warns of ‘Forever Chemicals’ in Sludge Fertilizer (1647 words).

An Inauguration Watch Party Aimed at Celebrating Fossil Fuels (1178 words).

The same appears to be the case with *The Times*, yet the titling of the column *Travel* is conceptually a little different and refers rather to the beauty of nature:

Travel

This untapped Scottish coastline is even more extraordinary in winter.

Swap the rammed NC500 for the Summer Isles, far north of the Highlands, and you’ll find beautiful, empty beaches and cosy glampsites with incredible views (1489 words) (*The Times*, 15.01, 2025).

Bull or bear? Find out what kind of investor you are (*The Times*, 11. 01, 2025).

The British paper *The Guardian* is directly and daily involved in the current nature set under the corresponding rubric and sub rubrics:

Climate crisis

Biden Trump-proofs \$74 bn in climate funding but \$20 bn remains vulnerable (890 words).

Environment

‘It’s ironic’: how climate crisis is driving Trump push on Greenland and Panama (1274 words).

UK

Just Stop Oil activists spray-paint ‘1.5 is dead’ on Charles Darwin’s grave (468 words (*The Guardian*, 15.01, 2025).

Regular paper stories and their headings follow rather familiar patterns, with the historically accepted **word count within the range of 500–2000 units**.

Built in accordance with the frame-up of English traditional paper titles these are often stylistically coloured, and in any case they are emotionally tinted: the word order occasionally runs counter the usual layout (In a first, the E.P.A. warns ...; An Inauguration Watch Party Aimed at ...); the imperative word order often prevails (Just Stop Oil

activists ...; Swap the rammed NC500 ...); question address seems gladly invited (Want to see lots of countries ...? What to Know About Winter Storm Blair – And Who Will Be Impacted); lexical innovations are welcome (I'm a train expert); metaphors are in demand (Celebrating Fossil Fuels; spray-paint '1.5 is dead' on Charles Darwin's grave; cosy glampsites; climate crisis is driving Trump push); distinctive elements of colloquial parlance often squeeze in (Want to see lots of countries but only have limited time for your big adventure?); quotes are a common matter: ('People want clothes that match their values'..., 'This is sacred land' ...); stylistic alliterations are highly expected (Bull or bear? Find out what kind of investor you are; Beware of Blair.).

In view of stylistic performance, it appears quite proper to differentiate the usage of emotionally coloured elements in the literary (fiction) discourse and in the media narrative. With reference to the above mentioned book *Walden* by H.D. Thoreau, one may rightfully observe that the writer's narrative is not that easy to read and grasp: it is primarily a piece of the fiction genre written in older prose style with sharp and precise language, abundance of metaphors and allegoric references, full of long and complex paragraphs and sentences filled with vivid and insightful descriptions. The writer's narration is quite abundant in metaphors, similes, allusions, understatement, hyperbole, personification, irony, satire, metonymy, synecdoche, oxymorons, and paradoxical statements, often accompanied by non-verbal insights and non-literary language expressions to convey varied emotions.

Symbolic as it may sound, some of the indicated peculiar features of fiction seem to find their measured and justified way in updated publicistic discourse of modern English media. Meanwhile, it is substantially followed by distinct colloquial colouring that distinguishes the trend towards a more acceptable perception on the part of the reading audience considering the obvious trends in modern communication [Язык, сознание, коммуникация, 1999].

The essential features of nature writing in update mass media are as follows:

- 1) *facts of science* offered and derived from nature studies;
- 2) *descriptive language* coverage providing a picture of the landscape and emphasizing sensory perception (sight, sound, smell);
- 3) *stylistic accentuation* in consideration of major publicistic features;
- 4) *personal reflections*, thoughts, and emotions, often of philosophical fill-up;

5) *environmental presentation* that implies ecological issues related to nature and humans;

6) *nationally coloured background* related to various Earth zones and varied cultures.

Here are some overall illustrations that actually cover up the above theses.

An exemplifying excerpt from the article “The Panama Canal’s Newest Voyagers: Fishy Intruders From Two Oceans” (The New York Times, 07.01. 2025. – 350 words, total: 2000 words) convincingly **reflects upon all of these six considerations in one single discourse.**

The Panama Canal’s Newest Voyagers: Fishy Intruders From Two Oceans

A multibillion-dollar expansion helped the canal accommodate king-size cargo ships. It might also be fueling ecological upheaval.

Scientists with the Smithsonian Tropical Research Institute on Lake Gatún in Panama during nighttime field work. Credit... (2000 words)

By Raymond Zhong

Night fell as the two scientists got to work, unfurling long nets off the end of their boat. The jungle struck up its evening symphony: the sweet chittering of insects, the distant bellowing of monkeys, the occasional screech of a kite. Crocodiles lounged in the shallows, their eyes glinting when headlamps were shined their way.

Across the water, cargo ships made dark shapes as they slid between the seas.

The Panama Canal has for more than a century connected far-flung peoples and economies, making it an essential artery for global trade – and, in recent weeks, a target of President-elect Donald J. Trump’s expansionist designs.

(The New York Times, 7.01, 2025) (1 815 words).

Stylistic accentuation is of particular interest hereby (see point 3 above). Reference to get involved in the story in Spanish provokes its global merit.

One more exquisite sample is peculiar triple use of the stylistic device of alliteration in the story title: “Snowy way! Digby the dog makes the most of the wintry weather” (Daily Mail, 6.01, 2025–230 words). This kind of stylistic decoration currently finds its way into

other languages too, for example, in Russian: «Леса, лисички и лосось: как и зачем современные авторы пишут о природе» (ДЗЕН Bookmate Journal, 10.08, 2021).

Hereby are suggested commented-on illustrations of the essential features of nature writing in update mass media.

Facts of science

Here comes a piece of the short story from *The Washington Post* on the burning problem of global warming testifying to the immense value of nature treatment, and the related science data are clearly confirmed.

The Washington Post Inadvertently Reveals The Truth About Global Warming

BY RICHARD ELDRED

When the *Washington Post* set out to map 485 million years of global temperatures, it uncovered an inconvenient truth in the climate change story: Earth's been on a 50-million-year cool-down.

In recent years, particularly around mid-July (the peak of the Northern Hemisphere summer), there has been a noticeable surge in headlines featuring the “hottest day” ever on record in corporate media outlets ... (The Washington Post, 22.09.2024) (900 words)

Descriptive language coverage by sensory perception: sight, sound, smell

The Guardian discourse talks of the share of smell, colour, and sound in current social communication as perceived by the sensed reader of today.

‘Smell is really important for social communication’: how technology is ruining our senses

Scientists say an overreliance on sight and sound is having a detrimental effect on people's wellbeing and that our devices should deliver a multisensory experience.

“Wait a minute, wait a minute. You ain’t heard nothing yet.” So went the first line of audible dialogue in a feature film, 1927’s *The Jazz Singer*. (The Guardian, 13.04, 2024) (950 words).

Stylistic accentuation

Below is a nice example of official publicistic stylistic insertions supplied with colloquialisms in the title (Sure, smart, roughly) to make the author’s appeal all the more alluring: the title contains repetitions for accentuation and emotional pile-up (smart – smarter), rhythmical build-up (three parts in the title for climax: one word – four words – six words), and structural beauty (Roughly) strengthened by a photo of the silver coin with an image of Emperor Augustus (63 BC–14 AD).

Sure, the Romans Were Smart. But They Could Have Been Smarter.

By Katherine Kornei

Exposure to lead from mining probably lowered I.Q. levels in the empire, research has found. It might be the world’s first case of wide-spread industrial pollution.

Roughly 2,000 years ago, the Roman Empire was flourishing. But something sinister was in the air. Literally (The New York Times, 6,01, 2025) (910 words).

Personal reflections

This feature of the nature discourse seems to be of prime importance as it is aimed at conceptual evaluation of the naturalist narrative in human life which is after all the major idea of publicistic presentation of man’s cosmic perception. And the below example obviously testifies to this effect. The Greek philosopher Socrates (Σωκράτης, 470–399 BC) who is credited as the founder of Western philosophy famously said that “the unexamined life is not worth living”. And while this dictum is certainly true, self-reflection is not necessarily an easy thing to practice, particularly dealing with the dichotomy “human-nature”. Here is a case for troubled contemplation on the current issues of global climate change from *Time*.

2024 was a Complicated Year for Climate Action

Environmental activists rally to demand climate action before U.S. President-elect Donald Trump takes office in Washington, D.C.
MANDEL NGAN / AFP – Getty Images

By Justin Worland

By early November, it was virtually certain that 2024 would be the hottest year on record. The evidence was being felt around the world—from flooding that killed hundreds in Spain to drought in 48 of America’s 50 states. Insurance-giants dropped coverage in danger zones and warned about the growing challenge posed by climate change (yahoo!news, 26.12 2024) (1105 words).

Environmental presentation

Personalized philosophical digressions are an inseparable part of the nature discourse, particularly when they are nationally an / or mystically coloured. Such is the case with the below story on the Chinese New Year 2025 which it happens to be the Year of the Snake that in the zodiac presentation “symbolises wisdom, intuition, and transformation”. Hereby the realm of the human and the world of the animal are closely overlapping. Data is also provided for those concerned further delving in the philosophical and mystical way of contemplation: the discourse provides the full register for the 12 Chinese Zodiac animals` register supplied by the animal`s names both in English and in Chinese helped out by hieroglyphs and transcriptions in brackets: Dragon 龍 *lóng*, Snake 蛇 [*shé*].

Chinese New Year celebrations swing into gear in London's Chinatown to mark 2025 as the Year of the Snake
(Daily Mail, 1.02.2025)

Chinese zodiac expert reveals what's in store for each sign – from the 'drama free' Goats to 'overwhelmed' Horses

What you can expect from the Year of the Snake, according to your Chinese zodiac sign.

By Jose Ramos

Chinese New Year celebrations have swung into full gear in London as Chinatown lit up to mark 2025 s Chinatown lit up to mark 2025.

Celebrations broke out in the capital to celebrate the Year of the Snake with traditional festivities bringing together the East and south-east Asian cultures to its streets.

(660 words)

Nationally coloured background

Here comes a piece under the rubric *Climate Solutions* in the *Washington Post* to reveal practical thirst for some gardening know-how that is a wide-spread occupation across the world's land-addicted peasants: we can mind the 120 comments attached. The story lexicon seems quite familiar for those concerned. Of special practical value is also a textual insertion on lowering one's carbon footprint.

Climate Solutions

**You could be spreading 'forever chemicals' on your garden.
Here's how to protect yourself.**

By Allyson Chiu

What does the new EPA warning about PFAS-laden sludge in fertilizer mean for home gardeners? Here's what you need to know.

A gardener prepares the soil for planting in a community garden near Langley, Washington, in 2014. (Dean Fosdick/AP) (*The Washington Post*, 02.02.2025) (790 words)

This feature of the nature discourse is pragmatically oriented to incorporate practical needs of those nationally and locally concerned users across the globe.

Conclusion

The Paper is a venture to put forward a scientifically founded substantiation for emergence and operation of the nature discourse in current English media space on the basis of cognitive-stylistic approach.

As it has been stated earlier, “cognitive stylistics is viewed *nove et nova* as a current stage in the advance of linguostylistics. The chief task of cognitive stylistics is the study of varied structures of knowledge and the description of interrelations that emanate between them and the language on the basis of perception of language as such” [Шпетный, 2019, с. 370].

This positioning avails of understandable treating expressive means and stylistic devices in the nature discourse to penetrate into conceptual foundation in the updated English publicistic narrative. The chief linguostylistic mechanisms to be widely employed in these texts are a whole set of frequently employed grammatical-syntactical structures, lexical-phraseological transformations, phonological resources means, and stylistic devices proper. Among the latter ones most densely used are metaphor, metonymy, polysemy, epithet, simile, oxymoron, hyperbole, allusions, and quotations.

The definition of the of the nature discourse as a verbal narrative reflecting the relationship between the realm of nature and the human community is worded in sufficient detail. Six interrelated essential characteristics of nature writing in updated mass media are singled out: facts of science, descriptive language, stylistic accentuation, personal reflections, environmental presentation, and nationally coloured background. They are typifying indications of belonging to the sphere of the publicistic domain in verbal communication. References are substantially covered over with updated illustrations from original sources of British and American mass media of today.

A further productive line of research could be a comparative analysis of nature writing in other functional styles of modern English, in related narratives of the belles-lettres style, the newspaper style proper, the style of scientific prose, the stylistic capacity of technical documents, the stylistic potential of official documents, and the style of religion language.

Bibliography

- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – Москва: Издательство «Наука», 1981. – 140 с.
- Голомидова М.В., Гладий А.Е.* Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике // Теоретическая, прикладная и сопоставительная лингвистика. – Екатеринбург, 2024. – С. 1–6. – URL: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15>

***Лингвостилистический потенциал натуралистического дискурса
в англоязычном публицистическом нарративе (на английском языке)***

- Гусейнова И.А. Предметно-специальный глоссарий: опыт создания и перспективы использования: (на материале глоссария «Экологический дискурс: 100 понятий») // Вестник МГЛУ. – 2011. – Вып. 624. – С. 71–79.
- ДЗЕН Bookmate Journal (August 10, 2021). – URL: <https://dzen.ru/bookmatejournal>
- Шпетный К.И. Когнитивно-стилистические особенности англоязычного натуралистического дискурса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – Москва: Из-во Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9. – 186 с.
- Шпетный К.И. Об основаниях когнитивной стилистики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 1 (817). – С. 370–379.
- Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей // Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изогов. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – Вып. 62. – 124 с.
- Austin A. austin@vogueindustry.com. Languages. Last modified: 2025-01-13 07:41
- Environment International: [sciencedirect.com/journal/environment-international](https://www.sciencedirect.com/journal/environment-international)
- The Bible: Authorized King James Version. – Oxford : University Press, 1998. – Genesis. Ch. 1–2. – 1824 p.
- Galperin I.R. An essay in stylistic analysis. – Moscow: Higher School Publishing House, 1968. – 64 p.
- Galperin I.R. Stylistics. – 3rd edition. – Moscow: Vysšaja Škola, 1981. – 335 p.
- Halliday M. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecological Linguistics Reader: Language, Ecology and Environment. – London; New York, 2001. – P. 175–203.
- Haugen E. The Ecology of language: Essays by Einar Haugen. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
- The National Geographic: [nationalgeographic.org](https://www.nationalgeographic.org)
- Thoreau H.D. Walden; or, Life in the Woods. – Boston: Ticknor and Fields, M DCCC (1854). – 357 P.

References

- Gal'perin I.R. *Tekst kak object lingvisticheskogo analiza* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka, 1981. 140 p. (In Russian)
- Golomidova M.V., Gladij A.E. *Ekologicheskij diskurs I aspekty yego izucheniya v Rossijskoj lingvistike* [Ecology discourse and aspects of its study in Russian linguistics]. In: *Teoreticheskaya, prikladnaya i sopostavitel'naya lingvistika* [Theoretical, Applied and Comparative Linguistics]. Екатеринбург, 2024. Pp. 1–6. – URL: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15> (In Russian)
- Gusejnova I.A. *Predmetno-spetsial'nyj gl'ssarij: opyt sozdaniya i perspektivy ispol'zovaija: (na materiale gl'ssarija "Ekol'gicheskij diskurs: 100 ponjatij")* [Subject-specific glossary: experience of creation and prospects of use: (on the material of the glossary "Ecological discourse: 100 concepts")] In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University* [Bulletin of MSLU]. 2011. N 624. Pp. 71–79. (In Russian)
- ДЗЕН Bookmate Journal (August 10, 2021). – URL: <https://dzen.ru/bookmatejournal>
- Shpetny C.I. *Kognitivno-stilisticheskie osbennosti angloyazychnogo naturalisticheskogo diskursa* [Cognitive-stylistic features of the English nature discourse]. In: *Social'nyje i gumanitarnyje nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literature. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social and humanities sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Language studies].

- ries 6. Linguistics. Moscow: Dialog MGU Publishers, 1999. Iss. 9. 186 p. (In Russian)
- Shpetny C.I. *Ob osnovanijakh kognitivnoj lingvistiki* [On the basics of cognitive stylistics]. In: *Vestnik MGLU. Humanities* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. Moscow, 2019. Issue 1 (817). Pp. 370–379. (In Russian)
- Jazyk, soznanie, komunikacija: Sbornik statej* [Language, conscience, communication: Collected articles] / edited by V.V. Krasnih, A.I. Izotov. Moscow: MAKS Press, 2020. Iss. 62. 124 p. (In Russian)
- Austin A. austin@vogueindustry.com. Languages. Last modified: 2025-01-13 07:41
ДЗЕИ Bookmate Journal (August 10, 2021). – URL: <https://dzen.ru/bookmatejournal>
- The Bible: Authorized King James Version*. Oxford: University Press, 1998. Genesis. Ch. 1–2. 1824 p.
- Environment International: [sciencedirect.com/journal/environment-...](https://www.sciencedirect.com/journal/environment-international)
- Galperin I.R. *An essay in stylistic analysis*. Moscow: Higher School Publishing House, 1968. – 64 p.
- Galperin I.R. *Stylistics*. 3rd edition. Moscow: Vysšaja Škola, 1981. – 335 p.
- Halliday M. *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics*. In: *The Ecological Reader: Language, Ecology and Environment*. London; New York, 2001. – Pp. 175–203.
- Haugen E. *The Ecology of language: Essays by Einar Haugen*. Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
- The National Geographic: [nationalgeographic.org](https://www.nationalgeographic.org)
- Thoreau H.D. *Walden; or Life in the Woods*. Boston: Ticknor and Fields, M DCCC (1854). 357 P.

**КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС.
РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ
COMMUNICATION. DISCOURSE.
SPEECH GENRES**

УДК 821.111

DOI: 10.31249/ling/2025.04.09

Раева С.Р.¹, Степанова Д.В.²

**ФЕНОМЕН БОРТОВОГО ЖУРНАЛА В СЕРИАЛЕ
«ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ»**

Аннотация. В статье исследуется феномен бортового журнала в телесериале «Звездный путь» (1966–1969). Анализируются функции и роль записей капитана и экипажа, их влияние на развитие сюжета и создание реалистичной научно-фантастической атмосферы. Используя корпус, демонстрируется, что журналы выступают в качестве структурных элементов повествования, служат мета-коммуникативными маркерами и инструментами когерентности. Особое внимание уделено лингвистическим особенностям формулировок, их функции внутри сериала и значению дат. Исследование подтверждает важность бортовых журналов для построения мира сериала и раскрытия характеров персонажей.

Ключевые слова: киноскрипт; бортовой журнал; оригинальный сериал «Звездный путь»; лингвистический корпус; корпусная лингвистика.

¹ © Раева С.Р., 2025

Раева Сабина Рустамовна – преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия); sabina-raeva@mail.ru

² © Степанова Д.В., 2025

Степанова Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета (Беларусь); daryastepanova79@gmail.com

Для цитирования: Раева С.Р., Степанова Д.В. Феномен бортового журнала в сериале «Звездный путь» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 127–136. DOI: 10.31249/ling/2025.04.09

Raeva S.R.*, Stepanova D.V.**

THE “STAR TREK” LOG PHENOMENON

Abstract. The article examines the phenomenon of the ship’s log in “Star Trek” (The Original Series, 1966–1969). It analyzes the functions and role of the captain and crew entries, their impact on the development of the plot and the creation of a realistic science fiction atmosphere. Using a linguistic corpus, it is demonstrated that the logs act as structural elements of the narrative, serve as meta-communicative markers and tools of coherence. Particular attention is paid to the linguistic features of the wording, their function within the series and the significance of dates. The study confirms the importance of the logs for building the world of the series and revealing the characters’ personalities.

Keywords: movie script; ship’s log; “Star Trek”: The Original Series; linguistic corpus; corpus linguistics.

For citation: Raeva S.R., Stepanova D.V. The “Star Trek” Log Phenomenon // *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 127–136. DOI: 10.31249/ling/2025.04.09

Введение

В телевизионном сериале «Звездный путь» (Оригинальные серии, 1966–1969 годы) записи журналов играют ключевую роль в создании глубины и реалистичности повествования. Они служат не только для документирования событий, но и для передачи информации о состоянии космического корабля, его экипажа и ок-

* Raeva Sabina Rustamovna – Lecturer in the Department of English Lexicology at the Faculty for the English Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; sabina-raeva@mail.ru

** Stepanova Darya Valerievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Theory and Practice of English Speech, Faculty for the English Language, Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus; daryastepanova79@gmail.com

ружающего мира. Эти элементы помогают зрителям лучше понять контекст происходящего, а также внутренние конфликты и мотивацию персонажей.

Актуальность исследования подчеркивает значительное количество публикаций, посвященных теме кинодискурса [Зыкова, Красикова, 2024; Прокофьева, 2024; Катермина, Бирюкова, 2023]. Кинодискурс представляет собой «наиболее емкое и широкое понятие, в разной степени и объеме включающее все компоненты, которые рассматриваются в рамках лингвистики кинофильмов» [Теряева, 2025, с. 80]. Согласно Т.В. Духовной, скрипт кинофильма (кинотекст, киноречь) является составной частью кинодискурса [Духовная, 2015]. Однако отношение «часть к целому» не умаляет важности киноскрипта как объекта лингвистического исследования, поскольку «скрипт как часть сценария первичен по отношению к кинофильму. Он предшествует появлению кинодискурса» [Горожанов, 2025, с. 18].

Материалом нашего исследования служит лингвистический корпус скрипта телесериала объемом 256 621 токен или 16 725 контекстов – реплик персонажей, созданный в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета. Техническим инструментом исследования является специализированный корпусный менеджер, который входит в состав программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», который позволяет реализовывать широкий набор запросов и представлять их результат в удобном для последующей машинной обработке формате [Горожанов, 2024; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022].

Целью работы является анализ роли и функционирования бортовых журналов в сериале «Звездный путь» (1966–1969 годы).

Задачи исследования:

- 1) классифицировать бортовые журналы;
- 2) проанализировать содержание бортовых журналов;
- 3) выявить влияние феномена бортового журнала на развитие сюжета.

Ход исследования и его результаты

Записи бортового журнала, в первую очередь, представлены отчетами капитана или замещающего его члена экипажа (196 вхождений на 81 эпизод сериала). В корпусе записи маркируются сло-

восочетаниями “Captain’s log” и “Ship’s log”. В нескольких случаях фигурирует личный дневник капитана (“Captain’s personal log”), что говорит нам о том, что по замыслу сценаристов командование Звездного флота уделяет большое внимание физическому и психологическому состоянию старших офицеров и предписывает им вести личные журналы, которые являются частью данных об исполняемой миссии и, при необходимости, могут быть изучены врачами и прочими экспертами. В этой связи личный дневник как служебный документ можно также отнести к разновидности бортового журнала.

Единичными являются записи журналов других членов экипажа, не замещающих капитана, например, медицинский журнал доктора Маккоя (“Medical log”):

3520: 1–14: MCCOY: [Sickbay]¹: *Medical log. Lieutenant Riley’s sufficiently recovered to be discharged, but the Captain’s ordered him restricted to Sickbay to prevent contact with the passenger who calls himself Karidian and who’s suspected of being Kodos the Executioner and of murdering the Lieutenant’s family.* – «3520: 1–14: МАККОЙ: [Лазарет] – Медицинский журнал. Лейтенант Райли поправился в достаточной степени, чтобы его выписали, но капитан приказал ему оставаться в лазарете, чтобы предотвратить контакт с пассажиром, который называет себя Каридианцем и которого подозревают в том, что он Кодос Палач и убил семью лейтенанта»².

Примечательно, что свой дневник ведет и компьютер космического корабля (“The Enterprise computer log”). К нему обращаются для получения объективных данных, например:

4876: 1–21: SHAW: [Courtroom]: *The prosecution does not wish to dishonour this man, but facts are facts. I must invite the attention of the court and Captain Kirk to this visual extract from the Enterprise computer log. Play back. What you are about to see is precisely what took place on the Enterprise bridge during the ion storm.* – «4876: 1–21: ШОУ: [Зал суда]: Обвинение не хочет позорить этого человека, но факты есть факты. Я должен обратить внимание суда и капитана Кирка на эту видеозапись из бортового журнала «Энтерпрайза».

¹ Здесь и далее первое число обозначает номер контекста в корпусе, далее через дефис указаны номера сезона и эпизода, после прописными – говорящий и в квадратных скобках – локация.

² Здесь и далее перевод наш. – С.Р., Д.С.

Воспроизведите. То, что вы сейчас увидите, это именно то, что произошло на мостике «Энтерпрайза» во время ионного шторма».

Изучение упоминаний бортовых журналов в корпусе сериала не только позволило установить факт абсолютного превалирования записей капитана (корабельный журнал) над остальными типами, но и понять его роль в повествовании. Дело в том, что он выполняет роль рассказчика или «голоса за кадром». Бортовой журнал объясняет зрителю, что и где будет происходить, вводит новых персонажей эпизода, поясняет причины возникновения проблемных ситуаций. Например:

331: 1–2: CAPTAIN'S LOG: [Sickbay]: Stardate 1513.4. In orbit around planet M-113. One crewman, member of the landing party, dead by violence. Cause unknown, but we are certain the cause of death was not poison. – «331: 1–2: ЖУРНАЛ КАПИТАНА: [Лазарет]: звездная дата 1513.4. На орбите планеты М-113. Один член экипажа, член десантной группы, погиб в результате насильственной смерти. Причина неизвестна, но мы уверены, что причиной смерти был не яд».

9798: 2–17: CAPTAIN'S LOG: [Bridge]: Stardate 3211.7. We are entering standard orbit about Gamma Two, an uninhabited planetoid with an automatic communications and astrogration station. – «9798: 2–17: ЖУРНАЛ КАПИТАНА: [Мостик]: звездная дата 3211.7. Мы выходим на стандартную орбиту вокруг Гаммы 2, необитаемого планетоида, на котором расположена автоматическая станция связи и астронавигации».

Кроме реплик, которые представляют собой записи в журнал (персонажи не пишут рукой или печатают, а надиктовывают компьютеру корабля текст), в 40 контекстах журналы упоминаются. Как было показано выше на примере контекста № 4876, к записям обращаются за доказательствами:

3867: 1–16: SPOCK: [Kirk's quarters]: I picked this up from Doctor McCoy's log. We have a crewmember aboard who's showing signs of stress and fatigue. Reaction time down nine to twelve percent, associational reading norm minus three. – «3867: 1–16: СПОК: [Каюта Кирка]: Я взял это из журнала доктора Маккоя. У нас на борту есть член экипажа, который проявляет признаки стресса и усталости. Время реакции снизилось на девять-двенадцать процентов, ассоциативный тест показывает минус три от нормы».

8092: 2–6: SPOCK: [Bridge]: Indeed, Captain. I presume your log will show that Commodore Decker died in the line of duty. – «8092: 2–6: СПОК: [Мостик]: Действительно, капитан. Я полагаю, ваш

бортовой журнал покажет, что коммодор Деккер погиб при исполнении служебных обязанностей».

Обратим внимание на то, что во вселенной «Звездного пути» временная система координат задается звездными датами (stardate), которые играют важную роль в повествовании и помогают установить хронологию событий. Звездные даты являются важнейшей составляющей каждой записи журнала и указываются в каждом эпизоде сериала – от отметки 1513.1 до отметки 5930.3¹. Указание звездных дат происходит относительно равномерно по всем трем сезонам. Однако в некоторых эпизодах они могут упоминаться чаще, особенно в тех, где акцент делается на временные парадоксы или путешествия во времени.

Звездные даты, кроме указания в журналах, упоминаются капитаном или другими офицерами мостика во время брифингов. Это создает ощущение официальности обстановки и структурированности сюжета.

Итак, звездные даты помогают установить временные рамки событий, что особенно важно в контексте многосерийных сюжетов и путешествий во времени. Они позволяют зрителям понимать, когда происходят определенные события относительно других. Использование звездных дат помогает зрителям погрузиться в мир будущего, где время измеряется необычно. Это создает уникальную атмосферу, отличающую «Звездный путь» от других научно-фантастических сериалов. Звездные даты также служат для упрощения навигации и планирования миссий, позволяя персонажам отслеживать время, проведенное в космосе, и планировать свои действия.

Приведем несколько общих примеров.

Эпизод “The Man Trap” («Ловушка для человека», сезон 1, эпизод 1). В этом эпизоде звездная дата используется для обозначения начала миссии, что помогает установить временные рамки для событий, происходящих на планете. Это создает контекст для действий команды и их взаимодействия с инопланетными существами.

¹ Переводить звездные даты в наше традиционное указание на время (год, месяц, день, час, минута, секунда) бессмысленно, так как они назначались сценаристами произвольно. Единственное, что можно утверждать определенно, – это то, что событие, которое обозначено большей по значению звездной датой, происходит позднее события, обозначенного меньшей звездной датой.

Эпизод “The City on the Edge of Forever” («Город на краю вечности», сезон 1, эпизод 28). Здесь звездная дата упоминается, когда команда пытается понять, как временные изменения влияют на их миссию и на саму историю. Это подчеркивает ключевую роль времени и его восприятия в контексте путешествий во времени.

Заключим, что указание звездной даты в сериале служит неотъемлемым инструментом для создания структуры повествования и помогает зрителям ориентироваться в сложном мире космических путешествий.

Бортовой журнал капитана упоминается регулярно, что свидетельствует о его значимости как структурного элемента повествования. С точки зрения прагматической лингвистики, бортовой журнал выступает как форма мета-коммуникативного маркера субъективной оценки ситуации, а также служит средством для выражения своего мнения. На уровне семантической структуры, использование бортового журнала как дискурсивного маркера создает эффект интертекстуальной связи, формируя внутри текста репрезентацию мира, что способствует когерентности текста.

Так, в эпизоде “The Naked Time” («Время обнажиться») бортовой журнал устанавливает хронологический и пространственный контекст. Капитан Кирк фиксирует текущую позицию корабля – орбиту над планетой “Psi 2000”, которая находится в критическом состоянии. Эта информация задает временные рамки и место действия, помогая зрителю понять, что и где происходит. Также фиксируется цель – подобрать научную команду и провести наблюдения за разрушением планеты. Это помогает зрителю понять задачу экипажа и важность миссии в контексте происходящего.

959: 1–5: KIRK: [Bridge]: Captain’s Log. Our position, orbiting Psi 2000, an ancient world, now a frozen wasteland, about to rip apart in its death throes. Our mission, pick up a scientific party below, observe the disintegration of the planet. – «959: 1–5: КИРК: [Мостик]: Журнал капитана. Наша позиция – орбита Пси 2000, древнего мира, теперь – замерзшей пустоши, которая вот-вот разорвется в предсмертных муках. Наша миссия – подобрать научную команду внизу, наблюдать за распадом планеты».

Бортовые журналы являются своеобразными монологами и отражают языковой портрет того или иного персонажа. Например, капитан Кирк пишет кратко и уверенно, что соответствует его статусу, хотя в общении с другими членами экипажа он в основном говорит достаточно много, чтобы ясно и убедительно донести свои мысли, принимать решения и вдохновлять команду. Он обладает

яркой харизмой и умеет использовать речь для мотивации и руководства. Можно сделать вывод, что его речь сбалансирована: он говорит достаточно кратко для передачи важных сообщений и демонстрации лидерских качеств, но также склонен к эмоциональной речи, сохраняя эффективность коммуникации.

Первый офицер вулканец Спок, полагающийся на логику и отвергающий эмоции, выражает свое жизненное кредо и в записях бортового журнала. Он говорит сложно, скорее языком научного трактата, подчеркивая то, что он вулканец (хотя на самом деле является наполовину человеком), например:

14829: 3–16: *SHIP'S LOG: [Empty Bridge]: Stardate 5423.8. First Officer Spock reporting. Obviously the Gideon's have transported Captain Kirk onto this replica of the Enterprise to so confuse his mind as to make him susceptible to some extraordinary experiment. It is my intention to locate the captain and warn him before the experiment reaches its conclusion, which logic indicates means the end of the captain's life as he knows it.* – «14829: 3–16: КОРАБЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ: [Пустой мостик]: звездная дата 5423.8. Докладывает первый помощник Спок. Очевидно, приспешники Гидеона перенесли капитана Кирка на эту копию Энтерпрайза с целью так сбить его с толку, чтобы сделать его восприимчивым к какому-то необычному эксперименту. Я намерен найти капитана и предупредить его до того, как эксперимент достигнет своего завершения, что, согласно логике, означает конец жизни капитана, какой он ее знает».

2502: 1–10: *SPOCK: [Sickbay]: Enterprise log. First officer Spock, acting captain. I must now use an ancient Vulcan technique to probe into Van Gelder's tortured mind.* – «2502: 1–10: СПОК: [Лаза-рет]: Журнал «Энтерпрайза». Первый помощник Спок, исполняющий обязанности капитана. Теперь мне нужно применить древнюю вулканскую технику, чтобы проникнуть в измученный пытками разум Ван Гелдера».

Корабельный врач и близкий друг Кирка доктор Маккой ведет журнал скорее не как отчет, а как рассуждение с самими собой.

10626: 2–20: *MCCOY: [Cave]: Medical log, stardate 4211.8. Kirk is right about the people here. Despite their fear and our strangeness, they're compassionate and gentle. I've learned the hunter Tyree is now their leader. He is expected to return shortly with his wife, who they say knows how to cure this poison. My problem. The captain is in deep shock. I must keep him warm and alive until then.* – «10626: 2–20: МАККОЙ: [Пещера]: Медицинский журнал, звездная дата 4211.8. Кирк прав насчет здешних людей. Несмотря на их страх и нашу

странность, они сострадательны и обходительны. Я узнал, что охотник Тайри теперь их лидер. Ожидается, что он скоро вернется со своей женой, которая, как говорят, знает, как вылечиться от этого яда. Моя проблема. Капитан в глубоком шоке. Я должен держать его в тепле и в живых до тех пор».

10849: 2–21: MEDICAL LOG: [Briefing room]: Stardate 4770.3. Do I list one death or two? When Kirk's body died, Sargon was too far distant from his receptacle to transfer back. Sargon is dead. But is Captain Kirk dead? His body is, but his consciousness is still in the receptacle into which it was transferred earlier. – «10849: 2–21: МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ: [Комната для брифингов]: звездная дата 4770.3. Мне записать одну смерть или две? Когда тело Кирка умерло, Саргон был слишком далеко от своего вместилища, чтобы переместиться обратно. Саргон мертв. Но мертв ли капитан Кирк? Его тело мертво, но его сознание все еще находится во вместилище, в которое оно было перемещено ранее».

Главный инженер Скотт полностью поглощен своей деятельностью и безукоризненно следует уставу Звездного флота. Он говорит кратко и точно, хотя это не мешает ему излагать свои мысли несколько вычурно.

5450: 1–24: SCOTT: [Council Room]: Ship's log, stardate 3193.0. Chief Engineer Scott recording. The Captain and First Officer are overdue and missing on the surface of Eminiar Seven. I have taken standard precautionary measures while we continue our attempts to locate them. – «5450: 1–24: СКОТТ: [Зал Совета]: Бортовой журнал, звездная дата 3193.0. Говорит главный инженер Скотт. Капитан и первый помощник задержались и пропали на поверхности Эминиар 7. Я принял стандартные меры предосторожности, пока мы продолжаем попытки их найти».

8598: 2–10: SCOTT: [Cochrane's home]: Ship's log, stardate 3220.3. Lieutenant Commander Scott reporting in lieu of the Captain and the first officer. We are continuing our search for the missing shuttlecraft. – «8598: 2–10: СКОТТ: [Дом Кокрейна]: бортовой журнал, звездная дата 3220.3. Лейтенант-командер Скотт докладывает, замещая капитана и первого офицера. Мы продолжаем поиски пропавшего шаттла».

Заключение

Итак, бортовые журналы во вселенной «Звездного пути» представлены в основном записями капитана или замещающего

его лица и играют важную роль, создавая хронологическую структуру телесериала, усиливая научно-фантастическую атмосферу и раскрывая внутренний мир персонажей. Использование «звездных дат» в начале записи журнала способствует точной хронологической привязке событий, а также помогает зрителю ориентироваться во времени, что особенно важно в мультисерийных сюжетах и путешествиях во времени. Бортовые журналы придают реалистичность и научную обоснованность фантастического мира, способствуя погружению зрителя в атмосферу будущего и укрепляя авторитетность сериала как образца научной фантастики. В совокупности, бортовые журналы выступают значимым инструментом, рисуя сюжетные линии, раскрывающим характеры и создающим уникальный языковой и эстетический портрет вселенной «Звездного пути».

Список литературы

- Горожанов А.И.* Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем: (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 11 (892). – С. 24–30. – EDN BCSCXQ.
- Горожанов А.И.* Скрипт телесериала как объект корпусного исследования: (на материале саги «Звездный путь») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 3 (897). – С. 17–24. – EDN UWZHKG.
- Горожанов А.И., Гусейнова И.А., Степанова Д.В.* Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста: (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2022. – № 4 (119). – С. 7–13. – EDN PXAVUX.
- Духовная Т.В.* Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1–1 (43). – С. 64–66. – EDN TBXXXXP.
- Зыкова И.В., Красикова Е.А.* Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 182–207. – DOI 10.21638/spbu09.2024.110. – EDN GNFIXT.
- Катермина В.В., Бирюкова П.С.* Гендерный потенциал неологизмов англоязычного кинодискурса. – Краснодар: КубГУ, 2023. – 179 с.
- Прокофьева О.Н.* Перспективы применения технологии айттрекинга для вербализации жестов в аудиодескрипции // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5 (61). – С. 408–413. – EDN MHYOSF.

Теряева Я.О. Современные исследования вербальных компонентов кинофильма: обзор проблемы // Человек – язык – компьютер: Формальное в неформальном: Сборник научных статей по результатам 2-й Научно-практической (заочной) конференции с международным участием, Москва, 07 ноября 2024 года. – Москва: МГЛУ, 2025. – С. 77–83. – EDN HOBZTS.

References

- Gorozhanov A.I. *Arkhitektura sbalansirovannogo lingvisticheskogo korpusa, poluchennogo avtomaticheskim putem: (opyt Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta)* [Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically: (experience of Moscow State Linguistic University)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2024. N 11 (892). Pp. 24–30. – EDN BCSCXQ. (In Russian)
- Gorozhanov A.I. *Skript teleseriala kak ob'ekt korpusnogo issledovaniya: (na materiale sagi «Zvezdnyi put'») [TV series script as an object of corpus research: (based on “Star Trek” saga)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2025. N 3 (897). Pp. 17–24. – EDN UWZHKG. (In Russian)
- Gorozhanov A.I., Guseinova I.A., Stepanova D.V. *Standartizirovannaya protsedura polucheniya statisticheskikh parametrov teksta: (na materiale tsikla rasskazov Dzh. Londona «Smok Bel'yu. Smok i Malysh») [Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text: (on the material of the stories by J. London “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”)]. In: Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology]. 2022. N 4 (119). Pp. 7–13. – EDN PXAVUX. (In Russian)
- Dukhovnaya T.V. *Strukturnye sostavlyayushchie kinodiskursa* [Structural components of film discourse]. In: *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2015. N 1–1 (43). Pp. 64–66. – EDN TBXXXP. (In Russian)
- Zykoba I.V., Krasikova E.A. *Emotivnaya leksika v kinodiskurse s pozitsii lingvokreativnosti: (na materiale fil'mov na angliiskom, russkom i kitaiskom yazykakh)* [Emotive units in the cinematic discourse from the position of linguistic creativity: (the case study of films in English, Russian and Chinese)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]. 2024. T. 21, N 1. Pp. 182–207. – DOI 10.21638/spbu09.2024.110. – EDN GNFIXT. (In Russian)
- Katermina V.V., Biryukova P.S. *Gendernyi potentsial neologizmov angloyazychnogo kinodiskursa* [Gender Potential of Neologisms in English-Language Film Discourse]. Krasnodar: KubGU, 2023. 179 p. – EDN EGHUHN. (In Russian)
- Prokofieva O.N. *Perspektivy primeneniya tekhnologii aitrekinga dlya verbalizatsii zhestov v audiodeskriptsii* [Eye-tracking prospects for gesture verbalisation in audiodescription]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2024. N 5 (61). Pp. 408–413. – EDN MHYOSF. (In Russian)
- Teryaeva Y.O. *Sovremennye issledovaniya verbal'nykh komponentov kinofil'ma: obzor problemy* [Modern research of verbal components of the film: an overview of the

problem]. In: *Chelovek – yazyk – komp'yuter: Formal'noe v neformal'nom* [Human – Language – Computer: Formal in Informal]: Proceedings of the 2nd scientific and practical (distance) conference with international participation, Moscow, 07 Nov. 2024. Moscow: MSLU, 2025. Pp. 77–83. – EDN HOBZTS. (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2025.04.10

Яковлева Э.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
АСПЕКТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ.
К 110-ЛЕТИЮ ИРИНЫ ИВАНОВНЫ ЧЕРНЫШЕВОЙ. –
МОСКВА: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. – 176 с.**

Аннотация. В коллективной монографии, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Чернышевой, выдающегося ученого-германиста, объектом представленных исследований являются проблемы фразеологии. Освещаются наиболее общие и частные аспекты фразеологической устойчивости, а также ее относительности с учетом внутрисистемных фразеологических, когнитивных, дискурсивных и лингвокультурологических факторов с опорой на данные частной и сравнительной фразеологии. Исследуются наиболее актуальные в современной фразеологии аспекты: фразеологическая семантика, универсальное и специфическое во фразеологии, фразеологические модификации, авторская фразеология, историческая фразеология.

Ключевые слова: фразеология; фразеологические единицы, фразеологическая семантика; идиоматичность; национально-культурная специфика; устойчивые словесные комплексы (УСК).

Для цитирования: Яковлева Э.Б. Рецензия на монографию: Аспекты фразеологической устойчивости. К 110-летию Ирины Ивановны Чернышевой. – Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. – 176 с. // Социальные и

¹ © Яковлева Э.Б., 2025

Яковлева Эмма Борисовна – доктор филологических наук, профессор ф-та лингвистики МГТУ им Н.Э. Баумана; jakovlevaemma@mail.ru

Yakovleva E.B.*

**MONOGRAPH REVIEW:
ASPECTS OF PHRASEOLOGICAL STABILITY. DEDICATED
TO THE 110th ANNIVERSARY OF IRINA IVANOVNA
CHERNYSHEVA. – MOSCOW: FSBEI IN MGLU, 2022. – 176 P.**

Abstract. In the collective monograph dedicated to the 110 th anniversary of the birth of I.I. Chernysheva, an outstanding German scholar, the problems of phraseology are the object of the presented research. The most general and particular aspects of phraseological stability, as well as its relativity, are highlighted, taking into account intra-systemic phraseological, cognitive, discursive and linguocultural factors based on data from private and comparative phraseology. The most relevant aspects in modern phraseology are investigated: phraseological semantics, universal and specific in phraseology, phraseological modifications, author's phraseology, historical phraseology.

Keywords: phraseology; phraseological units, phraseological semantics; idiomaticity; national and cultural specificity; stable verbal complexes (USCS).

For citation: Yakovleva E.B. Review of the Monograph: Aspects of Phraseological Stability. Dedicated to the 110th Anniversary of Irina Ivanovna Chernysheva. Moscow: FSBEI IN MGLU, 2022. 176 p. // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literature* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – P. 139–151. DOI: 10.31249/ling/2025.04.10

Научное наследие И.И. Чернышевой, выдающегося ученого-германиста, доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, находилось и находится в центре внимания лингвистов. Ее исследования по лексикологии немецкого языка служат ориентиром для молодых ученых в выборе актуальных направлений для дальнейших изысканий в лексическом составе языка и являются источником оригинальных новаторских идей.

* Yakovleva Emma Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, MGTU named after N.E. Bauman; jakovlevaemma@mail.ru

Монография посвящена 110-летию со дня рождения Ирины Ивановны и подготовлена на кафедре лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ, с которой связан весь ее профессиональный путь и которой она заведовала более сорока лет.

В работе освещаются как общие, так и частные аспекты фразеологической устойчивости с учетом внутрисистемных фразеологических, а также лингвокультурных факторов с опорой на данные частной и сравнительной фразеологии. Среди исследуемых аспектов: проблемы фразеологической семантики; фразеологическое варьирование; современные тенденции фразеологических модификаций; уникальное и универсальное во фразеологии; фразеологические неологизмы; авторская фразеология; историческая фразеология.

Монография состоит из шести глав: 1. «Zur Kategorie der Idiomatizität und ihrem Verhältnis zur Phraseologie» (д. филол. н., проф. Д.О. Добровольский), 2. «Взаимодействие семиотических систем во фразеологическом пространстве» (к. филол. н., доц. Е.И. Карпенко, маг. Ю.И. Годяева, к. филол. н., доц. Е.С. Панкратьева), 3. «Национально-культурная специфика фразеологизмов и развитие фразеологической семантики» (к. филол. н., доц. А.В. Анищенко, к. филол. н. А.А. Клиновская, к. филол. н. В.В. Стрельцова), 4. «Концептуальные основания идиом и паремий и аспекты развития фразеологической семантики» (к. филол. н. М.И. Дойникова, преп. В.А. Куликова, преп. М.А. Иванова), 5. «Парадигматические отношения во фразеологии в синхронии и диахронии» (д. филол. н., проф. А.Е. Гусева, к. филол. н., доц. Е.Н. Цветаева), 6. «Устойчивые словесные комплексы в литературном тексте: о регулярных реализациях и авторских креативных решениях» (к. пед. н, проф. Н.В. Любимова).

В первой главе, написанной на немецком языке, читатель вводится в проблематику категории идиоматичности и ее отношения к фразеологии. Обсуждаются вопросы идиоматичности как лингвистической категории, идиоматичности и образности, идиоматичности и семантической непредсказуемости. В частности, отмечается, что идиоматичность является одним из основных свойств речи и текста. В специальной литературе эта категория ассоциируется с «семантической реинтерпретацией» (с. 23), образностью и т.д. Каждое из этих свойств связано с данной категорией, но имеет специфические характеристики и, следовательно, коррелирует только с определенными ее аспектами. В более общем плане идиоматичность можно понимать как отклонение от

обычного, ожидаемого, как невозможность получить смысл целого из смысла его составных частей. Все, «что выходит за рамки правил», является идиоматичным (с. 23). Таким образом, понятие идиоматичности намного шире, чем понятие фраземы. По этой причине идиоматические признаки «не могут быть использованы в качестве оперативных инструментов, которые позволили бы определить границы фразеологии» (там же). Но эта категория как противоречивое понятие, тем не менее, имеет ключевое значение для теоретического осмысления во фразеологии. Поскольку современные фразеологические исследования существенно расширили границы данной предметной области, чему в решающей степени способствовала И.И. Чернышева, идиоматичность, наряду с полилексичностью и устойчивостью, является характеристикой, объединяющей фраземы разных классов и типов в особую подсистему лексики.

Во второй главе в фокусе внимания исследователей находится проблема взаимодействия семиотических систем во фразеологическом пространстве. Освещаются вопросы лингвокультурных процессов как факторов (не)устойчивости в немецкой фразеологии, а также проблемы фразеологии в иконотекстах XV–XVII вв.

Лингвокультурологическое исследование фразеологических аспектов традиционно обращено на факты аккумуляции фразеологизмами культурной информации, хранящейся в культурной памяти этноса и ее передачи от поколения к поколению. В качестве одного из путей обогащения культурой этнической памяти рассматривается семиотический трансфер, то есть переход фразеологического образа из одной семиотической системы в другую как частный случай культурной трансляции на одном из синхронных срезов культуры. При межсемиотическом трансфере происходит «адаптация фразеологических срезов к условиям иной семиотической системы» (с. 24), что неизбежно ведет к их изменению. Приводится пример библейского сюжета о грехопадении с яблоком от «древа познания добра и зла» (там же), есть плоды которого запрещено. Яблоко как фруктовый плод представляет фразеологический образ, адаптированный в невербальной семиотической системе (например, в изобразительном искусстве), прошедший процесс отбора в культурной памяти. «Именно поэтому идея *притягательности искушения*, заключенная во фразеологическом образе *запретного плода / verbotene Frucht*, будет визуализирована при помощи яблока, которое в этом случае предстанет символом искушения» (там же).

Таким образом, (не)устойчивость культурных моделей понимается как возможность и одновременно ограниченность трансформаций на основе стабильного концептуального основания рассматриваемого типа когнитивных структур. Культурные процессы, с одной стороны, обеспечивают сохранение и постоянную рекуррентность фразеологических образов в коммуникации, являясь одним из экстралингвистических факторов их устойчивости, с другой стороны, культурные процессы способствуют обновлению, трансформации и обогащению фразеологических образов новыми элементами.

В современной научной литературе не ослабевает интерес к изучению мультимедиальности, характеризующейся интегрированием различных семиотически гетерогенных элементов – вербальных, визуальных, аудиальных и др. – в единое целое.

Повышенное внимание исследователей направлено, в частности, на изучение визуального модуса коммуникации. Благодаря развитию новых мультимедийных технологий широкое распространение получили вербально-визуальные поликодовые единства, основанные на языковой игре (рекламные тексты, комиксы, интернет-мемы и т.д.). Наибольший прагматический эффект при этом достигается посредством визуализации фразеологических единиц.

Представление фразеологического образа в другой семиотической системе приводит к созданию гибридного текстового пространства, в котором устойчивая единица и ее изображение взаимодействуют на семантическом и когнитивном уровнях.

Одновременное функционирование фразеологизмов в различных модусах свойственно не только современной коммуникации. Свидетельства интеграции вербальных и графических знаков можно найти и на более ранних этапах развития языка. Так, особой бимедиальностью отличается эпоха Средневековья и Возрождения. Комбинирование вербальных и изобразительных средств является отличительной чертой рассматриваемого периода, а потому и неотъемлемой частью большинства произведений того времени.

В данной главе рассматривается бимедиальный характер произведений, созданных совместным творчеством таких великих авторов, писателей и художников, как Эразм Роттердамский, Иоганн Агрикола, Себастьян Франк, Кристиан Эгенольф, Франсуа Рабле, Себастьян Брандт, Альбрехт Дюрер, Томас Мурнер, Ганс Гольдбейн Младший, Питер Брейгель Старший и др.

Таким образом, проведение исторических фразеологических изысканий доказывает, что изучение визуальной культуры прошлых эпох не только интересно, но и способствует правильной интерпретации художественного замысла автора, его адекватному декодированию. Семиотическая гибридизация, представленная в несовременных текстах, обладает значительным исследовательским потенциалом в области исторической фразеологии и теории полимодальности.

В третьей главе анализируется национально-культурная специфика фразеологизмов и развитие фразеологической семантики. В рамках данного аспекта рассматриваются эмотивные фразеологические единицы как носители этнокультурной информации; компонент цветообозначения в составе фразеологизмов на материале публицистики ФРГ и Австрии; лингвокультурные сравнительные модели с антропонимом *Mozart*.

Отмечается, что хотя поведение человека в разных ситуациях различно, тем не менее, оно подчинено конкретным социальным нормам и по этой причине типизировано. Способ представления мира в языках разных народов национально обусловлен в силу разных причин – «природных, социальных, культурно-исторических, этнопсихологических» (с. 48), что находит отражение в специфике организации процессов речевого общения.

Эмоции как неотъемлемая часть жизнедеятельности человека индивидуальны, так как каждый индивид своеобразно их проявляет, что связано с особенностями его психики и зависит от индивидуальных черт характера и темперамента. С другой стороны, эмоции социально и национально обусловлены, так как их своеобразие усваивается индивидом в процессе социализации. Способы выражения эмоций значительно различаются от культуры к культуре.

Являясь неотъемлемым компонентом духовности, эмоции, при всей своей универсальности, проявляют в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную субъективностью отражения действительности говорящим субъектом.

В этнокультурной маркированности наиболее наглядны единицы вторичной номинации, главным образом, фразеологические единицы (ФЕ). Возникает вопрос, почему именно они выступают в эмотивной функции. С одной стороны, ФЕ всегда субъективны. Их задача состоит, в основном, не в описании мира, а в его оценке, интерпретации. С другой стороны, эмоция как проявление человеческой психики также субъективна и как явление субъективное

«не может рассматриваться в качестве денотата эмотивных единиц» (с. 50). Для объективации эмоционального смысла необходимо предметное, но эмоционально значимое основание, которое и предоставляет ФЕ. Возникает некая «прототипическая эмоциональная ситуация» (там же), соответствующая буквальному значению фразеологизма. За ней закрепляется содержание, которое формирует образ фразеологизма на основе первичных значений слов в прототипической ситуации. Данные положения иллюстрируются большим количеством примеров из австрийского корпуса этномаркированных эмотивов, входящих в состав ФЕ.

Следующий раздел данной главы посвящен анализу функционирования ФЕ с компонентом цветообозначения на материале текстов СМИ ФРГ и Австрии. Изучение символики цвета позволяет наглядно представить связь картины мира и языка, а именно особенности отражения социальной действительности в языковой картине мира.

Фразеологизмы с компонентом цветообозначения демонстрируют высокую частотность употребления, что наглядно показывает изучение политической публицистики в СМИ Германии и Австрии.

Теоретической базой для исследования послужили работы В. Фляйшера, Г. Бургера, У. Фикс, И.И. Чернышевой, Д.О. Добровольского, Э. Пириайнен и др.

В данном разделе обсуждаются следующие вопросы: с какой целью используется фразеологизм с компонентом цветообозначения в тексте; какова функция цветового компонента; как используются цветовой компонент и фразеологизм в условиях авторского преобразования; насколько трансформируются значения цветового компонента и самого фразеологизма и какие виды трансформации эффективны для создания новых значений.

С целью классификации рассматриваемых фразеологизмов используется подход, предложенный И.И. Чернышевой, в соответствии с которым критериями отбора служат частеречная принадлежность компонентов и синтаксическая функция. Исследуются фразеологизмы, содержащие в качестве основных компонентов почти всю базовую цветовую палитру.

Таким образом, в публицистических текстах основная функция фразеологизмов с компонентом цветообозначения в немецкоязычных публицистических текстах заключается в привлечении внимания и в придании текстам наибольшей образности и экспрессивности. Большинство рассмотренных фразеологизмов с

компонентом цветообозначения обладает национально-культурной спецификой. Благодаря смысловой полисемантической они позволяют в компрессивной форме охарактеризовать событие или факты. Фразеологизмы, содержащие цветообозначения, часто подвергаются модификации и служат созданию языковой игры. Они характеризуются сочетанием номинативной и оценочной функций; создаются путем игры слов на основе двойной актуализации, культурнообусловленного символического значения цвета и цвета символики политических партий немецкоговорящих стран.

В следующем разделе третьей главы рассматривается использование во ФЕ антропонимов, в частности лингвокогнитивные сравнительные модели с антропонимом *Mozart*. Обосновывается тезис о том, что антропоним с сравнительным значением подвергается деонимизации, и выдвигается гипотеза о том, что такой антропоним, обозначающий широко известную в какой-либо сфере личность, находится на пути к фразеологизации.

Вольфганг Амадей Моцарт, композитор и виртуоз XVIII в., оказавший колоссальное влияние на развитие музыки, с самых ранних лет отличался незаурядным талантом. Многогранность его таланта, драматизм и легкость его произведений позволяют и по сей день считать его музыкальным гением. Эта экстралингвистическая информация находит отражение в структуре значения антропонима *Mozart*.

Антропоним *Mozart* представляет собой сложное образование с когнитивно-матричной структурой представления знания.

Ядро антропонима объединяет в себе характеристики, присущие носителю этого имени: внешность, характер, умственные и физические качества, мировоззрение, деятельность, ситуацию. Как правило, в основе сравнения находятся именно ядерные характеристики. Наиболее продуктивным основанием сравнения в анализируемых в данном разделе примерах можно назвать такие характеристики, как деятельность, умственные и физические качества, что обусловлено биографией великого композитора.

Как показал анализ, в сравнениях *wie Mozart* всегда актуализируются ядерные характеристики антропонима, которые при деонимизации становятся его символьным значением. В данном случае на первый план выдвигается характеристика гениальности и всемирной известности. Такой характер языковой единицы позволяет использовать ее в качестве своего рода оценочной шкалы, на которой *Mozart* выступает в роли эталона того или иного признака.

Сравнения *wie Mozart* функционируют не только в музыкальных контекстах, но и могут переноситься в другие области.

Четвертая глава монографии посвящена концептуальным основаниям идиом и паремий, а также аспектам развития фразеологической семантики. Рассматриваются устойчивые словесные комплексы (УСК) как отражение лингвокультурной специфики концепта ДРУЖБА, а также категория темпоральности в немецких пословицах и поговорках.

Концепт ДРУЖБА является одним из ключевых концептов практически во всех культурах. Он занимает важное место в национальном языковом сознании. Несмотря на универсальность данного концепта, в нем обнаруживаются существенные национально-культурные различия.

Концепт относится к сознанию и включает не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образные характеристики. Различают *понятийную, образную и ценностную* стороны этого концепта.

Понятийная сторона концепта – это его языковая фиксация, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов.

Предметно-образная составляющая концепта понимается как целостное, обобщенное представление в сознании индивида, которое ассоциируется с каким-либо событием, предметом, качеством. В немецкоязычной культуре дружба ассоциируется с пространственной близостью, с чем-то нерушимым и ценным. Дружба – это взаимное доверие, готовность прийти на помощь в любое время и в любой ситуации.

Ценностная сторона концепта отражает важность этого феномена как для индивида, так и для социума и является определяющей.

Для анализа лингвокультурной специфики концепта ДРУЖБА были выбраны УСК немецкого, английского и русского языков с компонентами *Freund/Freundschaft; friend/friendship; друг/дружба*.

На основе анализа были выделены пять основных тематических групп:

1. Проверка дружеских отношений трудностями.
2. Дружба как высокая ценность.
3. Взаимосвязь дружеских и деловых отношений.
4. Дружба проверяется временем.
5. Сопоставление дружбы и любви.

Анализ показал, что концепт *Freundschaft/Friendship/Дружба* является одним из ключевых концептов в рассматриваемых лингвокультурах. Многие смысловые аспекты дружеских отношений отражаются во фразеологических системах рассматриваемых культур сходным образом. В немецком, английском и русском языках есть ФЕ с одинаковыми денотативными и коннотативными компонентами. Это объясняется общностью понимания основных принципов и элементов дружеских отношений в этих культурах. Проведенное исследование демонстрирует способность УСК отражать лингвокультурную специфику концепта.

В следующем разделе данной главы обсуждается категория темпоральности в немецких пословицах и поговорках.

Отмечается, что концепт ВРЕМЯ является составляющей картины мира большинства народов и относится к универсальным понятиям. Интересным при этом является тот факт, что, несмотря на универсализм данного концепта, он отличается и определенной национальной спецификой, отражающей представление о времени, которое складывалось на протяжении веков в языковом сознании представителей определенной культуры. Пословицы, наряду с поговорками и фразеологизмами, – яркое воплощение жизненного опыта народа и часть его картины мира.

Изучение восприятия времени разными народами является важным для успешной межкультурной коммуникации, так как различия в интерпретации языковых единиц темпоральной семантики может стать причиной коммуникативных неудач при взаимодействии представителей разных культур.

В ходе исследования было отобрано и проанализировано 50 русских и 57 немецких пословиц и поговорок с компонентами концепта ВРЕМЯ. Примеры приводятся в ряде таблиц (с. 91–95).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о большом сходстве пословичной картины мира в русском и немецком языках, что обусловлено близкими условиями ее формирования: крестьянский быт, зависимость жизни и деятельности от суточного, сезонного хода времени, неграмотность крестьянского населения. Наиболее частотны такие понятия, как «день», «час», «жизнь» и обозначения времени года, имеющие явный народный характер.

В пятой главе анализируются парадигматические отношения во фразеологии в синхронии и диахронии. Первый раздел посвящен рассмотрению антонимических отношений во фразеологии в рамках лексико-фразеологического поля на материале немецкого и русского языков.

Фразеологические антонимы И.И. Чернышева определяет по аналогии с лексическими антонимами как фразеологизмы с противоположным значением, указывая на то, что в силу своего многокомпонентного состава фразеологические антонимы обладают своими особенностями семантики и структуры (Степанова, Чернышева, 2003, с. 203).

В разделе излагается опыт выявления фразеологических антонимов с использованием полевого подхода – лингвокогнитивного моделирования четырех лексико-фразеологических полей (ЛФП) русского и немецкого языков – «мыслительная/речевая/слуховая/-зрительная деятельность» (с. 99). Разработана 29-мерная универсальная идентификационная структурная модель макро- и микрополей на базе концептов, которые отражают основные виды коммуникативной деятельности человека. Данные представлены в таблицах (с. 99–101).

Анализ исследуемых ЛФП показал наличие нескольких типов фразеологических антонимов в зависимости от признака их разграничения. Выделены три таких признака: 1) структурный, 2) семантический, 3) коннотативный.

На основании проведенного анализа заключается, что фразеологическая синонимия и антонимия различаются между собой в том, что фразеологическая синонимия проявляется в сближении семантических признаков. Основным параметром фразеологической антонимии является полное расхождение тех же смысловых различительных семантических признаков.

В пятой главе освещаются и мифопоэтические основания «темпоральной» фразеологии (с. 109). Представлены результаты исследования лексем, тематически относимых к категории темпоральности, фразем, в состав которых они входят. В данном случае фразеологическая номинация концептуально не отличается от первичной номинации лексем, формирующих выражение, однако презентурует иные смыслы (там же).

Время, как и пространство, относится к базовым категориям традиционной картины мира. Различают время мифологическое, циклическое, бесконечное, и время историческое, линейное, дискретное. В данном исследовании рассматривается мифологическое время.

Миф проявляется в лексической семантике, влияя на парадигматические и синтагматические отношения слов. Мифологическое описание предметов, событий и явлений окружающего мира связано с узнаванием, отождествлением. Исследователи выделяют

в семантической структуре слова некий элемент, называемый «мифосемой» (с. 111), скрытый от поверхностного взгляда, но актуализирующийся во взаимодействии с другими лексемами, позволяющий обнаружить себя при этимологическом и историческом семантическом анализе.

Шестая заключительная глава монографии посвящена описанию устойчивых словесных комплексов (УСК) в литературном тексте.

Рассматриваются так называемые «авторские фразеологизмы» (с. 119). По параметру устойчивости авторские фразеологизмы существенно отличаются от обычных идиом, поэтому в качестве авторских рассматриваются только такие УСК, которые созданы конкретным автором и не употребляются вне контекста его творчества, либо такие, которые подверглись структурной или семантической трансформации (Баранов, Добровольский, 2008, с. 495).

Собственно авторские идиомы иллюстрируются большим количеством примеров из художественной литературы на немецком языке. Среди анализируемых авторов: Томас Манн, Гюнтер Грасс, Рита Фальк и др.

Высокая текстообразующая активность авторских УСК показывает, что рассмотрение вопроса об их текстообразующих функциях в современной художественной литературе позволяет освоить новые приемы анализа и открывает дополнительные уровни интерпретации, в том числе с учетом эстетических возможностей анализируемых произведений и авторского потенциала.

Таким образом, в рецензируемой монографии представлено обобщенное понимание фразеологической устойчивости в том смысле, в каком его понимала И.И. Чернышева, дополненное новым видением этого языкового феномена в изысканиях других лексикологов в разных аспектах фразеологической науки.

В монографии на богатом иллюстративном материале доказывается феномен национально-культурной специфики фразеологизмов и развитие фразеологической семантики.

Актуальность представленных в коллективной монографии исследований определяется неослабевающим интересом лексикологов к обсуждаемой теме.

Научная новизна исследований состоит в многоаспектном характере представления фразеологической устойчивости в рамках разных подходов.

**Рецензия на монографию: Аспекты фразеологической устойчивости.
К 110-летию Ирины Ивановны Чернышевой**

Монография представляет интерес не только для лексикологов-германистов, но и для широкого круга специалистов в области языка, культуры, межкультурной коммуникации.

Список литературы

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.

Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. – Москва : Академия, 2003. – 252 с.

References

Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of Phrasological Theory]. Moscow: Znak, 2008. 656 p.

Stepanova M.D., Chernysheva I.I. *Leksikologiya sovremennogo nemeckogo yazyka* [Lexicology of Modern German]. Moscow: Akademiya, 2003. 252 p.

Опарина Е.О.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА. ЯЗЫК И МИР.
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИНЫ ДАВИДОВНЫ
АРУТЮНОВОЙ / отв. ред. М.Л. Ковшова.
Институт языкознания РАН. – Москва:
«КАНЦЛЕР», 2024. – 510 с.**

Аннотация. В рецензируемом сборнике собраны материалы очередной конференции, проведенной проблемной группой «Логический анализ языка» и посвященной 100-летию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. Сборник состоит из шести разделов, в которых разрабатываются аспекты общей темы – взаимоотношения человека и языка, способы отображения мировосприятия человека и его опыта в языке и вербальной коммуникации. Работы, представленные в сборнике, в значительной степени основываются на идеях Н.Д. Арутюновой, на ее подходах к исследованию языка. Ученики и последователи выдающегося лингвиста стараются осмыслить значение ее научного наследия.

Ключевые слова: Н.Д. Арутюнова – работы и научная деятельность; история языка; язык и человек; концептуализация мира в лексемах и идиомах; дискурсы; образы и смыслы в художественных текстах.

Для цитирования: Опарина Е.О. Рецензия на книгу: Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой / отв. ред. М.Л. Ковшова. Институт языкознания РАН. – Москва: «Канцлер», 2024. – 510 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 4. – С. 152–158. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.11

¹ Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; elenoparina@gmail.com

Опарина Е.О.*

BOOK REVIEW:

**LOGICAL ANALYSIS OF LANGUAGE. LANGUAGE AND
WORLD. IN MEMORIAM NINA D. ARUTYUNOVA ON THE
OCCASION OF HER 100TH BIRTHDAY / ed.-in-chief:
M.L. Kovshova. Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences. – Moscow: “KANTSLER”, 2024. – 510 P.**

Abstract. The reviewed collection of works includes the materials of a conference held by the Investigation Group “Logical Analysis of Language” in 2023 and devoted to the 100th birthday of N.D. Arutyunova, the founder of the Group. The edition incorporates 6 chapters dealing with the topics of interrelations between language and human worldviews, as well as the ways of human experiences coding in language and verbal communication. The works presented in the book are based, to a great extent, on the ideas of N.D. Arutyunova and on her approaches to the investigation of language. Disciples and followers of the outstanding linguist are comprehending the role of her scientific heritage.

Keywords: N.D. Arutyunova – her works and scientific activity; history of language; language and human being; conceptualization of the world in lexemes and idioms; images and senses in literary texts.

For citation: Опарина Е.О. Book Review: Logical Analysis of Language. Language and World. In Memoriam Nina D. Arutyunova on the Occasion of Her 100th Birthday / ed.-in-chief: M.L. Kovshova. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: “Kantsler”, 2024. – 510 p. // *Social'nye I gumanitarnye nauki. Otechestvennaja I zarubezhnaja literatura. Serija 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – P. 152–158. DOI: 10.31249/ling/2025.04.11

В рецензируемом издании собраны материалы, основанные на докладах, которые были представлены на конференции «Язык и мир», состоявшейся в Институте языкознания РАН 11–13 мая 2023 года. Конференция была посвящена столетию со дня рождения выдающегося российского лингвиста Нины Давидовны Арутюновой.

* Опарина Елена Олеговна – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics, INION RAN; ellenoparina@gmail.com

В 1986 г. Ниной Давидовной была создана проблемная группа «Логический анализ языка». По итогам конференций, проведенных группой, начиная с 1988 г., были изданы 30 сборников, и рецензируемое издание входит в их серию. Перечислим некоторые из выпусков серии [«Знание и мнение, 1988; «Референция и проблемы текстообразования», 1989; «Культурные концепты», 1991; «Ментальные действия», 1993; «Истина и истинность в культуре и языке», 1995; «Язык и время», 1997; «Космос и хаос», 2003; «Между ложью и фантазией», 2008; «Перевод художественных текстов в разные эпохи», 2012; «Числовой код в разных языках и культурах «Понятие веры в разных языках и культурах», 2018; и др.]. Ответственный редактор сборника М.Л. Ковшова в предисловии «От редактора» пишет: «Почти в каждом сборнике первой шла статья Нины Давидовны Арутюновой, где задавались научные “координаты” того проблемного пространства, куда устремлялся ведомый ею Логический “корабль” языка» (с. 11).

Участники издания вспоминают о том, какое значение Нина Давидовна придавала созданию Проблемной группы и ее работе. В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина пишут: «И само собиранье ею людей для группы «Логический анализ языка» было также особое действие – решительное, радикальное, поперек сложившихся научных компаний, направлений, тем и даже политических взглядов [...]. И это разношерстное собрание [...] сблизило людей и показало, что на самом деле все шелуха, а настоящая интересная наука – единственное, что важно» (с. 14).

Названия сборников, изданных по материалам конференций, отражают широту интересов Нины Давидовны, которые, особенно в «зрелый» период ее исследовательской работы, сосредоточены вокруг одной темы, ставшей в последние десятилетия ключевой для лингвистической проблематики. Это – антропологически ориентированное изучение языка, в котором формируются и отображаются мировидение и миропонимание человека, развивающиеся и меняющиеся в контексте культурно-исторических и социальных условий. Таким образом, как правильно отметил в своей статье один из участников сборника А.Э. Левицкий, центральное место в научных интересах Н.Д. Арутюновой и ее учеников и последователей занимает «человек как некое связующее звено между языком и миром» (с. 420). Важно также подчеркнуть, что предметом изучения стал не только внешний мир, окружающий человека, но и его внутренний мир (там же).

Названия разделов рецензируемого издания, в котором приняли участие более 50 авторов (а именно 51), также дают представление о широте тематики и о множестве возможных подходов к ее исследованию: «Язык. Мир. Личность»; «Грамматика. Семантика. Прагматика»; «Языковая концептуализация мира и вопросы переводимости»; «Семантика и идиоматика мира»; «Образы и смыслы в мире человека и социума»; «Мир в художественных текстах и дискурсах».

С.А. Крыловым в статье «Об основных тематических разделах научного наследия Н.Д. Арутюновой» проведено тематическое и хронологическое упорядочение исследовательской работы Н.Д. Арутюновой, которое дает представление о масштабе ее интересов и об их развитии. Всего выделено 17 разделов. Назовем некоторые из них: Раздел I. Испанский язык (включая вопросы грамматики, семантики, особенностей испанского диалога, общие вопросы касающиеся языка и страны); Раздел II. Романские языки (о морфологии и синтаксисе). 60-е и 70-е годы; Разделы III–IV. Методы лингвистических исследований; Теория языка (о структурных и традиционных методах в грамматике, о трудах американских дескриптивистов и о структурной лингвистике, в том числе об американском структурализме; о языковом знаке и общих проблемах лингвистической теории, о единицах структуры языка). Преимущественно 70-е годы; Раздел V. Лингвистическая семантика 1977–1982 гг.; Раздел VI. Общая теория языка речи. 1978–1990 гг.; Раздел IX. Теория оценки (аксиология). 1983–1987.

Семинар «Логический анализ языка» (его тематика на первых этапах), упоминающийся в Разделе XII, относится к 1987–1998 гг. К Разделам XIII и XIV, охватывающим 1990–1998 гг., относятся работы, предвосхищающие выход книги «Язык и мир человека», и сама монография. В Разделе XV систематизирована тематика работ семинара «Логический анализ языка» в 1999–2015 гг. Отдельно, в Разделе XVI, представлены работы 1996–2005 гг., посвященные теме «Язык и стиль Достоевского». Список завершается Разделом XVII. Воспоминания о друзьях и коллегах. 1995–2002 гг. С.А. Крылов отмечает, что научный подход к переизданию трудов Н.Д. Арутюновой требует подробного аналитического комментария, что до настоящего времени не сделано. Необходима также разработка справочного аппарата, который должен включать указатели разных типов: терминологический, семантический метаязыковой (семасиологический, ономасиологический, онтологический, модально-прагматический), а также именной указатель и

указатель анализируемых языковых единиц. По мнению С.А. Крылова, при будущем издании собрания сочинений Н.Д. Арутюновой предложенная тематико-хронологическая классификация ее работ может быть использована для составления оглавления (с. 45).

Рецензируемый сборник, как и большинство изданий серии, открывается переизданием статьи Н.Д. Арутюновой «Отзвуки былых эпох в современном русском языке», впервые опубликованной в 2005 г. [Арутюнова, 2005].

В статье исследуется употребление в русском языке частиц, выражающих модальность кажимости – *как будто* и *как бы, как-то*. Исследование проводится на материале разных исторических эпох, а именно начиная с времени жизни Ф.М. Достоевского и до начала XXI века. Нина Давидовна обнаруживает взаимосвязь между закономерностями употребления синтаксических единиц, с одной стороны, и тенденциями мировосприятия и мировоззрения, преобладающими в российском обществе в определенные исторические периоды, с другой. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что в произведениях Ф.М. Достоевского мысль повествователя и персонажей постоянно колеблется: их убеждения неустойчивы, решения изменчивы, спонтанны, и потому выражения неопределенны и приблизительны, они выражают неясные смыслы и неverified суждения; события приписываются действию судьбы (с. 18–19). В таком мировосприятии чувствуется влияние воззрений романтиков. Однако использование видов модальности, соответствующих такому мировосприятию, как устанавливает Арутюнова, характерно не только для эпохи романтизма: они активизируются в коммуникации в определенные исторические периоды, а именно в переходные эпохи, когда колеблются и меняются этические, идеологические, социальные нормы: «Язык мечется в поисках выражения того, что пришло на смену привычным формам жизни. Расшатывается жизнь, расшатывается язык» (с. 19). Язык становится более спонтанным, падает требовательность к его корректности. Особенно заметным это становится, когда литературный язык попадает в массмедиа.

Нина Давидовна Арутюнова проводит параллель между эпохой XIX в. – переходным для России временем, – по определению самого Ф.М. Достоевского, «временем потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шаткости в общественных убеждениях» (цит. по рецензируемой работе, с. 19). Н.Д. Арутюнова отметила, что современная Россия находится в сходной ситуации, что сказывается похожим образом на языке. В современ-

ной речи (статья написана, напомним, в 2005 году), как и во время жизни Достоевского, «увеличилось поле неопределенности и приблизительности, расширила свои возможности зона модальности. Реальный мир как бы слился с виртуальным» (с. 19). В результате распространение вновь получили модальные и семантические операторы, стирающие границы между реальным и виртуальным миром, выражающие непонимание многих явлений или вносящие в значение слов новый, неуточненный оттенок.

Примеры из истории литературного русского языка свидетельствует о правильности выводов Н.Д. Арутюновой о взаимосвязи между характером эпохи и употреблением модальных частиц. До середины XIX в. частица *как бы* в литературном русском языке употреблялась очень редко. В публицистику и в художественную речь она вошла во второй половине XIX в., причем в значительной степени именно благодаря художественной и публицистической деятельности Ф.М. Достоевского. В литературе конца XIX – начала XX в. частица *как бы* стала менее частотной. Эпоха революций выражала себя в новых словах, обозначавших новые для общества понятия, язык прессы был тверд, он стремился сделать непонятное понятным, что было несовместимо с модальностью «кажимости». Однако, «когда в России наступила перестройка, частица *как бы* вновь была востребована в качестве маркера несоответствия значения слова тем неклассическим понятиям и ситуациям, которые вошли в жизнь» (с. 24–25). При этом интересна эволюция семантики частицы: в России конца XX – начала XXI в. *как бы* стала частицей-паразитом, своего рода языковой эпидемией, отражающей мнимость, фиктивность бытия. Приводятся примеры: *как бы правовое государство; Певвица объявляет, что она как бы поет как бы песню* (с. 25).

Н.Д. Арутюнова оговаривается, что отношения между состоянием социума и его языком не прямолинейны. Важно то, какие изменения происходят и как быстро они происходят, кто эти изменения выражает. Исследование показало: рост употребления модальных и семантически операторов и в XIX в., и в современном русском языке связан с изменением мировосприятия, прежде всего, с усилением чувства двойственности бытия. Однако это ощущение двойственности, невозможности точного обозначения объекта имеет разную природу в прозе Достоевского и в стихах Тютчева, с одной стороны, и в современной публицистике, с другой. Сравним: *В присутствии ее мне как-то не подходило к ней* (Ф.М. Достоевский, Подросток); *Весь день стоит как бы хру-*

стальной и лучезарны вечера (Ф.М. Тютчев) и современная поговорка *мы как бы работаем, а нам как бы платят* (все примеры – из статьи Н.Д. Арутюновой, опубликованной в рецензируемом сборнике). Подход к языку, представленный в статье Нины Давидовны Арутюновой, свидетельствует о потенциале антропологического подхода к языку, о глубокой связи языка с культурой и опытом социума.

В заключение перечислим фамилии хотя бы некоторых авторов сборника: Баранов А.Н., Васильева Н.В., Демьянков В.З., Добровольский Д.О., Дронов П.С., Зыкова И.В., Иоанесян Е.Р., Ковшова М.Л., Красухин К.Г., Крылов С.А., Кукушкина Е.Ю., Левицкий А.Э., Левонтина И.Б., Никитина С.Е., Постовалова В.И., Плунгян В.А., Радбиль Т.Б., Рахилина Е.В., Трахтенберг Л.А., Урысон Е.В., Циммерлинг А.В., Шестакова Л.Л. и другие.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Отзвуки былых эпох в современном русском языке // *Sprache – Literatur – Kultur : Studien zur Slavischen Philologie und Geistesgeschichte. Festschrift für Gerhard Ressel zum 60. Geburtstag.* – Frankfurt am Main etc. : Peter Lang, 2005. – S. 39–49.

References

Arutyunova N.D. *Otzvuki bylyh epoh v sovremennom Russkom yazyke* [Echoes of Past Times in the Contemporary Russian Language]. In: *Sprache – Literatur – Kultur: Studien zur Slavischen Philologie und Geistesgeschichte. Festschrift für Gerhard Ressel zum 60. Geburtstag.* Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2005. S. 39–49. (In Russian)

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВЫЕ КАМЕРТОНЫ СМЫСЛА:
МОНОГРАФИЯ. – Москва: Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина,
2024. – 416 с.**

Аннотация. Рецензируемая монография В.И. Карасика «Языковые камертоны смысла» посвящена вопросам аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, лингвосомиотики и дискурсологии. На материале русского и английского языков В.И. Карасик рассматривает аксиологические характеристики лингвокультурных концептов, сюжетов сказок и типов дискурса. В работе представлен аксиологический анализ концептов мирная жизнь, соревнование, пустыня, болото, вокзал, базар, туман, кровь. Изучаются сюжеты русских народных сказок, армянский литературных сказок, калмыцких народных сказок, сказок народов банту и пр. Анализируются особенности педагогического и просветительского дискурсов, приводится аксиологический анализ пожелания как речевого жанра, комической констатации. Аксиологическому анализу подвергаются коммуникативные рестрикции, приводится их типология. Внимание уделяется современным коммуникативным табу, пейоративной гендерной асимметричности, асимметричности частичного качества и пр. Подчеркивается особая роль аксиологического подхода к описанию языковых фактов, который позволяет решать исследовательские задачи, направленные на освещение содержательной системы языка и ее влияния на мировосприятие человека.

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН РАН; rarenco@rambler.ru

Ключевые слова: язык и культура; моделирование языка; дискурс; познание; антропологическая лингвистика; теория дискурса; теория речевых актов; концепт.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Карасик В.И. Языковые камертоны смысла: монография. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 159–166. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.12

Rarenko M.B.*

BOOK REVIEW:

**KARASIK V.I. LINGUISTIC TUNING FORKS OF MEANING:
A MONOGRAPH. – Moscow: Pushkin State Institute of the
Russian Language, 2024.–416 P.**

Abstract. V.I. Karasik's peer-reviewed monograph “Linguistic tuning forks of meaning” is devoted to the issues of axiological linguistics, linguoculturology, linguosemiotics and discoursology (theory of discourse). V.I. Karasik examines the axiological characteristics of linguistic and cultural concepts, fairy-tale plots, and types of discourse based on the material of the Russian and English languages. The paper presents an axiological analysis of the concepts of *peaceful life, competition, desert, swamp, railway station, bazaar, fog, blood*. The subjects of Russian folk tales, Armenian literary tales, Kalmyk folk tales, Bantu folk tales, etc. are studied. The features of pedagogical and educational discourses are analyzed, and an axiological analysis of wishes as a speech genre and comic statement is given. Communicative restrictions are subjected to axiological analysis, their typology is given. Special attention is given to modern communicative taboos, pejorative gender asymmetry, partial quality asymmetry, etc. The special role of the axiological approach to the description of linguistic facts is emphasized, which allows solving research tasks aimed at highlighting the meaningful system of language and its impact on human perception of the world.

Keywords: language and culture; language modeling; discourse; cognition; anthropological linguistics; theory of discourse; theory of speech acts; concept.

* Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics, INION RAN; rarenco@rambler.ru

For citation: Rarenko M.B. Book review: Karasik V.I. Linguistic Tuning Forks of Meaning: A Monograph. – Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2024. – 416 p. // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 159–166. DOI: 10.31249/ling/2025.04.12

В центре внимания в рецензируемой монографии В.И. Карасика «Языковые камертоны смысла» оказываются разные аспекты аксиологической лингвистики, а также лингвокультурологии, лингвосемиотики и дискурсологии. Материалом исследования послужили тексты на русском и английском языках. В.И. Карасик рассматривает аксиологические характеристики лингвокультурных концептов, сюжетов сказок и типов дискурса. Исследовательский конструкт, положенный в основу данного исследования, представляет собой триаду «личность – концепты – дискурс».

Монография состоит из введения, четырех глав, которые посвящены аксиологическим характеристикам концептов, сюжетов, дискурса и определенных номинаций, заключения, списка литературы [Карасик, 2025, с. 352 – 415].

В первой главе «Аксиологические характеристики концептов» представлено аксиологическое осмысление концептов, понимаемых как «квантов переживаемого знания» [Карасик, 2025, с. 5].

В настоящее время лингвокультурология как направление современной антропологической лингвистики развивается особенно активно, чему способствует ряд обстоятельств, как непосредственно языковых, так и экстралингвистических. В.И. Карасик напоминает, что основу лингвокультурологии составляют идеи В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, Л. Вайсгербера, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

В рамках лингвокультурологии наибольший интерес сегодня представляет лингвокультурная концептология, путем сравнения и противопоставления изучающая когнитивные и лингвокультурные концепты: «в первом случае в поле зрения ученых оказываются принципы и способы освоения реальности, во втором случае – своеобразие мировосприятия» [Карасик, 2025, с. 8]. В.И. Карасик полагает, что существующие парадигмы изучения лингвокультурных концептов можно суммировать в виде модели, которая концептуально включает в себя три круга: «Внутренний круг образует содержательный минимум концепта, его ядерный смысл, который вербализуется в определениях, описаниях и предписаниях

поведения; первый внешний круг представляет собой дискурсивное уточнение этого концепта в различных коммуникативных ситуациях; второй внешний круг – это личностное осмысление концепта, уточнение либо изменения его исходного и дискурсивного смысла. Дискурсивное уточнение концепта включает и стереотипы поведения, свойственные определенной эпохе» [Карасик, 2025, с. 10–11].

Особого внимания заслуживают лингвокультурные сценарии. Описывая лингвокультурные сценарии (скрипты) поведения, понимаемые как «паттерн коммуникативного поведения, в котором выделяются определенные стадии, и участники которого ведут себя в соответствии с принятыми с этим социуме нормами» [Карасик, 2025, с. 11], можно определить «установки поведения, которые базируются на системе ценностей и норм определенного сообщества в определенную эпоху» [Карасик, 2025, с. 12].

Не менее интересным представляется изучение и описание лингвокультурных типажей, «узнаваемых типизируемых личностей, воплощающих в себе нормы поведения сообщества» [Карасик, 2025, с. 12], которые могут быть не только этнокультурными, но и социокультурными.

Еще одно направление исследований связано с изучением лингвокультурных сюжетов, помогающих определить и понять доминанты определенной культуры.

В первой главе монографии лингвокультурному осмыслению подвергаются концепты *мирная жизнь*, *соревнование*, *пустыня*, *болото*, *вокзал*, *базар*, *туман*, *кровь*. Проанализировав данные словарей и Национального корпуса русского языка, В.И. Карасик приходит к следующим выводам. *Мирная жизнь* в русской лингвокультуре «в понятийном плане осмысливается как состояние приятного покоя, противоположного войне и конфликтам, образно-перцептивные признаки этого концепта представлены в описании родного дома, природы и сна, его ценностные признаки сводятся к предписаниями беречь мир, но понимать, что вечный мир невозможен. Дискурсивная специфика осмысления мирной жизни ярко представлена в политической коммуникации... и в поэтических текстах...» [Карасик, 2025, с. 99]. *Соревнование* – амбивалентное оценочное явление, поскольку дает возможность испытать радость победы и заставляет пережить стресс и огорчение в случае поражения. Отношение к соревнованию выявляет два типа участников – деятелей и созерцателей. *Пустыня* – опасное и неудобное для проживания место, в этическом аспекте – безжизненное про-

странство, в котором противопоставлены миражи и оазис, особую эстетическую значимость здесь имеет родник. *Болото* – также опасное место, где можно утонуть; метафорически осмысливается как застой, в народной мифологии известно как место, где обитают души неприкаянных грешников. *Туман* ассоциируется с неопределенностью, ошибочностью восприятия и блужданиями.

Концепты, связанные с рукотворными локациями, *вокзалом* и *базаром*, как свидетельствует анализ, обладают высокой степенью метафоричности. *Вокзал* – место встреч и прощаний, поэтому воспринимается как пограничье. Отмечается, что в дискурсивном плане важными оказываются правила поведения на вокзале. В поэтических текстах *вокзал* сравнивается с жизнью, поезд – с судьбой. *Базар* связан с торговлей, что предполагает особые правила поведения, в частности, предписание вести себя внимательно, критически оценивать разговоры, по большей части бессмысленные. В поэтических текстах *базар* – символ грязи и тщеты.

Кровь – важная характеристика живых существ, концепт подчеркивает важность родства и происхождение человека. В поэтических текстах *кровь* – символ жертвенности, страдания, человеческих чувств. В ситуативно-образном плане, подчеркивает В.И. Карасик, актуализируются кровавые столкновения, в ценностном отношении однозначно осуждается кровопролитие.

Во второй главе «Аксиологические характеристики сюжетов» сюжеты как нарративные последовательности событий рассматриваются в аксиологическом аспекте применительно к фольклорным и авторским сказкам разных народов. Изучение аксиологии сюжетов предполагает поиск аллегорических и символических смыслов в текстах. В.И. Карасик показывает, что прототипными аллегорическими текстами выступают сказки, органично включающие в себя поучение и развлечение. Анализ корпуса русских народных сказок позволяет сделать выводы о том, что в них акцент ставится на «деятельной доброте как основе человеческого характера, желании и умении помочь другим, сохранение веры и мудрого отношения к жизни несмотря на неизбежные трудности и испытания» (с. 193). В армянских литературных сказках наблюдается подтверждение общечеловеческих ценностей, рассказывается о суровых условиях выживания армянского народа, которому удалось сохранить самобытную культуру, прославить труд, семейные узы и пр. В калмыцких народных сказках подчеркивается важность интеллекта, готовность прийти на помощь друзьям, святость родительского участия в судьбе детей, волшебная сила любящей

женщины, непререкаемый авторитет мудрецов – хранителей коллективного опыта народа. Сказки народов банту подчеркивают гендерные идеалы поведения мужчин и женщин, смелость и скромность в мире, полном опасностей, а волшебство воспринимается как естественное свойство реальности.

Также в главе представлен аксиологический анализ сказочного типажа [Карасик, 2025, с. 162–170], фантомной реальности в аниме [Карасик, 2025, с. 170–181], жизни и смерти в поэтическом тексте [Карасик, 2025, с. 181–193].

В третьей главе «Аксиологические характеристики дискурса» в центре внимания оказываются ценностно релевантные характеристики дискурса, понимаемого как текст, погруженный в коммуникативную ситуацию: самовыражение в диалоге, один из видов коммуникативной тональности, некоторые типы институционального общения, связь определенных типов дискурсивного воздействия на адресатов с ментальными девиациями и комическое восприятие как характерная черта современного отношения действительности.

Как отмечал В.И. Карасик в одной из своих монографий, одним из возможных направлений лингвосомиотического моделирования реальности является выделение эмблем, аллегорий и символов как интерпретативных знаковых феноменов (более подробно см.: [Карасик, 2010]). Так, аксиологические характеристики дискурса, понимаемого как ситуативно конкретизируемая коммуникация, как показывает В.И. Карасик, включают, прежде всего, дискурсивные эмблемы, которые нужно знать, а не разгадывать, в отличие от аллегорий и символов. Знание дискурсивных эмблем означает принадлежность коммуникантов к одному сообществу. В личностном обиходном общении дискурсивные эмблемы «акцентируют сокращенную коммуникативную дистанцию, в статусном институциональном общении демонстрируют социально-групповую идентичность участников диалога, в художественном тексте указывают на необходимость расширенного модуса интерпретации и ценностно маркированного прочтения смыслов» [Карасик, 2025, с. 298–299].

Аксиологическое описание дискурса предполагает выделение и объяснение ценностно-ориентированных способов его реализации в разных речевых жанрах. В главе подробно представлено аксиологическое описание педагогического дискурса, просветительского дискурса, деструктивного дискурсивного воздействия, а

также комической констатации. На наш взгляд, последнее заслуживает особого упоминания.

Как показывает В.И. Карасик, приводя многочисленные примеры, в основе комической констатации реальности лежат содержательные типы несоответствия между данным и должным положением дел. Автор монографии выделяет пять тематических групп (возможно, их больше): 1) несовершенство мира, 2) несовершенство человеческой природы, 3) забавная экзотика, 4) абсурдная очевидность, 5) забавная новизна восприятия. В целом, «типичные способы выражения комической констатации реальности включают соединение высокого стиля с низким, игровые иллюзии и аллегорические высказывания» [Карасик, 2025, с. 298].

В четвертой главе «Аксиологические характеристики номинаций» анализируются культурно обусловленные коммуникативные ограничения и запреты, а также закрепленные в значениях лексических единиц особенности выражения оценки объектов и их качеств.

В главе представлены аксиологические исследования коммуникативных рестрикций, современных коммуникативных табу, пейоративной гендерной асимметричности, асимметричности частного качества и артефактов низкого качества.

В.И. Карасик отмечает, что в коммуникативной практике и языковой системе любого естественного языка есть ограничения и запреты (в научной литературе сегодня все чаще используется термин «рестрикции»). Это могут быть рестрикции на использование определенных языковых форм и коммуникативных поступков, хорошо знакомых носителям языка и обусловленных разными причинами, начиная с норм фонетики, грамматики, лексики и заканчивая непониманием культурных установок. Выделяются 1) этикетные рестрикции, 2) рестрикции, отражающие фундаментальные установки в мировосприятии (например, правила поведения, обусловленные религиозными предписаниями и запретами), 3) рестрикции, «закрепляющие нормы здравого смысла» [Карасик, 2025, с. 304], 4) рестрикции, направленные на «соблюдение определенных норм обиходного поведения, зафиксированные в приметах и суевериях» [Карасик, 2025, с. 305], 5) рестрикции, известные как «политическая корректность» [Карасик, 2025, с. 306], 6) рестрикции прагматические коммуникативные, касающиеся стилистики речи. В сетевом дискурсе рестрикции, как правило, связаны с нарушением юридических, моральных и утилитарных правил общения [Карасик, 2025, с. 309–310].

В заключение В.И. Карасик подчеркивает, что в центре внимания антропологической лингвистики находятся языковая личность, картина мира в коллективном и индивидуальном сознании, коммуникативная практика в многообразии ее речевых жанров и форматов, а аксиологический подход к описанию языковых фактов «дает возможность объяснить взаимосвязанное распределение оценок в разных видах коммуникативных действий и разных классах слов», ставит «новые исследовательские задачи, направленные на освещение содержательной системы языка и ее влияния на наше мировосприятие» [Карасик, 2025, с. 351].

Рецензируемая монография безусловно представляет интерес не только для специалистов в области аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, лингвосомиотики и теории дискурса, но и для широкого круга исследователей, занимающихся вопросами интегральной науки о человеке. Как и другие монографии В.И. Карасика, данная монография включает в себя большое количество разнообразного иллюстративного материала.

Список литературы

- Карасик В.И.* Языковые камертоны смысла : монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла : монография. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.

References

- Karasik V.I. *Jazykovye kamertony smysla*: monografija [Linguistic Tuning Forks of Meaning] Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2024. 416 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja kristallizacija smysla*: monografija [Linguistic Crystallization of Meaning] Moscow: Gnozis, 2010. 351 p. (In Russian)

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВОЕ ДРЕВО ЖИЗНИ:
МОНОГРАФИЯ. – Москва: Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина, 2025. – 496 с.**

Аннотация. Рецензируемая монография В.И. Карасика «Языковое древо жизни» посвящена направлениям филологической интерпретации реальности – лингвокультурной, коммуникативной, семиотической, при этом в основу предложенной автором модели объяснения знака была положена триада «культура – общение – знак». В работе в рамках лингвокультурного объяснения реальности охарактеризованы четыре направления концептуализации мира – осмысление познания, поведения, культурного пространства и артефактов. Отмечается и показывается, что моделирование коммуникативного освоения реальности развивается в современном языкознании в рамках теории дискурса и теории речевых актов.

Ключевые слова: язык и культура; моделирование языка; дискурс; познание; антропологическая лингвистика; теория дискурса; теория речевых актов; концепт.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Карасик В.И. Языковое древо жизни: монография. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2025. – 496 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 4. – С. 167–177. – DOI: 10.31249/ling/2025.04.13

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; rarenco@rambler.ru

Rarenko M.B.*

BOOK REVIEW:

**KARASIK V.I. THE LINGUISTIC TREE OF LIFE:
A MONOGRAPH. – Moscow: Pushkin State Institute of the
Russian Language, 2025. – 496 P.**

Abstract. V.I. Karasik's peer-reviewed monograph "The Linguistic Tree of Life" is devoted to the areas of philological interpretation of reality – linguocultural, communicative, semiotic ones, while the triad "culture – communication – sign» was used as the basis for the author's proposed model of explaining the sign. In the work, within the framework of the linguistic and cultural explanation of reality, four areas of conceptualization of the world are characterized – the comprehension of cognition, behavior, cultural space and artifacts. It is noted and shown that in modern linguistics the modeling of the communicative development of reality is developing within the framework of the theory of discourse and the theory of speech acts.

Keywords: language and culture; language modeling; discourse; cognition; anthropological linguistics; theory of discourse; theory of speech acts; concept.

For citation: Rarenko M.B. Book review: Karasik V.I. The Linguistic Tree of Life: A monograph. – Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2025. – 496 p. // *Social'nye i umanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]. – 2025. – N 4. – Pp. 167–177. DOI: 10.31249/ling/2025.04.13

Рецензируемая монография В.И. Карасика «Языковое древо жизни» посвящена, как следует из Введения автора, «некоторым направлениям развития современной антропологической лингвистики» [Карасик, 2025, с. 5]. Отмечая, что «социальная природа человека определяет нашу диалогическую реакцию на поведение других людей», В.И. Карасик подчеркивает, что «преобразование реальности приводит к изменениям в сознании субъекта, эти изменения фиксируются в суждениях, смыслах и значениях языковых единиц, образующих языковую картину мира» [там же].

Познание любого объекта предполагает сначала его определение и описание, затем классификацию и осмысление его связей с

* Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics, INION RAN; rarenco@rambler.ru

миром и осмысление значимости объекта для субъекта познания – человека. При этом «социальная природа человека определяет нашу диалогическую реакцию на поведение других людей» [Карасик, 2025, с. 5]. Языковая картина мира – результат работы сознания субъекта по преобразованию реальности. Она фиксируется в суждениях, смыслах и значениях языковых единиц, и «центральное место в этой картине принадлежит ценностям – важнейшим ориентирам поведения, совокупность которых образует культуру» [там же]. В свою очередь «ценности воплощаются в нормах поведения, традициях, сюжетах, образующих ткань нашего повседневного бытия» [там же].

Рецензируемое издание продолжает предыдущие исследования В.И. Карасика в области социолингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, лингвосемантики и филологической герменевтики, результаты которых были изложены в его монографиях «Язык социального статуса» [Карасик, 1991], «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик, 2002], «Языковые ключи» [Карасик, 2009], «Языковая кристаллизация смысла» [Карасик, 2010], «Языковая матрица культуры» [Карасик, 2012], «Языковое проявления личности» [Карасик, 2015], «Языковые мосты понимания» [Карасик, 2019], «Языковые картины бытия» [Карасик, 2020], «Языковая пластика общения» [Карасик, 2021], «Языковая лестница познания» [Карасик, 2022], «Языковое преобразование реальности» [Карасик, 2023], «Языковые камертоны смысла» [Карасик, 2024]. Данная монография состоит из трех глав, каждая из которых раскрывает разные стороны «языкового освоения мира» [Карасик, 2025, с. 5], список литературы включает работы на русском, английском, немецком языках [Карасик, 2025, с. 414–495].

В первой главе «Лингвокультурное освоение реальности» анализируется концептуализация познания, поведения, локусов культурного пространства и артефактов.

Концепты, метафорически обозначенные автором как «кванты переживаемого знака» [Карасик, 2025, с. 7], помогают человеку осваивать реальность посредством языка и культуры и лежат в основе человеческого поведения, принятого в определенном коммуникативном обществе в определенную эпоху. Таким образом, лингвокультурное освоение реальности происходит посредством концептуализации познания, поведения, культурного пространства и артефактов, присущих человеку и окружающих его как субъекта познания.

В основу данной работы положено предположение о том, что типы институциональной коммуникации можно изучать не только по признаку дискурсообразующих агентов общения, но и «на основании дискурсивной тональности – ситуативно и лично-стно обусловленной манеры общения» [Карасик, 2025, с. 7]. В качестве примера В.И. Карасик приводит осмысление *разума* в русской лингвокультуре: «в обиходном сетевом дискурсе разум как способность мыслить соотносится прежде всего с противопоставлением ума и глупости. В назидательном дискурсе актуализируются советы быть сообразительным и полагаться на свой ум, ценить мудрость и видеть ограниченность человеческого разума, понимать важность разума, но вместе с тем знать, что он может использоваться во вред другим. В поэтическом тексте на первый план выходит противопоставление механической рассудочности и живого чувства» [там же, с. 17]. Также в монографии приводятся результаты лингвокультурного осмысления *порядка, интереса, поведения, вежливости, уважения, престижа, пространства, театральной сцены, музея, спортивного состязания*, которые также подтверждают правильность выдвинутой автором гипотезы о наличии специфики в разных типах дискурсивной тональности.

Выбранные для анализа концепты, конечно, не являются случайными. *Разум, порядок и интерес* являются ключевыми ментальными образованиями для концептуализации *познания*. Как уже показано выше, обиходное понимание *разума* базируется на противопоставлении ума и глупости, в других типах дискурса на первый план выдвигается предписание ценить мудрость и понимать разницу между механической рассудочностью и живым чувством. *Порядок* осмысливается как правильное, должное положение дел, но в то же время, в зависимости от дискурса, противопоставляется захламленному месту, нарушениями поведения, угрозам для людей. *Интерес* понимается как ценнейший познавательный для людей ориентир и противопоставляется скуке, с одной стороны, и любопытству, с другой.

Для концептуализации *поведения* ориентирами выступают *вежливость, уважение, престиж*. *Вежливость* понимается как «признание значимости других людей и соблюдение правил бесконфликтного общения» [там же, с. 152]. На *уважение* могут рассчитывать люди, которые его заслуживают, и оно противопоставляется неуважению. *Престиж*, выступая «репутационной характеристикой» [Карасик, 2025, с. 153], является одной из оценок социального статуса и «связан с типажной характеристикой

узнаваемого представителя» [там же] определенной социальной группы.

В осмыслении культурного пространства особая роль отводится театру, музею, стадиону. Театр (сцена) – место «концентрированного эстетически переживаемого выражения вечных ценностей» [там же]. В.И. Карасик отмечает, что «в поэтическом тексте сцена противопоставляется зрительному залу как реальная жизнь небытию либо вечности» [там же]. Музей, выступающий городской локацией, – культурный центр для размещения предметов искусства, истории и науки. В концепте акцентируются ценностные характеристики музея для цивилизации. В поэтических текстах музей ассоциируется с вечностью, обеспечивает связь времен. Стадион как культурное пространство «характеризует спортивное состязание, организованное по определенным правилам и выступающее в качестве символа» [там же].

В трех заключительных параграфах первой главы монографии рассматриваются символизация железа, символизация стекла и символизация бумаги в русском языковом сознании, на том основании, что в человеческой цивилизации являются основными материалами для рукотворной реальности человека. Отмечается, что «в противопоставлении природы и культуры особую роль играют артефакты – вторичная рукотворная природа» [там же, с. 412]. Железо выступает символом крепости, твердости, суровости, также зафиксированы «противопоставления мертвого железа и живых растений, железной смеси и обычного человеческого миропорядка, чужой (железной) и своей (древесной) идентичности» [там же, с. 153]. Стекло рассматривается как материал, имеющий объективные физические свойства, в плане функционального назначения и использования, а также выступает в качестве инструмента критической оценки недостатков. В поэтическом тексте символика стекла выстраивается «в сравнениях человеческого чувства с характеристиками изделий из стекла – зеркалами и стеклянными бокалами в противопоставлении живой жизни и мертвого стекла, в осмыслении битого стекла как источника страданий» [там же, с. 154]. Символизация бумаги в русском языковом сознании происходит в следующих направлениях: как документ, определяющий судьбу человека, творчество, требующее вдохновения, и недолговечный и легко воспламеняемый материал.

Во второй главе «Коммуникативное освоение реальности» В.И. Карасик определяет ключевые проблемы современной коммуникативистики, дискурсологии и теории речевых актов, показы-

вает возможные аспекты изучения дискурса как конкретного проявления коммуникации в определенной ситуации. Особое внимание в главе уделяется вопросу понимания языкового вкуса как предмета лингвистического исследования. Автор также затрагивает вопросы общения с искусственным интеллектом.

В.И. Карасик считает, что развитие дискурсологии будет идти в направлении изучения новых типов языковых личностей, новых речевых актов и новых форматов общения, являющихся следствием развития новых технологий коммуникаций, которые наиболее ярко проявляются в сетевом дискурсе. При этом автор монографии наблюдает определенное смыкание теории дискурса с прагмалингвистикой, аксиологической лингвистикой и филологической герменевтикой.

Обращаясь к категории *языковой вкус*, В.И. Карасик, отмечая, что понятие было введено в научный обиход В.Г. Костомаровым в 1994 г., констатирует, что оно не получило до сих пор должного внимания со стороны лингвистов. Вместе с тем, «языковой вкус как категория коммуникации является нормативной характеристикой общения и проявляется в поведении участников коммуникативной ситуации, тональности общения и соблюдения либо нарушении принятых способов самопрезентации и воздействия на партнеров» [Карасик, 2025, с. 178]. Языковой вкус характеризует субъектов коммуникативной ситуации и выражается в статусном, ролевом и индивидуально-личностном поведении участников общения. В настоящее время, как полагает автор монографии, формированию языкового вкуса в большей степени способствует развитие сетевого дискурса, для которого характерны «элементы самоиронии, акцентированное выражение доброго либо непримиримого отношения к партнерам по общению, размывание границы между приватностью и публичностью в коммуникации» [там же, с. 179].

Ссылаясь на работу Д.В. Бахтеева, В.И. Карасик фиксирует четыре типа отношения искусственному интеллекту как продукту научно-технического прогресса: 1) инструментальный, 2) ксенофобный, 3) эмпатичный, 4) толерантный [Бахтеев, 2023]. Рассматривая понятие *интеллект* в разных контекстах, В.И. Карасик приходит к выводу о том, что интеллект может рассматриваться по-разному в зависимости от ситуации и контекста. Так, в обиходных житейских ситуациях акцентируются, прежде всего, такие стороны интеллекта, как рассудительность и находчивость, умение рационально оценивать проблему и решать ее. В психологии под интел-

лектом принято понимать обучаемость (способность к обучению, т.е. восприятию информации, ее обработке и последующему применению) и умение решать проблемы (вычленять их, разбивать на составные части и т.д.). В философском контексте интеллект понимается иначе; «философски» интеллект предполагает наличие нескольких уровней: первая ступень предполагает умение абстрактно мыслить, высшая – способность индивида оперировать идеями высокого порядка.

Обобщая результаты исследований в области искусственно-го интеллекта, следует признать, что сегодня искусственный интеллект все больше проникает в разные сферы человеческой деятельности и успешно применяется при: 1) обработке информации разного рода на естественном языке, 2) распознавании объектов и речи, 3) так называемом «машинном зрении» и 4) создании оригинальных изображений и текстов.

Согласно современным исследованиям, в настоящее время функции коммуникации с использованием искусственного интеллекта выделяют по аналогии с тестом А. Тьюринга. К ним относят: 1) интеррогативную, 2) дефинитную, 3) конструкторскую, 4) критическую, 5) конститутивную. Под интеррогативной понимают функцию коммуникации, которая характеризует содержание и форму вопросов частного теста, задаваемых тьюринговым судьей, когда происходит исследование х-системы на предмет ее у-способностей. Дефинитная функция отвечает за обеспечение компьютерного определения когнитивного феномена. Важной представляется конструкторская функция, поскольку раскрывает принципы работы компьютера, нацеленного на реализацию когнитивного феномена. Признавая за коммуникацией критическую функцию, исследователи подтверждают существующую в научном сообществе полемику о возможности компьютерной реализации когнитивного феномена. Конститутивная функция устанавливает отношение судьи (наблюдателя) к когнитивным аспектам компьютерной реальности (более подробно см.: [Алексеев, Ефимов, Финн, 2019]).

Естественный вопрос, который возникает у читателей монографии, – насколько коммуникацию с использованием искусственного интеллекта можно считать коммуникацией в привычном смысле этого слова и можно ли вообще? Предвидя этот вопрос, В.И. Карасик провел анализ работы популярного сегодня робота Алиса и пришел к следующим заключениям. Если вопрос касается конкретной информации, робот предлагает конкретные, однозначные вопросы. В случае возникновения коммуникативных затруд-

нений (робот не может распознать вопрос на конкретную информацию) вежливо задается уточняющий вопрос, часто с предложением выбора. В ситуации коммуникации робот неизменно демонстрирует вежливую готовность к «экологичному» (гармоничному) общению, что прослеживается на разных уровнях. Как особое достоинство отмечается знакомство голосового помощника с рядом прецедентных текстов. В случае отсутствия прецедентных текстов в базе данных и, соответственно, невозможности их распознавания голосовой помощник «переключает» беседу на общие темы. В.И. Карасик отмечает, что робот способен «шутить», однако «шутки» голосового помощника возможны только тогда, когда совпадают интерпретативные сценарии, это в частности шутки, в основе которых лежит омонимия. Робот запрограммирован «разпознавать» оскорбления – в этом случае он демонстрирует обиду, выражая ее вербально. Отмечаются случаи, когда Алиса отклоняется от темы вопроса [Карасик, 2025, с. 187]. Таким образом, робот на данном этапе развития искусственного интеллекта сориентирован на реакции первой и второй сигнальных систем, что характерно для человеческого общения во многих жанрах институционального дискурса (медицинского, научного, политического, юридического и пр.). Но коммуникация более высокого уровня (уровня третьей сигнальной системы, когда знаки характеризуются большей гибкостью в интерпретации и получают возможность неоднозначности), характерной для художественного текста и, соответственно, художественного дискурса, искусственному интеллекту пока не доступна.

Специальный параграф главы посвящен обсуждению оценочных приоритетов современных российских студентов как коммуникантов. Хотя в целом их приоритеты соответствуют коммуникативным ценностям русской лингвокультуры, для которой характерны открытость, искренность, доброжелательность, и приоритетам молодежного восприятия – эмоциональности, спонтанности, независимости, – отмечается и «острое неприятие коммуникативного давления и ориентация на выраженное одобрение своего отношения к миру со стороны других людей» [Карасик, 2025, с. 272–273].

Третья глава монографии «Семиотическое освоение реальности» посвящена проблемам выражения личностной позиции, коммуникативной тональности, интенциональности, характеристикам коммуникативных средств.

В.И. Карасик отмечает, что одним из направлений современной лингвистической мысли стало моделирование языковой личности, известное как лингвоперсонология. В рамках этого направления изучается язык конкретных авторов, коммуникативное поведение определенных представителей социальных групп, описание лингвокультурных типажей. В книге ученика Аристотеля Феофраста (371–287 гг. до н.э.) «Характеры» в центре внимания – типичное поведение современников древнегреческого автора, описание которого следует схеме: описание и примеры поведения. Феофраст выделил 30 характеристик поведения, среди которых: ирония, лъстивость, пустословие, неотесанность, угодливость, отчаяние, болтливость и пр. По мнению В.И. Карасика, знакомство с описанием поведения людей в определенную эпоху позволяет установить социальные нормы, принятые в обществе, и типично культурно значимые обстоятельства жизни определенного сообщества. Записные книжки отдельного человека, например писателя и / или журналиста, тексты народных сказок разных народов, отражающие тональность разных дискурсов, как показано на множестве примеров в главе, также заслуживают внимания, поскольку хранят ценные сведения о нормах поведения в определенном обществе в определенную эпоху.

В заключение В.И. Карасик подчеркивает, что «изучение дискурсивной специфики разных речевых жанров свидетельствует о том, что многие типы дискурса носят в наше время комплексный характер, соединяя в себе характеристики предметного содержания, медийных способов выражения, рекламного продвижения, медийных способов выражения» [Карасик, 2025, с. 413].

Отметим, что как всегда эlegantная теория, представленная на страницах монографии В.И. Карасика, сопровождается большим количеством иллюстративного материала, который автор тщательно и всесторонне анализирует.

Список литературы

- Алексеев А.Ю., Ефимов А.Р., Финн В.К.* Будущее искусственного интеллекта: тьюринговая или посттьюринговая методология? // Искусственные общества.– 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/337544426_Budusee_iskustvennogo_intellekta_turingovaa_ili_postturingovaa_metodologia (дата обращения: 06.05.2025).
- Бахтеев Д.В.* Этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта // Journal of digital technologies and law. – 2023. – № 1 (2). – С. 520–539.

- Карасик В.И. Языковые камертоны смысла : монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с.
- Карасик В.И. Язык социального статуса : монография. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1991. – 495 с.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла : монография. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.
- Карасик В.И. Языковая лестница познания : монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с.
- Карасик В.И. Языковая матрица культуры : монография. – Москва : Гнозис, 2012. – 406 с.
- Карасик В.И. Языковая пластика общения : монография. – Москва : Гнозис, 2021. – 536 с.
- Карасик В.И. Языковое древо жизни : монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2025. – 496 с.
- Карасик В.И. Языковое преобразование реальности: монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с.
- Карасик В.И. Языковое проявление личности : монография. – Москва : Гнозис, 2015. – 384 с.
- Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс : монография. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик В.И. Языковые картины бытия : монография. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 468 с.
- Карасик В.И. Языковые ключи : монография. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
- Карасик В.И. Языковые мосты понимания : монография. – Москва : Дискурс, 2019. – 524 с.

References

- Alekseev A.Ju., Efimov A.R., Finn V.K. *Budushhee iskustvennogo intellekta: t'juringovaja ili postt'juringovaja metodologija?* [The Future of Artificial Intelligence: Turing or Post-turing Methodology?] In: *Iskusstvennye obshhestva* [Artificial Communities], 2019. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/337544426_Budusee_iskustvennogo_intellekta_turingovaa_ili_postturingovaa_metodologia_\(data_obrashehenija_06.05.2025\)_\(In_Russian\)](https://www.researchgate.net/publication/337544426_Budusee_iskustvennogo_intellekta_turingovaa_ili_postturingovaa_metodologia_(data_obrashehenija_06.05.2025)_(In_Russian)) (In Russian)
- Bahteev D.V. *Jetiko-pravovyye modeli vzaimootnoshenij obshhestva s tehnolegiej iskustvennogo intellekta* [Political and Legal Models of Interaction Between the State and the Technical Community]. In: *Journal of digital technologies and law*. 2023. 1 (2). P. 520–539. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovye kamertony smysla: monografija* [Linguistic Tuning Forks of Meaning: Monograph] Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2024. 416 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazyk social'nogo statusa: monografija* [The Language of Social Status: Monograph]. Moscow: Institut jazykoznanija AN SSSR, 1991. 495 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja kristallizacija smysla: monografija* [Linguistic Crystallization of Meaning: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2010. 351 p. (In Russian)

**Рецензия на книгу: Карасик В.И. Языковое древо жизни:
монография**

- Karasik V.I. *Jazykovaja lestnica poznanija: monografija* [The Linguistic Ladder of Cognition: Monograph]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2022. 462 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja matrica kul'tury: monografija* [The Linguistic Matrix of Culture: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2012. 406 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja plastika obshhenija: monografija* [Linguistic Plasticity of Communication: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2021. 536 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoe drevo zhizni: monografija* [The Linguistic Tree of Life: Monograph]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2025. 496 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoe preobrazovanie real'nosti: monografija* [Linguistic Transformation of Reality: Monograph]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2023. 500 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoe projavlenie lichnosti: monografija* [Linguistic Manifestations of Personality: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2015. 384 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monografija* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse: Monograph]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovye kartiny bytija: monografija* [Linguistic Pictures of Life: Monograph]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina, 2020. 468 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovye kljuchi: monografija* [Language Keys: Monograph]. Moscow: Gnozis, 2009. 406 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovye mosty ponimaniya: monografija* [Linguistic Bridges of Understanding: Monograph]. Moscow: Diskurs, 2019. 524 p. (In Russian)

**ОТ РЕДАКЦИИ /
EDITORIAL BOARD INFORMS**

О ДОПУЩЕННОЙ ОШИБКЕ В № 4 ЗА 2023 ГОД

Уважаемые читатели!

Информируем вас, что в № 4 за 2023 год на с. 5–6 (Содержание, Contents) и с. 146 была допущена ошибка.

Вместо «Новиков А.И. Семь дихотомических признаков» следует читать: «Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков»;

“Novikov A.I. The seven dichotomous attributes” следует читать: “Novikov A.I. Sense: The seven dichotomous attributes”.

Приносим свои извинения.

Анатолий Михайлович Кузнецов

(24.10. 1939 – 09.03.2025)

На 86-м году жизни скончался Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор филологических наук, проработавший в отделе языкознания почти 40 лет. Анатолий Михайлович – известный специалист по общему языкознанию, прежде всего, в области компонентной семасиологии. Его публикации в этой области широко признаны лингвистами в нашей стране и за рубежом, они стали базовыми для семантических исследований на материале разных языков. По-прежнему востребована его монография «От компонентного анализа к компонентному синтезу», вышедшая в 1986 г. в издательстве «Наука».

Биография Анатолия Михайловича довольно необычна для лингвиста: после окончания средней школы в 1957 году в Москве он начал свою трудовую деятельность в НИИ Радиоконпонентов, где проработал с 1957 г. по 1966 г. сначала в качестве чертежника, затем техника-конструктора и даже и.о. инженера. Но проблемы языка интересовали его с юных лет, поэтому параллельно с работой в НИИ он с 1960 г. учился на вечернем отделении филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (романо-германская филология). В 1966 г. он был рекомендован кафедрой германской филологии в аспирантуру и был зачислен в аспирантуру Института языкознания АН СССР. С 1969 г. Анатолий Михайлович стал младшим научным сотрудником этого института, где в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках».

Становление Анатолия Михайловича как талантливого ученого происходило в Институте языкознания АН СССР – в его так называемую «викторианскую эпоху», когда институтом руководила член-корреспондент АН СССР Виктория Николаевна Ярцева (1906 – 1999). Тогда в институте работали такие выдающиеся ученые, как А.А. Реформатский, Э.А. Макаев, М.М. Гухман, Г.В. Степанов, Ю.С. Степанов, Н.Н. Семенюк и другие. В общении с ними шло формирование научных интересов А.М. Кузнецова. Результатом стала вышеназванная монография «От компонентного анализа к компонентному синтезу» (1986), в которой была представлена целостная теория двухэтапного семантического описания словарного состава языка на основе расчленения отдельных лексических значений на смысловые элементы и последующей их интеграции в единое целое. Актуальность этой монографии была обусловлена тем, что она открывала новые перспективы для изучения семантики слова с учетом внеязыковых данных.

Новый подход к исследованию лексической семантики, предложенный Анатолием Михайловичем, оказался важен потому, что в многолетней практике лексических исследований ранее реализовывался лишь первый этап – компонентный анализ, второй же этап – компонентный синтез, который бы позволили представить семантику слова как сложное единое целое, не осуществлялся. В контексте компонентной семасиологии важно было показать, как происходит соединение отдельных семантических признаков в рамках лексического значения слова (в том числе и многозначного),

В 1992 г. Анатолий Михайлович защитил в Институте языкознания докторскую диссертацию, представив научный доклад по своим опубликованным трудам. В этом докладе было убедительно показано, что самым весомым аргументом в дискуссии о продуктивности любого лингвистического метода являются не отвлеченные теоретические рассуждения с их, как правило, очень скромным набором иллюстративного материала, а широкая практика описания разнообразного лексического слоя языка. Позднее этот подход нашел убедительное подтверждение в практике корпусной лингвистики, которая позволяет охватить большие массивы текстов и на этой основе выявлять ранее не рассматривавшиеся в лексикографической практике варианты лексического значения слова.

В Отделе языкознания ИНИОН РАН Анатолий Михайлович работал с 1 марта 1977 г.: он был ответственным за выпуск реферативного журнала «Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание», заместителем главного редактора этого журнала, вел разделы «Теоретические проблемы и отдельные методы», «Лексикология. Фразеология. Стилистика», а также «Семиотика». Им были подготовлены специальные сборники научно-аналитических обзоров по проблемам семантики к XIII международному лингвистическому конгрессу в Токио (1982); он был активным участником всесоюзных, всероссийских и международных лингвистических конференций.

Анатолий Михайлович всегда внимательно следил за тенденциями в развитии науки о языке – за тем, что называется сменной парадигм. Для Анатолия Михайловича Кузнецова обращение к когнитивно-концептуальной парадигме (сменившей в последние десятилетия XX века структурно-системную парадигму), в центре которой стоит проблема взаимодействия человека, языка и культуры, т.е. языкового самочувствия человека в лингвокультуре, стало возможным именно благодаря его предшествующим исследованиям в области компонентной семасиологии. Объектом его исследований в русле лингвокультурной концептологии стали, в частности, правовые концепты «преступление» и «наказание», детально проанализированные в научно-аналитическом обзоре «Лингвистическое толкование правового смысла «преступления и наказания»: юридическая теория и бытовые стереотипы», вышедшем в ИНИОН РАН в 2012 г. В обзоре показана специфика этих концептов в русскоязычной и англоязычной культурах в их функционировании в правовом контексте и в повседневной непрофессиональной речи.

Базовым понятием для обзора явилось понятие языковой картины мира, т.е. антропоцентричный целостный образ мира, складывающийся в сознании человека в процессе его коммуникативной деятельности. Эта проблематика интересовала Анатолия Михайловича задолго до написания названного обзора: в 1990 г. он был одним из авторов «Лингвистического энциклопедического словаря», вышедшего под редакцией В.Н. Ярцевой и удостоенного в 1995 г. Государственной премии. Для этого словаря Анатолий Михайлович написал статьи «Этнолингвистика», «Гипотеза Сепира-Уорфа» и «Семантическое поле».

Таким образом, научная деятельность Анатолия Михайловича Кузнецова свидетельствует о том, что глубокое изучение структуры языка, его развития и его укорененности в культуре предполагает не отказ от научных достижений, полученных в рамках предшествующих парадигм, а их учет в разработке новых подходов в исследовании языка как средства социальной и культурной коммуникации. Научное наследие Анатолия Михайловича Кузнецова создало теоретическую и практическую базу для развития новейших перспективных направлений языкознания.

В общении Анатолий Михайлович был отзывчивым и доброжелательным человеком. Помимо лингвистики у него были и другие интересы: со школьных лет он увлекался пешим и байдарочным туризмом, о чем с энтузиазмом рассказывал коллегам. Был прекрасным резчиком по дереву.

1 февраля 2016 г. Анатолий Михайлович, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, вышел на пенсию, но до последних дней он оставался на связи с сотрудниками отдела, интересовался его жизнью, помогал консультациями.

Его дружелюбной коллегиальности, обширной эрудиции в различных областях гуманитарного знания будет не хватать сотрудникам отдела языкознания.

У Анатолия Михайловича осталась большая семья – жена, дети, внуки, правнуки.

Отдел языкознания ИНИОН РАН

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ NEW RULES FOR THE AUTHORS AND THEIR ARTICLES

Уважаемые авторы!

С 1 номера 2026 года меняются требования к авторам и к оформлению статей, присылаемых в редакцию журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание».

Требования к авторам и оформлению статей

В журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» публикуются научные статьи, обзоры, рецензии, сообщения о научных событиях. Отдельный раздел посвящен ретро-публикациям.

К публикации в журнале приглашаются авторы, имеющие законченное профильное (лингвистическое) образование не ниже магистратуры (специалитета), аспиранты, кандидаты и доктора наук.

Первоначально все поступившие в редакцию рукописи обсуждаются редколлегией журнала. После этого признанные соответствующими требованиям журнала (по оформлению, профилю журнала и пр.) рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование с целью экспертной оценки и проверку на плагиат. Окончательное решение о публикации принимается на заседании редакции. В случае отказа принять рукопись к публикации редколлегия сообщает об этом автору. Срок рассмотрения рукописей редакцией и рецензентами занимает не более 90 дней со дня поступления рукописи в редакцию. Публикация статьи занимает не более 1 года.

Передавая рукопись в редакцию, автор подтверждает, что текст ранее не публиковался и не находится на рассмотрении в другом издании.

Публикации в журнале бесплатны для авторов.

Общие требования к оформлению рукописей

Рукописи принимаются в электронном виде в формате .doc или .docx. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта (в том числе в сносках) – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5, отступ – 1 см.

Авторы должны указать свои фамилию, имя и отчество (полностью), место своей работы, должность и адрес электронной почты. Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статья должна иметь четкую структуру, в ней должны быть выделены: введение, основная часть, при необходимости включающая в себя несколько разделов, а также заключение (выводы).

Объем рукописей (с учетом всех элементов текста):

– статьи и обзоры – не более 40 тыс. знаков (с пробелами);

-
- рецензии – не более 25 тыс. знаков (с пробелами);
 - сообщения о научных событиях – не более 50 тыс. знаков (с пробелами).

Требования к оформлению рукописей статей, обзоров и рецензий

Статьи, обзоры, рецензии и сообщения о научных событиях обязательно должны включать УДК, аннотации (объемом около 500 печатных знаков (с пробелами) на русском и английском языках), а также 4–10 ключевых слов / словосочетаний, разделенных точкой с запятой, на русском и английском языках.

ОФОРМЛЕНИЕ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ

Ссылки на литературу приводятся в тексте в квадратных скобках.

В обязательном порядке указывается фамилия автора и через запятую – год: [Степанов, 1998] или [Andersen, 2012].

Если в тексте приводится **цитата** или дается отсылка на какой-то определенный фрагмент в объемной работе, указывается страница (страницы), также через запятую:

[Шмелев, 2014, с. 37] или [Andersen, 2012, p. 12].

Если **авторов упоминаемой работы два или три**, то фамилии приводятся через запятую:

[Lyse, Andersen, 2012].

Если ссылка дается на **работы одного автора, вышедшие в разные годы**, между номерами годов ставится запятая:

[Даль, 1989, 2004].

Если две или более работ одного автора / авторов **вышли в один год**, к году добавляются буквенные обозначения – а; б; в или а; b; с.

[Johnson, 1986a, 1986b]

В **одной ссылке на несколько работ** разных авторов между работами ставится; (точка с запятой) [Апресян, 1995; Арутюнова, 2002].

В **ссылке на сборник или на коллективную монографию** желательно привести название сборника / монографии – полностью. Если же название длинное, указываются начальные слова и далее год и при необходимости страницы [Библиографический указатель литературы по языкознанию ..., 1958].

Пример введения сокращенных наименований работ в тексте при первом упоминании

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ) авторы составляли словник, опираясь на теорию... [ФСРЯ, 2020].

ОФОРМЛЕНИЕ ПРИМЕРОВ И ЦИТАТ В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ

1) В статье **примеры** и **цитаты** на русском языке даются в кавычках прямым шрифтом.

Примеры на иностранных языках приводятся без кавычек, но курсивом, с переводом на русский язык.

Пример оформления:

Существительное *article* в значении «изделие» употребляется в данном случае в роли подлежащего.

2) Цитаты на иностранных языках также приводятся в кавычках, курсивом, с последующим переводом.

Если перевод приводится по какому-либо источнику, указывается источник (У. Шекспир, «Гамлет», пер. Б.Л. Пастернака).

Если перевод принадлежит автору статьи, то в круглых скобках следует указать инициалы автора (пер. наш. – *И.И.*).

Пример оформления:

Торо пишет: “*When I wrote the following pages, or rather the bulk of them, I lived alone, in the woods, a mile from any neighbor, in a house which*

I had built myself, on the shore of Walden Pond, in Concord, Massachusetts, and earned my living by the labor of my hands only”. – «Когда я писал следующие страницы, или, вернее, большую их часть, я жил один, в лесу, в миле от соседей, в доме, который построил сам, на берегу Уолденского пруда в Конкорде, штат Массачусетс, и зарабатывал на жизнь исключительно трудом своих рук» [указать автора, год, страницы] (пер. наш. – *И.И.*).

3) Иноязычные термины при первом их употреблении в статье приводятся на языке оригинала курсивом, без кавычек, при необходимости с переводом в кавычках и в круглых скобках:

Пример оформления:

В англоязычном переводоведческом дискурсе данный вид перевода известен как *community translation* (букв. «коммунальный перевод»).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректоры Мелешко Е.И., Корнейчук Д.Д., Ушакова Д.А.

Подписано к печати 12.11.2025

Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 11,5

Тираж 300 экз.

Цена свободная

Уч.-изд. л. 9,6

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: 8(499) 124-32-15

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6